

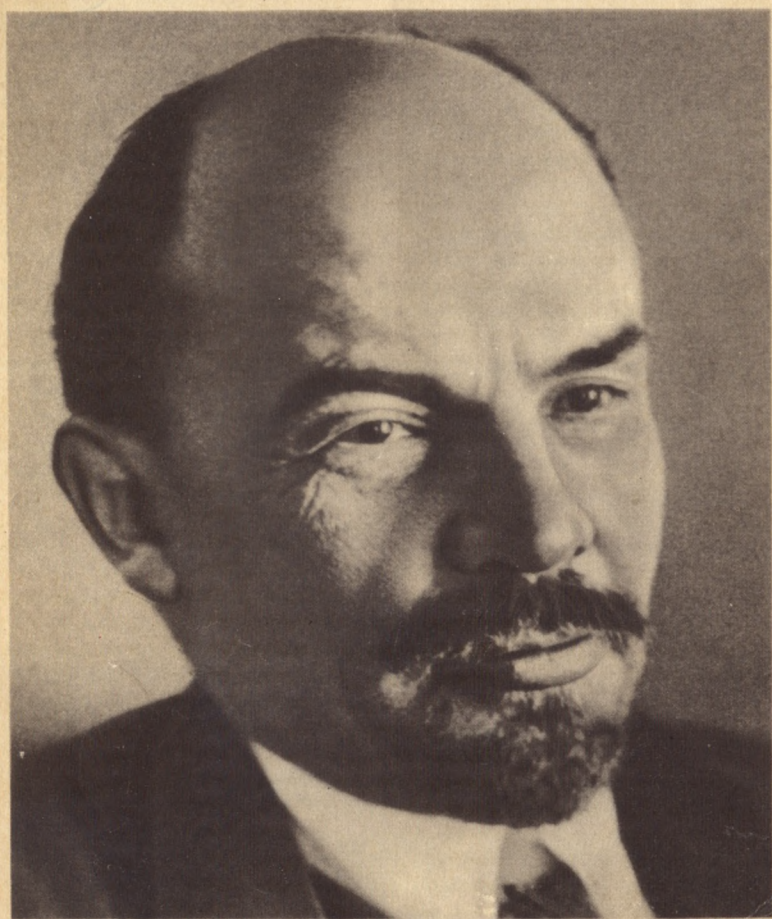
ЗК 26.3

13.50

Л 45

ЛЕНИН

в воспоминаниях финнов

Издательство
политической
литературы

ЛИСТОК СРОКА ВОЗВРАТА

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

Колич. пред. выдач _____

ЛЕНИН
в воспоминаниях
финнов

3K26.3

13.50

145

149674
P

Абонемент

Городская библиотека
политической книги

Москва
Издательство
политической
литературы
1979

13.5

Л45

Перевод с финского Л. И. РОНГОНЕН

Л45   **Ленин в воспоминаниях финнов: Пер. с фин.— М.: Политиздат, 1979.— 143 с., ил.**

В книге собраны статьи и воспоминания видных деятелей и рядовых членов Коммунистической партии, участников рабочего движения Финляндии, встречавшихся или работавших с В. И. Лениным.

Помещенные в сборнике материалы — некоторые из них были ранее опубликованы на русском языке — дополняют уже известные сведения о жизни и деятельности В. И. Ленина в Финляндии, его связях с финским рабочим движением.

Книга рассчитана на массового читателя.

Л 10103—206
079(02)—79 89—79 0103020000

13.5
ЗК26.3

© ПОЛИТИЗДАТ, 1979 г.

Предисловие

В многогранной революционной деятельности В. И. Ленина немалое место занимали вопросы, связанные с судьбой Финляндии, которая до 1917 года входила в состав Российской империи на правах Великого княжества. Борьба передовых сил, и прежде всего финских трудящихся, за независимость своей страны привлекала внимание широких слоев общественности России. Партия большевиков, В. И. Ленин, провозгласившие право всех наций на самоопределение, последовательно защищали справедливые требования народа Финляндии. Владимир Ильич неоднократно разоблачал реакционную политику царского правительства, которое стремилось не только ограничить, но и вовсе ликвидировать автономию края.

В статьях «Царь против финского народа» и «Поход на Финляндию», написанных в мрачные годы столыпинской реакции и напечатанных в центральном органе РСДРП нелегальной газете «Социал-демократ», Ленин изложил принципиальную позицию большевиков в отношении шовинистической политики царизма в Финляндии. «Черносотенные бандиты Зимнего дворца и октябристские шулера III Думы начали новый поход против Финляндии»¹ — так выразительно и гневно начинается первая из указанных ленинских статей. В ней Владимир Ильич со всей категоричностью подчеркнул, что у трудящихся России и Финляндии один общий враг и только в совместной борьбе они могут добиться освобождения. Поход на Финляндию является одновременно и походом на демократические силы России, стремлением царизма полностью ликвидировать все завоевания первой русской революции. Ленин заверял рабочий класс Финляндии в том, что в борьбе за свои права «он будет иметь на своей стороне социалистический пролетариат всей России, готовый, каковы бы ни были тяжелые условия современного момента, выполнить свой долг, *весь свой долг*»². Он предостерегал финских рабочих от иллюзий мирным путем добиться восстановления попранных самодержавием автономных прав. Только последовательная совместная борьба, толь-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 19, стр. 127.

² Там же, стр. 129.

но победоносная пролетарская революция может привести как к национальному, так и к социальному освобождению. В статье «Поход на Финляндию» Ленин написал слова, ставшие пророческими: «Придет время — за свободу Финляндии, за демократическую республику в России поднимется российский пролетариат»¹.

И это время пришло. Великая Октябрьская социалистическая революция принесла реальную свободу народам России. Вместе с тем она стала решающим фактором, определившим новые пути исторического развития независимой Финляндии. 31 декабря 1917 года глава Советского правительства В. И. Ленин подписал декрет, в соответствии с которым Финляндия впервые в своей истории стала самостоятельным государством.

Владимир Ильич неоднократно бывал в Финляндии. Сложные, полные опасности пути профессионального революционера не раз приводили его в этот суровый северный край. Исследователями подсчитано, что Ленин приезжал в Финляндию не менее двадцати пяти раз и прожил здесь в общей сложности более полутора лет. Он был тесно связан с десятками финских революционеров, ко многим из них относился с большой личной симпатией, часто помогал им и не раз прибегал к их помощи. Достаточно напомнить, что под влиянием ленинских идей, под воздействием личных встреч и бесед с Владимиром Ильичем левое крыло Социал-демократической партии Финляндии постепенно эволюционировало к революционному марксизму и на его базе была создана партия коммунистов. У колыбели Коммунистической партии Финляндии, учредительный съезд которой состоялся в Москве летом 1918 года, находился великий Ленин. Финские коммунисты по праву гордятся этим историческим фактом.

Народ дружественной нам страны Суоми исключительно бережно относится к памяти Ленина. Еще в 1946 году по инициативе общества «Финляндия — Советский Союз» в финском городе Тампере был открыт Музей В. И. Ленина. Он стал первым ленинским музеем в капиталистической стране. В апреле 1970 года во всех наиболее крупных городах и населенных пунктах Финляндии состоялись многолюдные празднества, посвященные 100-летию В. И. Ленина. В 1976 году в Хельсинки со-

---

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 19, стр. 222.

стоялось торжественное открытие квартиры-музея Владимира Ильича в том доме, где он в 1917 году скрывался у финского революционера Г. С. Ровио. В 1977 году в Турку был установлен памятник Ленину у дома, в котором он останавливался в декабре 1907 года. Во многих финских городах на зданиях, где проживал Владимир Ильич, установлены мемориальные доски.

Начиная с далекой сибирской ссылки и кончая последними годами своей жизни, В. И. Ленин постоянно встречался с активными участниками финляндского рабочего движения, с наиболее выдающимися и талантливыми его представителями. К. Х. Вийк, Э. О. Гюлинг, Э. Г. Кальске, О. В. Куусинен, Ю. К. Латукка, А. Ф. Нуортева, Л. П. Парвиайнен, братья И. А. и Э. А. Рахья, Г. С. Ровио, Ю. Сирола, А. В. Шотман, Г. Э. Ялава — вот далеко не все имена финских революционеров, которых хорошо знал и высоко ценил В. И. Ленин.

Первым финном, которому посчастливилось близко познакомиться с Владимиром Ильичем, был питерский рабочий Оскар Александрович Энгберг. Встретились они не в Финляндии и не в Петербурге, а в далеком сибирском селе Шушенском осенью 1897 года, куда Ленин был сослан после ареста по делу о петербургском «Союзе борьбы за освобождение рабочего класса», а Энгберг — за активное участие в забастовочном движении. Более двух лет прожил молодой финский рабочий в Шушенском, постоянно общаясь с Лениным и его семьей. Спустя многие годы, уже на склоне лет, Энгберг вспоминал о своих товарищах по ссылке: «То время никогда не изгладится из памяти. Они были такие хорошие люди»¹.

Александр Васильевич Шотман, революционер-подпольщик, активный участник рабочего движения России и Финляндии, впервые встретился с В. И. Лениным летом 1903 года в Женеве на II съезде РСДРП. Идеи Ленина, беседы с ним, его беспредельная преданность делу революции, скромность и простота оказали решающее влияние на всю дальнейшую жизнь Шотмана. С тех пор он стал верным ленинцем, последовательным борцом за интересы трудящихся, вошел в славную когорту профессиональных революционеров, названных

---

¹ См. настоящее издание, стр. 36.

ленинской гвардией планеты. Владимир Ильич высоко ценил Шотмана и полностью доверял ему. 25 апреля 1918 года в записке командующему морскими силами Советской Республики Ленин дал ему следующую характеристику: «Податель — тов. Шотман, старый партийный товарищ, лично мне превосходно известный и заслуживающий абсолютного доверия»¹.

Эйно Абрамович Рахья. Это имя тоже хорошо известно читателю, интересующемуся историей революционного движения России и Финляндии. Темной августовской ночью 1917 года он сопровождал Ленина на трудном пути из Разлива в Петроград. Вместе с А. В. Шотманом и Г. Э. Ялавой Э. А. Рахья организовал нелегальный переезд Владимира Ильича из Петрограда в Финляндию и его возвращение в Петроград. Со своей последней конспиративной квартиры Ленин уходил на встречи с другими руководителями большевистской партии всегда вместе с хорошо вооруженным Рахьей, который охранял Владимира Ильича в это напряженное и трудное время. И наконец поздно вечером 24 октября 1917 года Ленин пришел в Смольный в сопровождении Эйно Абрамовича. Беспредельная преданность делу революции, огромное личное мужество, высокое чувство партийного долга — вот наиболее яркие черты характера связного Ленина в незабываемом 1917 году.

Деятель финляндского и международного коммунистического и рабочего движения О. В. Куусинен также хорошо знал Ленина, часто встречался с ним, а после создания III, Коммунистического Интернационала длительное время работал под его непосредственным руководством. В 1921 году, во время подготовки к III конгрессу Коминтерна, Ленин поручил Отто Вильгельмовичу составить проект тезисов по организационному вопросу. Немецкий коммунист В. Кёнен, который тоже был привлечен к подготовке указанного проекта тезисов, в своих воспоминаниях так описывает эту работу: «Товарищ Куусинен вел необходимые переговоры с Лениным, если определенные абзацы подвергались переработке или имелись новые важные предложения и ходатайства об изменениях текста... По примеру Ленина товарищ Куусинен пытался обобщить опыт промышленных рабочих, приехавших на конгресс делегатами. Для

---

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 50, стр. 65.

понимания ленинских организационных принципов, вопросов тактики единого фронта и работы коммунистов в массовых организациях эти вечера и ночи, когда мы работали по инициативе и под руководством Ленина, явились для нас подлинной высшей школой политической работы в духе лозунга Ленина «Ближе к массам»¹.

Длительное общение с Владимиром Ильичем, тесная совместная работа над многими важнейшими вопросами стратегии и тактики мирового коммунистического движения оказали огромное влияние на всю дальнейшую жизнь О. В. Куусинена.

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что финские революционеры, рабочие, политические и государственные деятели, встречавшиеся и работавшие с Лениным, пользовались его уважением и поддержкой и в свою очередь оказывали Владимиру Ильичу помощь в тяжелых условиях подполья. Поэтому издание на русском языке сборника «Ленин в воспоминаниях финнов» — весьма полезное и нужное дело. Эти воспоминания, часть которых впервые публикуется на русском языке, будут с большим интересом встречены советским читателем, всеми, кто интересуется историей КПСС и Советского государства, жизнью и революционной деятельностью В. И. Ленина.

В книгу включены воспоминания тридцати финнов, лично знавших В. И. Ленина. Это подлинно человеческие документы, которые объединяет великая любовь к человеку, отдавшему всю свою сознательную жизнь борьбе за победу социалистической революции. Кто бы ни писал о Ленине — видный политический деятель, дипломат, журналист, рабочий, люди разных взглядов, политических убеждений, — все отмечают в нем глубочайшее чувство ответственности, неудержимую жажду работы, необычайную скромность и простоту в обыденной жизни.

Новые штрихи к хорошо знакомому портрету — так можно кратко выразить основное содержание воспоминаний.

Отбор материалов и их расположение в известной мере произвольны. Это признает и составитель сборника

---

¹ «О Ленине. Воспоминания зарубежных современников». М., 1966, стр. 433—434.

Тууре Лехен в предисловии к финскому изданию. Однако этот недостаток в какой-то мере компенсируется краткими сведениями об авторах, помещенными в конце книги. Они помогут советскому читателю оценить имеющийся в воспоминаниях фактический материал, соотнести его с отдельными периодами столь насыщенной событиями биографии В. И. Ленина.

Сборник вышел в Финляндии в 1969 году, накануне 100-летия со дня рождения В. И. Ленина, и был благожелательно встречен финляндской общественностью. Выпуск его на русском языке явится серьезным вкладом в дальнейшее развитие и укрепление дружественных советско-финляндских отношений.

Издание, предлагаемое советскому читателю, дополнено подстрочными примечаниями. Значительно расширены и уточнены краткие сведения об авторах воспоминаний, многие из которых после поражения финляндской революции 1918 года жили и работали в нашей стране. Написание названий финских городов дается так, как в сборнике, выпущенном финским издательством.

*М. Коронен,
доктор исторических наук,
профессор*

Предисловие редакции к финскому изданию

Книга содержит воспоминания тридцати финских граждан, имевших при различных обстоятельствах контакты с Владимиром Ильичем Лениным с 1897 по 1922 год. Большинство статей опубликовано раньше. Но они появились — главным образом в 1920 и 1930 годах — или за пределами Финляндии, или же в силу сложившихся условий в нашей стране были труднодоступными и поэтому почти неизвестны современному финскому читателю.

Некоторые статьи публикуются впервые, они взяты из отечественных и советских архивов.

Основная часть публикуемых материалов — воспоминания, связанные с пребыванием Ленина в Финляндии в 1905—1907 и в 1917 годах, а также воспоминания представителей рабочего движения и государственных деятелей Финляндии, встречавшихся с Лениным после Октябрьской революции.

Только один из авторов, финский рабочий Оскар Энгберг, находившийся вместе с Лениным и Надеждой Константиновной Крупской в ссылке в Сибири в 1897—1900 годах, вспоминает более ранние времена.

Поскольку большинство воспоминаний создано спустя много лет после описываемых событий, трудно было избежать некоторых противоречий, неточностей в изложении деталей и фактов.

Нельзя не отметить также некоторый субъективизм, ограниченность и даже ошибочность в восприятии личности Ленина. Это относится прежде всего к воспоминаниям Людвиг Линдстрема о переезде Ленина через Северный залив в Швецию в декабре 1907 года. Но даже эти воспоминания, на наш взгляд, уместно поместить в настоящем сборнике, поскольку они раскрывают много интересных деталей этой опасной и сложной поездки, в организации которой Линдстрему принадлежала важная роль.

Воспоминания в целом неравнозначны, и этим обусловлена трудность систематизации их по времени или по содержанию. В сборнике они расположены в несколько произвольном порядке. В начале книги помещены воспоминания О. В. Куусинена, Ю. Э. Сирола, К. Манне-

ра и К. Х. Вейка и других, которые виделись с Лениным неоднократно и имели с ним принципиальные разговоры по вопросам идеологии и общей политики, за ними следуют рассказы о встречах частного характера в хронологической последовательности.

В конце книги приводятся персональные сведения об авторах и источниках, где можно найти дополнительные данные о воспоминаниях и их авторах.

За ценную помощь в подборе и систематизации материала редакция выражает особую благодарность Народному архиву, Архиву Рабочих и Архиву Карельского филиала Академии наук СССР.

Редакция

Ленин жив

Величие Ленина и всемирно-историческое значение его жизни известно теперь каждому. Но молодому и среднему поколению порой трудно представить себе обаятельную личность этого великого государственного деятеля, его исключительно бережное отношение к друзьям и ко всем честным людям.

В беседах с Ильичем буквально каждый чувствовал, как сочеталась в его личности простая человеческая теплота с революционной пылкостью и энтузиазмом. С ним можно было говорить запросто, как с отцом или со все понимающим учителем.

Он слушает внимательно, но его выразительное лицо и, главное, глаза передают быструю смену мыслей и чувств. И когда он краткими, четко сформулированными фразами обстоятельно и глубоко поясняет волнующие тебя вопросы, поражаешься силе его гения.

Все сложное и запутанное оказывается легким и простым. Сразу же понимаешь, куда и с кем надо идти, что предпринять и какова основная линия нашей политики в данной конкретной ситуации. Все становится ясным как день. Возвращаешься после разговора с Лениным счастливым, убежденным в победе и с чувством безграничной преданности к нему, к Ленину.

И если бы кто-нибудь спросил, в чем мы, люди старшего поколения, особенно ясно ощущаем гений Ленина, то можно было бы ответить так: он представлялся нам ясновидцем в самом лучшем понимании этого слова.

По меткому выражению А. М. Горького, Ленин обладал редким умением видеть настоящее с высоты будущего.

В выступлениях Владимира Ильича на собраниях поражали его жизненная мудрость, сила духа и убеждения, всегда захватывавшие слушателей.

Рабочие и крестьяне чувствовали, что Ленин в глубине своего сердца всегда думал об их повседневных нуждах, он посвятил свою жизнь борьбе за их интере-

сы и люто ненавидел всяческое угнетение и эксплуатацию трудящихся.

Народ любил Ленина безгранично, так же как и Ленин любил народ.

Под руководством Ленина социализм впервые перешел из теории в практику. Владимиру Ильичу не пришлось самому быть очевидцем победного шествия социализма в других странах.

Его жизнь оборвалась безвременно, но историческое дело Ленина, его идеи бессмертны.

О чем спрашивал Ленин

Он умел задавать вопросы. Говорят, лет тридцать тому назад¹ он готовил прокламацию в связи с забастовкой и беседовал с одним стачечником. В конце разговора тот, вытирая пот со лба, заявил: «Легче работать сверхурочно, чем отвечать на ваши вопросы».

Точно так же обливались потом во время беседы с ним многие интернационалисты, перед которыми он ставил вопросы, требующие прямого ответа, а они не могли его дать. Но большей частью Ленин спрашивал так искусно, в ходе непринужденной беседы, что собеседник даже не замечал этого.

Одна английская дама, миссис Сноуден, заметила, что после взятого у Ленина интервью у нее осталось такое ощущение, что на самом деле не она, а он ее интервьюировал. И добавила, что знаменитая ленинская улыбка отнюдь не всегда (и не ко всем) была любезной.

Но я ведь собирался рассказать о собственных впечатлениях. Первый раз он совершенно выжал меня своими вопросами в 1905 году, в день окончания всеобщей забастовки в Хельсинки. Я был тогда мало знаком с ним и не понимал незаурядности его личности, но мне запомнилось на всю жизнь, что на его вопросы надо было давать только правдивые ответы. К сожалению, мы тогда не очень серьезно отнеслись к оценке, которую он дал нам, когда жил у Аланне и Хаккила: «Они не настоящие социал-демократы». Слово «социал-демократ» в его устах тогда означало то же, что сейчас «коммунист».

Накануне открытия международного конгресса в Копенгагене в 1910 году мы случайно оказались соседями по столу в небольшом открытом ресторанчике на ужине, который датчане устроили в честь приехавших гостей. Когда графин с водкой по кругу дошел до нас, я спросил у Ленина:

— Вы позволите себе перед обедом рюмочку?

— Моя партия не запрещает этого, — был ответ.

Мне стало неловко. Оказалось, ему была известна

---

¹ Воспоминания написаны в 1925 году.— *Ред.*

принятая съездом Социал-демократической партии Финляндии в Оулу резолюция, предписывающая партийным работникам быть всегда абсолютно трезвыми. Я часто вспоминаю этот небольшой инцидент. Вначале меня поразило, что он запомнил даже такое маленькое, мимоходом принятое решение. И лишь потом, став коммунистом, я понял главное: он придавал огромное значение партии и принятым ею решениям.

В частных беседах в кулуарах того же конгресса Ленин делал меткие критические замечания по поводу руководства делами конгресса. Например, в предложенной резолюции по вопросу о кооперации он указал на неточное употребление термина «социальное производство». Ему хотелось поговорить со мной о философии — он как раз написал книгу об идеалистических заблуждениях некоторых социалистов¹, — но, к сожалению, я не мог поддержать с ним разговор на эту тему. В то же время он устраивал с нами, финнами, некоторые практические транспортные дела. Ведь тогда через Финляндию проходил один из этапов нелегальной революционной почты.

В дни Октябрьской революции 1917 года мне поручили от имени партии передать поздравления товарищу Ленину в Смольный. Поздравлений он не принял. «Ведь Керенский еще не побежден», — сказал он. Но он охотно обсуждал вопрос об участии финской социал-демократии в общественном перевороте и о наших возможностях помочь революционному Петрограду.

В начале января 1918 года он говорил бургомистру Стокгольма Линдхагену, что руководство финской социал-демократии предало революцию. Мы пытались исправить это положение во время Красной Финляндии, но безуспешно.

Мне посчастливилось встречаться с Лениным в дни Красной Финляндии, а также летом 1918 года. Он с интересом следил за процессом нашего становления как коммунистов и дал нам в то время много хороших советов. Зимой 1919 года мы встретились при основании Коминтерна². Я жил тогда в одном из флигелей в Крем-

---

¹ Имеется в виду книга В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм». — *Ред.*

² I конгресс Коминтерна проходил 2—6 марта 1919 года. — *Ред.*

де с несколькими представителями других компартий Запада.

Как-то вечером Ленин заглянул к нам. Мы пили чай и беседовали. Он тут же заговорил о самом главном:

— Ну, а как крестьяне?

И тут уж пришлось туго. Он спрашивал, как обстоят дела с земельным вопросом. Много ли сельскохозяйственных рабочих в стране и каково их положение. Как обстоит дело с мелким и средним крестьянством. И он попросил каждого из нас дать ему краткую письменную информацию о том, как ставятся эти вопросы в наших странах.

В апреле 1920 года Ленину исполнилось 50 лет. Как раз перед этим проходила партийная конференция, и было решено после конференции отпраздновать его юбилей.

В конце заключительного заседания слово дали, как мне помнится, Преображенскому. Он изложил дело. Потом начал говорить Каменев. Ленин тут же собрал бумаги и пошел к выходу — кто-то вызвал его в канцелярию. В зале раздались возгласы «Просим!», что означало «Просим остаться!». Но он только махнул бумагами и сказал: «Дела». А когда требовали дела, то никакие другие обстоятельства не могли его удержать. Чествовать Ленина было невозможно.

В самые тяжелые дни революции Ленин вдохновлял людей и укреплял их боевой дух. Однажды я был у него в морозный зимний день. Телефон звонил, как обычно, не переставая (со временем звонки заменили световым сигналом). Кто-то спрашивал, очевидно, насчет дров. Лицо Ленина стало строгим и сосредоточенным. Он диктует в трубку, как будто издает декрет: «Количество должно быть выполнено безусловно! Никакая компенсация не выплачивается, нет возможности!» Этими несколькими словами он опять поддержал силу духа какого-то заколебавшегося комиссара. Он мог требовать от людей сверхчеловеческого напряжения сил. И ими была спасена революция, спасена Россия, был сохранен оплот мировой революции. Неудивительно, что люди преклонялись перед его упорством и непреклонностью.

Я случайно был в кабинете Ленина как раз в тот момент, когда было сломлено наступление Деникина. Разговаривая по телефону, он схватил карту и все отме-

чал на ней досконально. Затем показал мне, как продвигался фронт.

В тот раз или как-то позже он выяснял у меня, какие за границей появились книги о гражданской войне в Финляндии. Он слышал, что автор одной из них какой-то шведский офицер... Я сказал, что полковник Ялмарссон действительно выпустил книгу, но есть и другие. Он спросил, имеются ли какие-нибудь из этих книг на немецком языке. Я назвал книгу Гольтца. Ему захотелось познакомиться с книгой. Он тщательно изучал все перипетии гражданских войн. Так накапливался его опыт. Непостижимо только, где он брал время на все это.

Летом 1920 года мы с товарищем Гюллингом, только что вернувшимся из Стокгольма, поехали к нему посоветоваться о положении в Карелии. Он подробно расспрашивал, что мы знаем о Карелии и как относится наша партия и мы лично к автономной Карелии, верим ли мы в ее успех. Я признался в своих сомнениях. Мол, мало народу, нет почти промышленного пролетариата, активных сил мало и т. д... Но товарищ Гюллинг верил. И был готов действовать. Он рассчитывал на карельских крестьян. Они, безусловно, вдохнутся, ведь дело это для них свое. Ленин спрашивал и слушал с увлечением. Он видел перед собой человека, который верил и был готов рисковать. Таким надо дать возможность действовать.

В последний раз я видел Ленина осенью 1921 года. Он спрашивал, знаю ли я американских финнов и их покровителей, хлопочущих насчет Кузбасса¹. Задав вопрос, Ленин сощурил один глаз, а другим стал бурлить меня насковзь. Лучше всего было говорить то, что думаешь. Было такое ощущение, что он все равно выведает все, что его интересует, даже если захочешь что-нибудь скрыть. Он предупредил, что вопрос его очень серьезен. В это вложены средства, и развитие производства в этом районе имеет огромное значение. Нужно было подобрать надежных людей.

---

¹ Речь идет о соглашении с группой американских рабочих, прибывших в Россию, о передаче ей на определенных условиях части Кузнецкого каменноугольного бассейна в Сибири для его восстановления и эксплуатации. Так была создана Автономная индустриальная колония — Кузбасс («АИК — Кузбасс»). — *Ред.*

Потом мы говорили о высказываниях Маркса и Энгельса относительно диктатуры пролетариата. Среди них были такие, которые он не взял в «Государство»¹. Я спросил, как он их понимает. Он сам перечислил целый ряд дополнительных положений, требующих разъяснений. Тут же было затронуто и письмо Энгельса к Бебелю 1880 года. Руководители немецкой социал-демократии скрыли это письмо, хотя в нем наиболее ясно и отчетливо представлены важнейшие проблемы революции.

— Да, совершенно очевидно, что Энгельс прекрасно понимал все трудности революции,— говорил Ленин, и его уставшее лицо принимало глубокое, неизъяснимо серьезное выражение.— Он пережил эти трудности.

— И все-таки,— отвечал я,— Энгельс был готов пойти на них, даже если бы это могло привести к новому 1793 году (год высшего подъема Великой французской революции и затем падения якобинцев).

— Да, 1793-й...— сказал Ленин, и на его лице на миг отразились моменты, когда «1793 год» грозил русской революции. Много раз Ленин на советских и партийных собраниях говорил: «Если не сделаем того-то и того-то, мы не пробьемся». Но вот пробились, направляемые им. И в этой титанической работе сгорали его нервы. Еще и пули контрреволюционной «социалистки» подорвали его здоровье.

¹ Имеется в виду книга В. И. Ленина «Государство и революция».— *Ред.*

149684

Несколько личных воспоминаний о товарище Ленине

Я был немного знаком с товарищем Лениным еще до 1912 года. Но поскольку я не владел русским языком, то это знакомство не могло стать более основательным. В то время мне и в голову не могло прийти, что когда-нибудь представится возможность так близко, под личным руководством Ленина учиться практическому применению марксизма, как это произошло потом, после финляндской революции, когда я находился в эмиграции в Советской России.

Еще летом 1912 года в Хельсинки, в редакции газеты Социал-демократической партии Финляндии, я познакомился с опытным большевиком, близким другом Ленина товарищем Шотманом, который в то время был, по-моему, членом Центрального Комитета РСДРП¹. Вышло так, что мы с Шотманом и с небольшой группой друзей совершали воскресные прогулки на лоно природы. Во время этих прогулок он то и дело рассказывал о русских большевиках, об их работе и борьбе, и, конечно, о товарище Ленине.

Мы, финны, были обычными «западными» социал-демократами, правда с левым уклоном, сторонниками «решительной классовой борьбы» в духе Каутского. Впоследствии я заметил, что Шотман относился к нам с определенной осторожностью, как к людям, на которых можно надеяться, но за которыми надо еще внимательно следить, чтобы молодые всходы не заглохли.

Я тогда толком не знал, какое положение занимал Ленин в партии русских товарищей. Но из рассказов Шотмана я понял, что Ленин является центральной фигурой в этом движении.

Случилось так, что в те дни произошел провал в русском военном ведомстве в Хельсинки. Ряд русских и финских товарищей оказались в руках русской жандармерии и сотрудничавшей с ней финской полиции. По-

¹ Здесь автором допущена неточность. А. В. Шотман был введен в состав ЦК и Русского бюро ЦК РСДРП в 1913 году, на «Августовском» совещании в Поронино.— *Ред.*

следовали ссылки в Сибирь. Среди сосланных были, между прочим, финские товарищи Тайми¹ и Кокко². Шотман мгновенно исчез из Хельсинки. Спустя некоторое время он вернулся обратно. Я каким-то образом понял тогда — уж не помню точно, как именно, — что Шотман ездил к Ленину докладывать о событиях в Хельсинки, и особенно по поводу неудач большевиков в военной организации. Я начинал понимать тогда, что Ленин — это центр, ядро, причем не только в области теории, но прежде всего в практической повседневной революционной борьбе.

Первый раз я встретился с Лениным лично тоже в Хельсинки. Это было осенью 1917 года, во время пребывания Ленина в Финляндии. Я был тогда членом исполнительного комитета Социал-демократической партии Финляндии и узнал о приезде Ленина сразу же.

Спустя некоторое время Густав Ровио, у которого Ленин остановился, сообщил мне, что Ленин собирается уезжать из Хельсинки. Ему надо было загримироваться с помощью парикмахера. Для этого нужна была подходящая квартира с телефоном. Г. Ровио сказал, что хотел бы воспользоваться моей квартирой.

Я согласился помочь, гордясь оказанным мне доверием.

В условленное время Ровио прибыл со своим подопечным. Ленин был необычайно оживлен. Но говорил тихо, как будто опасался стен. Настоящего разговора не получилось: я плохо говорил тогда по-немецки, а по-русски едва мог сказать что-нибудь вроде «здравствуйте». Однако с помощью Ровио мы все же немного побеседовали о положении финских рабочих. Ленин проявил большой интерес к тому, что я читаю, он тщатель-

---

¹ Тайми А. П. (1881—1955) — член РСДРП с 1902 года. В 1907—1908 годах — член Хельсинкского военного комитета РСДРП. Неоднократно арестовывался. В 1915 году сослан в Туруханский край. В 1917 году — делегат Апрельской конференции. В 1912—1935 годах — член ЦК Компартии Финляндии. В 1928 году был приговорен финским судом к 15 годам каторжных работ. Был освобожден в мае 1940 года и переправлен в СССР. В 1940—1944 годах — заместитель председателя Совнаркома Карело-Финской ССР и депутат Верховного Совета СССР. — *Ред.*

² Кокко А. Г. (род. 1892). В революционное движение вступил в 1908 году. Член Коммунистической партии Финляндии с августа 1920 года. Вел работу по распространению нелегальной литературы. С 1930 года — в СССР. — *Ред.*

но просмотрел всю мою библиотеку. Библиотека была не ахти какая, как у обыкновенного финского социал-демократа. Но все же там нашлись книги Маркса в таком количестве, что Ленин счел возможным обратиться ко мне с просьбой. Он спросил: «У вас есть «Гражданская война во Франции»? Мне она нужна для работы». К сожалению, у меня ее не было. Мне стало неловко, так как я понимал, что Ленину она была нужна для настоящего дела.

Когда я впоследствии познакомился с его книгой «Государство и революция», многие части которой были написаны в Финляндии в то лето, мне пришло в голову, что книга Маркса нужна была Ленину именно для этой работы. Я все же указал ему точное место в Хельсинки, где он мог ее получить.

Цель визита Ленина ко мне в этот раз не была достигнута. Парикмахер, который должен был изменить неузнаваемо внешность Ленина, сбежал, как заяц, и Ленину пришлось возвращаться ни с чем. Прощаясь, он улыбнулся так мило, по-своему, подмигнул, слегка прищутив левый глаз.

Второй раз я встретил Ленина в Смольном, когда он, уже после победы Октябрьской революции, возглавлял молодое Советское государство. Это было, помнится, в самом конце 1917 года. В начале ноября в Финляндии произошла мощная всеобщая стачка. Рабочий народ поднялся. Обстановка была накалена. Буржуазия поджала хвост. У нее не было оружия. Русские солдаты были на стороне финского пролетариата. Тогда-то было самое время выступить. Пока шла всеобщая забастовка, мы получили из Петрограда от Ленина письмо с товарищеским пожеланием успеха в нашей борьбе. Возможно, это был деликатный намек, чтобы мы, финские товарищи, последовали примеру русских...

Мы, финны, все же не сумели последовать примеру и совету Ленина.

Вторая моя встреча с Лениным была связана преимущественно с провозглашением независимости Финляндии.

Меня вместе с двумя товарищами¹ от Социал-демократической партии Финляндии послали делегатами к Ленину советоваться по этому вопросу. Как я уже го-

---

¹ Э. Гюллинг и К. Вийк.— *Ред.*

ворил, мы встретились с ним в Смольном. В просторной пустой комнате на верхнем этаже тускло светила небольшая лампочка. В комнате не было почти никакой мебели. Мы сели за старый обшарпанный стол. Изложили наше дело. Ленин сказал: «Конечно, Финляндия должна стать независимой, мы, большевики, не против этого; как вы уже знаете, мы делаем все, чтобы вам помочь». И большевики доказали это. Потом говорили о нашей всеобщей забастовке. Ленин задавал вопросы, мы отвечали. Мы чувствовали (во всяком случае, я), что совершили ошибку. Но Ленин не упрекал и не ругал нас. Он объяснил, и мне стало ясно, что надо было делать тогда и как надо поступать в дальнейшем. Ленин, по всей вероятности, смотрел на нас теми же глазами, что и Шотман в 1912 году.

Эта встреча с Лениным подействовала, по крайней мере на меня, так, что в нас созрели мужество и решимость пойти на захват власти, что мы и сделали потом, в конце января, правда с большими колебаниями и сомнениями. Эта встреча с Лениным и его отношение к нашим ошибкам запомнились так отчетливо еще и потому, что сразу же после этого мне пришлось встретиться с Троцким. Он также работал в Смольном в маленькой комнатушке, заваленной бумагами.

Когда мы с товарищами предстали перед ним, кратко изложили наше дело и стали обсуждать события великой стачки в Финляндии, он словно ударил нас молотом: «Никогда в жизни вам не простят, что вы не захватили власть в ноябре». Я отнюдь не хочу сказать, что критика Троцкого была незаслуженной. Но отношение к нам Ленина имело гораздо более вдохновляющее и воспитывающее действие, чем эти резкие слова Троцкого.

Третий раз я встретился с Лениным в его рабочем кабинете в Кремле в начале мая 1918 года. Три месяца нашего революционного сражения в Финляндии закончились. Мы потерпели поражение. Мы видели и признавали, что совершили много ошибок. Мы были подавлены и разбиты также морально. Ленин пригласил нас с Куусиненом к себе. Нас мучила совесть, мы шли не весело, и душа болела, как у людей, плохо сделавших свое дело. «Что же он нам скажет теперь? — думал я. — Будут ли его слова еще более суровы, чем слова Троцкого, сказанные несколько месяцев тому назад?» Во-

шли в кабинет Ленина. К моему изумлению, он обнял нас и сердечно пожал нам руки. Он не упрекал нас и не был резок. Наоборот, успокаивал. Он сказал: «Не надо сдаваться и терять мужество. Надо готовиться лучше действовать в следующий раз». Потом мы долго обсуждали отдельные конкретные эпизоды нашей революции. Получали наставления. Он говорил нам о необходимости изучать азбуку коммунизма.

Надо сказать, что в дальнейшем Ленин следил за молодым коммунистическим движением Финляндии и всячески помогал ему. Но это долгий рассказ. Во время этих же трех встреч, за которыми последовали еще несколько, у меня сложился образ Ленина как революционного политика и вождя и как товарища. Это образ яркий и незабываемый. Он нас воспитывает и учит. Ленин был велик во всем. Хочется сказать — непобедимый.

Ленинград, 8 февраля 1924 г.

Воспоминания о Ленине

Ленин познакомился с финнами еще в то время, когда первая русская революция была подавлена и он направился через острова Турку в Швецию. Это путешествие, так же как и целый ряд других, было организовано нашим замечательным товарищем из Турку, торговцем лесом Вальтером Боргом (умер в 1918 году).

По всей вероятности, еще с того времени у Ленина сложилось впечатление, что финны — прекрасные конспираторы и сторонники осторожных действий, как он сказал мне однажды.

Я познакомился с Лениным только в 1910 году, когда в Копенгагене проходил конгресс II Интернационала. Русские имели тогда значительное число представителей, среди которых был Ленин.

Он хотел встретиться с финнами. Встретились в небольшом ресторане. Помню, что передо мной на столе был омар. Рядом сидел Ленин, и перед ним почти ничего не было.

Это мое первое наблюдение подтверждалось неоднократно в дальнейшем. Ленин жил очень скромно, и особенно скромен был в еде.

Ленин сразу же начал разговор о деле. Он хотел переправлять большевистскую литературу из-за рубежа через Финляндию в Россию. Но как это сделать? Я вызвался получать пакеты по почте и пересылать их дальше. Но Ленин не одобрил этого: все надо было конспирировать.

То, в чем остро нуждалась Россия, стало для него основным принципом жизни.

РАБОЧИМ НАДО СКАЗАТЬ ПРАВДУ

Вскоре я снова сделал этот же вывод в другом, более важном деле. На конгрессе в Копенгагене встал вопрос, поднятый французскими товарищами, о том, что в ответ на разразившуюся войну рабочие должны объявить всеобщую забастовку. Я спросил в письме мнение Ленина по этому поводу.

Как марксист, он отверг эти захватывающие, но нереальные, далекие от практической жизни идеи. Однако он сделал очень важную оговорку: «Конечно, мы обязаны сказать рабочим, что они не смогут освободиться без революционной борьбы, было бы преступно не говорить об этом трудящимся». Мне показалось тогда, что у Ленина был слишком русский взгляд на это дело. Но в душе каждого руководителя рабочих надо было заронить идею о том, что рабочим необходимо сказать правду, преступление не делать этого по каким-то «тактическим соображениям».

НАЧАЛО МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Во время мировой войны вести от Ленина приходили через связных. К нам приехал молодой, умный и очень энергичный рабочий-металлург Александр Шляпников с рекомендацией от Ленина. Он прибыл с целью организовать переброску большевистской литературы из-за рубежа через Финляндию в Россию. Это было тогда очень важно, поскольку граница между Россией и Германией стала фронтом. Шляпников побывал на местах и все организовал, особенно в Торнио. Там был специальный агент (финн), который перевозил большевистскую литературу через границу и пересылал ее мне в Хельсинки. Отсюда мы переправляли ее в Териоки (ныне Зеленогорск, Ленинградской области), хорошенько спрятав под грузом с кусковым сахаром. Большевики Петербурга приезжали за литературой в Териоки и потом распространяли «по всей России», как шутил Шляпников. Ни о каких больших количествах, конечно, не могло быть и речи, но даже то, что удавалось доставить в Россию, вероятно, сыграло свою роль в подготовке революции.

ЛЕНИН ВОЗВРАЩАЕТСЯ ОБРАТНО

Как только началась революция, Ленин вернулся из Швейцарии домой. Я встретил его на Мойке, где помещались большевики. Он сразу же, как обычно, воспользовался случаем выяснить настроения в Финляндии, наше отношение к Временному правительству, перспективы на будущее и т. д. Казалось, он был доволен полученными сведениями, а я, со своей стороны, смог на

следующий день, в праздник Первомая, объявить собравшимся в зоологическом саду трудящимся Хельсинки, что Ленин приветствует наши стремления и надежды.

Он уже давно поддерживал нас, так же как и другой большой друг нашей страны, Александра Коллонтай, которая досконально знала нашу жизнь и всегда искренне и сердечно следила за судьбой нашего рабочего движения.

Ленин и его партия были сторонниками самоопределения наций. Они требовали земли для крестьян и мира для России. Партию большевиков поддерживали все, кто хотел того же самого, и поэтому эти три основных вопроса стали тремя могучими орудиями в борьбе против буржуазно-меньшевистского правительства.

Авторитет большевиков продолжал расти. Но им пришлось столкнуться и с большими трудностями. Начались преследования. Ленин вынужден был уйти в подполье, хотя не все товарищи понимали это.

ЛЕНИН В ФИНЛЯНДИИ

В то время укрываться в Финляндии было более безопасно, чем в России. Случилось так, что в один прекрасный летний день мне приказали ехать в Лахти, чтобы сопровождать Ленина в Хельсинки.

Я сделал все, что было приказано, и все обошлось хорошо, тем более что Ленин был отлично загримирован. Он прожил с нами сутки, и, когда он уехал, я сказал матери, что этот господин — самый известный человек из всех, кто приезжал в наш дом. Мать ответила: «Тогда наверняка это был Ленин!»

После этого Ленин жил у начальника полиции Г. Ровио, затем у А. Усениуса, а потом еще у одного финского товарища...

Очень интересно проследить жизнь Ленина в то время. Не было и в помине подавленности, бесплодной мечтательности, что так характерно для жизни эмигранта.

Надо признать, что обстановка тогда не давала к этому повода.

Влияние большевистской партии к концу лета было так велико, что, даже находясь в эмиграции, Ленин оставался вождем, который руководил и отдавал прика-

зы. Ежедневно он посылал письма, в которых советовал, вдохновлял и предостерегал...

Если смотреть в целом, то в 1917 году партия большевиков была единственной целенаправленной и энергичной партией, политической силой в стране. Она не могла не захватить власть.

И когда она захватила власть, она решила вопрос о независимости Финляндии.

Верный своим идеям и своим обещаниям, Ленин признал самостоятельность нашей страны.

ПОСЛЕДНИЙ РАЗГОВОР

Весной 1918 года, в период Красной Финляндии, готовилось государственное соглашение между Финляндией и Советской Россией. В Петрограде, где обсуждался этот вопрос, находилась делегация парламента, но возникли некоторые затруднения. Большевики, рьяные интернационалисты, требовали, чтобы проживающие в Финляндии советские граждане получили муниципальные права, которыми пользовались только граждане страны. Члены делегации не соглашались на это. Переговоры были приостановлены.

Однажды я позвонил в Смольный, чтобы передать нашим представителям несколько инструкций от нашей парламентской делегации. Но поскольку их не оказалось тогда в Смольном и линия была свободна, я подумал, что неплохо бы переговорить с Лениным. Ленин взял трубку и попросил доложить о делах в Финляндии. Я рассказал о заминках в наших переговорах. Ленин, оказывается, ничего не знал об этом и обещал разобраться. Все выяснилось. Большевики отказались от своих требований, и соглашение было достигнуто. Я больше не встречал Ленина, но знаю, что он всегда с интересом следил за судьбой трудящихся Финляндии.

На беседе у Ленина

В мае 1917 года, работая корреспондентом «Тюемиес» в Петрограде, я познакомился с великим человеком, которого знал прежде только по имени, хотя он по своему влиял на мою работу еще в 1905—1908 годах, будучи одним из главных руководителей совсем другой партии. Этот человек, Владимир Ильич Ульянов-Ленин, стал особенно известен весной и летом 1917 года в связи с великой революцией в России.

Валпас, посылая меня корреспондентом «Тюемиес» в Петроград, настаивал, чтобы я брал интервью у всех известных революционеров. Естественно, что прежде всего я пытался найти Ленина. Он лучше всех знал, что же будет дальше.

Прошло два месяца после свержения царского самодержавия. Советы боролись за власть. Жизнь была напряженная и захватывающая. В такой обстановке попасть к вождю революции было нелегко. Но мне сопутствовала удача и вскоре посчастливилось встретиться с Лениным. Он принял меня как представителя «Тюемиес» в редакции «Правды». В то время имя этого великого человека не действовало еще так магически, чтобы заставить дрожать от волнения, когдаходишь в его комнату. И все же я чувствовал некоторую робость, задавая вопросы человеку, который уже тогда держал в своих руках судьбу рабочего класса России.

Ленин принял меня очень радушно, но я заметил, что он осторожный политик. Я уже заранее предположил, что Ленин не скажет ничего существенного для опубликования в финской социал-демократической газете, но задавал свои вопросы, так как даже сам факт, что такой известный человек дал интервью, был очень важен для рабочей газеты. Ленин согласился дать интервью только при условии, что сам продиктует весь текст. Он был очень краток. «Большевики борются,— сказал Ленин,— за большинство в Советах рабочих и солдат. Советы смогут удержать власть только в том случае, если их поддержит прочное большинство»¹.

¹ Это интервью опубликовано в «Тюемиес» 8 мая 1917 года.— *Прим. к финскому изданию.*

Произвело ли это интервью впечатление на читателей «Тюемиес» — не могу сказать. Но для меня эта встреча имела огромное значение: ведь я собственными глазами увидел человека, о котором уже тогда говорил весь мир. Знакомство с Лениным в дальнейшем оказалось для меня очень полезным. И думаю, есть смысл рассказать о встречах и беседах с ним. Их было не так уж много.

После этой первой встречи я долго не видел Ленина. Я слышал, что он скрывался в Финляндии и что Ровио — его старый друг — устроил ему конспиративную квартиру в Хельсинки.

И только в период гражданской войны, когда я вместе с Сирола работал в Петрограде, я вторично встретился с Лениным. Затрудняюсь теперь точно сказать, ради каких переговоров мы прибыли в Смольный. Мне запомнилось, что Ленин взял нас с Сирола под руку и повел в другую комнату. Там он и Сирола беседовали, а я при этом присутствовал. Переводчик им был не нужен, поскольку оба говорили по-немецки. Насколько я помню, Ленин быстро ушел из-за каких-то неотложных дел. Он был тогда главой Советской России, но обращался с людьми так же непосредственно и дружелюбно, как и раньше.

После этого я видел Ленина в марте 1918 года на VII съезде РКП(б), где я выступал с приветствием от финнов. Он был тогда очень занят: выступал с речью и готовил проект резолюции. На разговоры и беседы времени у него почти не оставалось.

Затем я встретил Ленина в Московском Кремле весной 1918 года. Я уезжал тогда в Берлин вместе с дипломатической миссией от Советской России. С послом Иоффе, главой нашего представительства, мы перед отъездом поехали в Кремль к Ленину...

В просторной комнате за большим столом сидел коренастый, крепкого сложения, очень скромного вида человек. Он улыбался, и трудно было поверить, что на плечах этого человека лежала ответственность за всю Россию и весь ее народ. Он дружески пожал нам руки. Поинтересовался здоровьем каждого из нас. Держался просто, без какой-либо нарочитой серьезности.

Его рабочая комната говорила о скромности этого великого человека. Мебель в ней была самая обычная. Большой стол, несколько стульев, большой книжный

шкаф, полный книг. Говорили, что во второй, смежной комнате была его спальня.

Когда все ушли и я остался с Лениным наедине, он спросил у меня: «Что вы будете делать теперь, когда немцы уже в Бьерке?» В те дни в газетах появились неверные сведения о высадке немцев в районе Койвисто (наша беседа произошла 16 апреля 1918 года).

Я ответил, что ничего не могу сказать по этому поводу, так как совершенно не связан с этими делами, но, по всей вероятности, Отто Куусинен, который должен прибыть, может что-нибудь пояснить...

Больше я ничего не помню о наших разговорах, но сама встреча запомнилась мне навеки.

Прошел целый год, прежде чем я снова увидел его.

Вернувшись из-за границы по настоянию находившегося в России центрального органа финских социал-демократов, я начал переводить на финский язык известную работу Ленина «Государство и революция». Работал я летом 1918 года в деревне Марьино на берегу Невы. К осени перевод был готов, и после того, как Вяйне Йокинен проверил его, он был опубликован.

Перед этим Ленин прислал мне написанное им краткое предисловие к готовящемуся новому русскому изданию книги, с тем чтобы оно появилось и в финском переводе. И я понял, что Ленин был заинтересован в переводе книги на финский язык.

Летом 1919 года я совершил поездку в Киев. К этому времени финская социал-демократическая организация в России превратилась в Коммунистическую партию Финляндии. Центральный Комитет партии руководил делами всех финских эмигрантов. Мои переводы также шли за его счет. Так как я часто болел, то Центральный Комитет направил меня вместе с Ээро Хаапалайненом на Украину, чтобы мы организовали там нечто вроде дома отдыха для наших красных инвалидов в одном из монастырей около Киева. Третьим из нас был Куусинен, которому также необходимо было подкрепить здоровье. Чтобы лучше все организовать, мы решили заехать к Ленину и заставить надежными и действенными рекомендательными письмами.

Мы приехали в Кремль, но случилось так, что Ленин не смог принять нас из-за каких-то срочных дел.

Несмотря на это, о нашей просьбе ему было доложено, и он отнесся чрезвычайно благосклонно к цели

пашей поездки. Нам вручили очень торжественное, подписанное Лениным рекомендательное письмо в двух экземплярах, которое призывало всех должностных лиц Российской Советской Федеративной Социалистической Республики оказывать нам всяческую помощь и поддержку.

Этот документ открыл перед нами двери всех государственных учреждений и помог нам во время поездки в тогдашних суматошных и неорганизованных дорожных условиях. Больше всего в этом документе значила подпись Ленина. Многие советские служащие рассматривали этот документ с единственной целью увидеть личную подпись Владимира Ильича. Я помню, как один начальник станции, не видевший раньше подписи Ленина, был очень рад, что увидел ее в документе финнов. Жаль только, что письмо в Киеве исчезло: карманники вытащили у меня бумажник с деньгами и всеми документами. Но второй экземпляр его сохранился у Хаапалайнена.

Вернувшись с Украины, я занялся в Москве переводами по заданию Центрального Комитета. Осенью 1919 года ЦК предложил мне перевести для Ленина изданную в Финляндии книгу К. Х. Вийка «Уроки жестокого испытания». Кажется, передал мне это Юрь Сирола, заметив, что Ленин хорошо знает Вийка и проявляет большой интерес к его работе.

Я перевел книгу и решил доставить ее Ленину в Кремль. Дело считалось таким важным, что мне выдали пропуск к Ленину. Он принял меня сердечно, в той же комнате, что и раньше, интересовался моими делами, самочувствием и т. д. Удивительно, что у этого дружелюбного человека, на плечах которого лежала огромная ответственность, всегда хватало времени на то, чтобы проявить интерес и поговорить о личных делах простого человека.

Ленин был доволен моей работой и считал переведенную мной книгу очень интересной...

Больше я с Лениным не встречался. Раза два после этого я говорил с ним по телефону. Последний наш разговор произошел во время моей болезни. Ленин настаивал на определении меня в стационар. Но я не хотел лежать в больнице и поправился понемногу и так.

Уже в Финляндии я узнал о смерти этого великого человека.

*Мои встречи с Лениным*¹

В оставленных после себя обширных воспоминаниях Ээро Хаапалайнен очень подробно рассказывает об отношении Социал-демократической партии Финляндии к русским революционерам, в особенности о той помощи, которую оказывали руководство партии и газета «Тюемиес» приезжающим в Финляндию на съезды и уезжающим затем в эмиграцию русским революционерам. Работая в редакции «Тюемиес», Хаапалайнен принимал активное участие в организации проезда в апреле 1906 года из Петербурга в Стокгольм делегатов IV съезда РСДРП. Хаапалайнен участвовал в работе съезда в качестве представителя Социал-демократической партии Финляндии. Из его воспоминаний об этом съезде, а также о более поздних временах взято только то, что касается его встреч с Лениным.

«Аграрный вопрос, — рассказывает Хаапалайнен, — был первым в повестке дня. Докладов было всего пять. Товарищ Ленин был первым докладчиком.

Делегаты съезда с огромным вниманием слушали речь Ленина. Он доказывал, что предложение меньшевиков о передаче земли помещиков земствам, которые затем сдавали бы ее в аренду крестьянам, вовсе не решает аграрного вопроса. Крестьяне не одобряют этого, так как бедняк не сможет выкупить землю и останется вечным должником. Программа меньшевиков о муниципализации земли получила убийственную критику.

Еще до этого в брошюре об отношении рабочей партии к аграрному вопросу² Ленин четко сформулировал свои взгляды, а также взгляды большевиков на эту проблему.

Теперь же Ленин показал съезду, что единственно

¹ Воспоминания опубликованы на финском языке в изложении. — *Прим. перев.*

² Имеется в виду брошюра В. И. Ленина «Пересмотр аграрной программы рабочей партии», написанная в марте 1906 года. Брошюра, вышедшая в Петербурге в начале апреля 1906 года, содержит мысли, изложенные Лениным в докладе по аграрному вопросу на IV (Объединительном) съезде РСДРП. В сентябре 1906 года царское правительство наложило на брошюру арест (см. В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 12, стр. 239—270). — *Ред.*

правильное, революционное решение аграрной проблемы предполагает передачу всех земель дворян и помещиков государству, а затем крестьянам в безвозмездное пользование, после того как трудящиеся захватят власть в свои руки. Это была программа большевиков о национализации земли.

От имени меньшевиков докладчиком выступил Маслов, их «аграрный теоретик». К его позиции склонялись и другие докладчики. Дебаты продолжались долго. Никакого взаимопонимания нельзя было достигнуть, хотя «колеблющиеся» депутаты пытались найти компромиссные решения. Как председатель съезда, Ленин предложил разъяснить свою позицию по аграрному вопросу Социал-демократической партии Финляндии. Меня не уполномочивали выступать, и я смог высказать только личное мнение.

Я пытался доказать, что, на мой взгляд, предложенная меньшевиками «муниципализация» передает землю в собственность муниципалитета и, так же как и в буржуазном обществе, отнюдь не решает вопроса о земле в пользу трудящихся крестьян. В связи с этим в Финляндии также надо конфисковать и передать государству земли крупных владельцев, чтобы в дальнейшем отдать их крестьянам безвозмездно. Я пытался представить революционное решение аграрного вопроса и поддержать позицию большевиков.

Вопросы о выборах в Государственную думу, о задачах классовой борьбы и оценке революционного движения на современном этапе также заняли много времени.

Меня особенно интересовал первый вопрос, так как между правыми и левыми «сильтасаарельтскими» группировками в партии были большие разногласия по поводу отношения к парламентским выборам в 1906 году.

Правые призывали к участию в выборах, а левые призывали саботировать их, пока выборы в сейм не будут проводиться при всеобщем и равном голосовании. По мнению меньшевиков и их признанного авторитета Плеханова, надо было обязательно участвовать в выборах и в Думе сотрудничать с кадетами. Меньшевики предложили «парламентаризм» как путь борьбы для рабочих. Руководители Шведской социал-демократической партии во главе с Брантингом поддержали пози-

цию меньшевиков. Ленин четко указал, каким образом делегаты рабочих и крестьян должны использовать трибуну Государственной думы для дела революции...

В Стокгольме я встретился с Лениным впервые. Я видел, как искусно он полемизировал. Плеханов, которого мы привыкли считать большим авторитетом, основателем социал-демократической партии и подлинным марксистом, был совершенно побежден в полемике с Лениным. Заслуга Ленина и в том, что колеблющиеся элементы очень часто переходили на сторону большевиков и во многих вопросах большевики, хотя и были в меньшинстве на съездах и конгрессах, оказывались победителями при голосовании. Ленин всегда присутствовал на собраниях. И когда читаешь его письма рабочим из Петербурга о партийных собраниях, видишь, что он знал досконально малейшие детали в обсуждениях».

Следующая встреча Ээро Хаапалайнена с Лениным произошла в Смольном в январе 1918 года, во время гражданской войны в Финляндии, когда Хаапалайнен был главнокомандующим Красной гвардии и уполномоченным по внутренним делам в рабочем правительстве. Он доложил В. И. Ленину о положении дел в Финляндии и сказал о причинах своего визита.

«Красное правительство Финляндии, которое занимало юг страны и имело Красную гвардию, не изменило своего отношения к Советской России. Оно считало, что Финляндия должна оставаться самостоятельной страной. Декабрьские решения о самоопределении Финляндии оставались в силе и при Красном правительстве. Оно приступило к их осуществлению. И 1 марта 1918 года был заключен договор между Россией и Финляндской Социалистической Республикой. Со стороны Красного правительства Финляндии его подписали Э. Гюллинг и О. Токой. По этому договору находящиеся на территории Финляндии крепости должны были оставаться в руках Советской России, так как у Красной Финляндии не было возможности содержать их. Кроме того, полагали, что Финляндия уже никогда не будет воевать с Советской Россией, поэтому лучше всего было передать их на попечение русских. Когда это представительство вернулось в Хельсинки, выяснилось, что Красное правительство Финляндии думало иначе. Что это за самостоятельное государство,

если на его территории находятся чужие крепости! Поэтому меня командировали к Ленину, чтобы изменить такое положение. Хотя на всех фронтах шли бои, меня отправили в Петроград как уполномоченного от «комиссии по согласованию».

Приехав в Петроград, я сразу же направился в Смольный и был сразу принят Лениным. Я изложил ему дело. Он выслушал внимательно и начал спрашивать о причинах, побудивших нас изменить заключенный уже договор. Он, со своей стороны, считал, что теперь не время решать вопрос о крепостях, так как еще шли бои и Красное правительство Финляндии не могло справиться с обеспечением техникой и людьми этих больших сооружений.

Но поскольку я поддерживал позицию своего правительства, Ленин счел необходимым более тщательно разобраться в этом вопросе и поручил Л. Каменеву обсудить со мной, как быть с Выборгской крепостью.

После обстоятельной беседы с Каменевым было решено передать крепость Выборг Финляндии. Мы доложили наше решение Ленину, и он сразу же одобрил его. Не помню точно, было ли это соглашение сразу зафиксировано на бумаге.

Ленин расспрашивал меня и о положении в нашей стране, о том, как шла борьба против белофиннов. Его очень интересовало все, что касалось Финляндии. Во время беседы он не раз говорил, что трудящиеся Петрограда сразу же перейдут к мирному труду, как только наступит окончательный мир. Рабочие-путиловцы посылали ему различные снаряды для пушек, и на подоконниках в комнате Ленина была целая «выставка» этих снарядов. Показывая «выставку», Ленин говорил с улыбкой, что на фронте очень много такого металла, а его надо бы предназначить для других целей. Из этого металла можно было бы изготовить плуги, которые так нужны крестьянам. Но империалисты позаботились о том, чтобы русский пролетариат еще многие годы не мог выплавлять металл для плугов».

Далее Хаапалайнен рассказывает о том, какую большую заботу проявил Ленин об отступающих из Финляндии красногвардейцах и их семьях, а также о его участии в организации снабжения их продовольствием и мест в домах отдыха для инвалидов гражданской войны. По этому поводу Хаапалайнен вместе с

двумя другими товарищами¹ был послан Коммунистической партией Финляндии в Москву на встречу с Лениным. Хаапалайнен говорит об этом:

«На этот раз мы к Ленину не попали. Хотя с помощью товарища А. Шотмана нам была организована в Кремле встреча с Лениным, который хотел услышать от нас рассказ о положении и настроениях финских эмигрантов. Но когда мы прибыли в Кремль, товарищ Енукидзе² нам сообщил, что Ленин не может нас принять из-за какого-то очень важного заседания и просит приехать на другой день. Но у нас уже были куплены на следующий день билеты в Киев. Так как мы уже не могли откладывать поездку, то пришлось отказаться от этой встречи. Узнав об этом и пожелав все-таки при всей спешке помочь нам, Ленин написал нам в дорогу рекомендательное письмо³, которое передал через товарища Енукидзе.

Исключительно благодаря этому письму наши дела устроились хорошо. В Наркомате социального обеспечения нам быстро дали сведения, с кем связаться на Украине для организации места отдыха инвалидам и семьям красногвардейцев».

---

¹ О. Вилми и Э. Торниайнен.— *Ред.*

² А. С. Енукидзе с октября 1918 года по 1923 год член Президиума и секретарь Президиума ВЦИК.— *Ред.*

³ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 50, стр. 309.— *Ред.*

О. А. ЭНГБЕРГ

Вместе с Лениным и Крупской в Сибири

Настоящая статья опубликована в 1956 году. Кайсу-Мирьями Рюдбергом.

Оскар Энгберг в течение почти трех лет был товарищем Ленина по сибирской ссылке. Два года из них там также находилась и Крупская. Энгберг был шафером на свадьбе Ленина и Крупской в июле 1898 года и держал венец над головой невесты. За два года до смерти Крупской он приезжал навестить ее в Кремль. Воспоминаний хватило на весь вечер, их даже сфотографировали тогда вместе. Оскар Энгберг умер в декабре прошлого года¹ на 81-м году жизни.

Однажды июньским вечером в середине 30-х годов (это было, кажется, в 1936 году) в Корсе, пригороде столицы, во дворе изящной виллы, происходило заседание социал-демократической партии. До начала заседания я разговорился с хозяином дома. Это был солидный седой мужчина с приятной улыбкой. Со шведским акцентом он говорил о том, что в легальном рабочем движении, как сейчас, есть свои преимущества, хотя ему кажется, что в нелегальной, скрытой борьбе больше интересного и захватывающего.

Я смотрел на него с удивлением и даже с опаской. Когда в те времена совершенно чужому человеку говорили о «скрытой борьбе», то это предполагало деятельность совершенно определенного свойства.

Но нелегальная деятельность моих хозяев раскрылась, когда я после своего выступления пил с ними кофе. На стенах комнаты были развешаны фотографии из жизни дореволюционного Петербурга. И вдруг старик заговорил: «Я Оскар Энгберг, о котором писала Крупская. Я был с ними в Сибири. То время никогда не изгладится из памяти. Они были такие хорошие люди».

---

¹ О. А. Энгберг умер в 1955 году.— *Ред.*

МОЛОДОСТЬ В ПЕТЕРБУРГЕ

Оскар Энгберг родился 9 марта 1874 года в Выборге, откуда его родители переехали в Петербург в надежде на лучшие заработки. Отец стал рабочим Путиловского завода, семья поселилась в рабочей части города около Нарвских ворот. После окончания начальной шведской школы в Петербурге тринадцатилетний Оскар начал работать клепальщиком в доке острова Галерного. Затем он в течение трех лет был учеником у золотых дел мастера, но потом поступил смазчиком в сталепрокатный цех Путиловского завода. Там в результате несчастного случая он потерял палец. Никакой компенсации за увечье ему, конечно, не выплатили.

Здесь на огромном заводе, куда Энгберга вновь взяли учеником токаря, он познакомился с революционерами. Вскоре он начал распространять листовки и прокламации. В середине 90-х годов его впервые задержали как инициатора и руководителя стачки.

Энгберг, смеясь, рассказывал об этом: «Я ни в чем не признался, сказал, что все ложь и клевета, и меня выпустили!»

Через пару лет его задержали снова; на этот раз он не смог оправдаться. Энгберга приговорили к трем годам ссылки.

ТОТ ЖЕ САМЫЙ ОРАТОР

Местом ссылки назначили деревню Шушенское в Восточной Сибири, в Минусинском округе. Энгберг прибыл туда в 1897 году. Поездка на транспорте того времени производила впечатление кругосветного путешествия, «но человеком молодым и с веселым характером все это воспринималось как интересное приключение», — вспоминал старик.

Еще до приезда в Шушенское Энгберг знал, что туда же был выслан и Ленин, или Владимир Ильич Ульянов, как тогда его называли. Энгбергу посоветовали обращаться к нему по всем вопросам, так как этот интеллигентный человек пользовался большим авторитетом и мог дать «хороший совет по любому делу».

«Теперь нас здесь трое!» — весело приветствовал вновь прибывшего Ленин. Энгберг сразу же вспомнил, что видел Ленина раньше, на одном из собраний на за-

воде Семянникова в Петербурге, куда он был послан делегатом от своих товарищей по работе. Ему особенно запомнились слова, выражение лица и весь облик одного из ораторов-революционеров. Теперь Энгберг удостоверился, что «тот самый оратор» и был Ленин.

Владимир Ильич устроил Энгбергу жильё у одного из крестьян в доме напротив, а также помог написать заявление, чтобы Энгберг мог пользоваться принадлежащими ему правами и обеспечением.

Говоря о «нас троих», Ленин имел в виду себя и своих двух товарищей по ссылке. До Энгберга в Шушенское приехал польский шляпник Проминский¹ с женой и детьми. О нем более подробно рассказывает в своих воспоминаниях Крупская.

ВЕСЕЛЫЙ И ЖИЗНЕРАДОСТНЫЙ ЧЕЛОВЕК

«Ленин был очень жизнерадостным и веселым человеком,— неоднократно говорил Энгберг.— Он много читал и писал, работая над книгой «Развитие капитализма в России», и все же у него оставалось время на прогулки и общение со своими друзьями по ссылке».

Около деревни текла маленькая речка Шушь, приток Енисея. Зимой ссыльные устроили на льду речки каток. Для Энгберга выписали коньки «по размеру», и он начал овладевать новым для него спортом. Бывало, на катке устраивались даже соревнования, на которые собирались ссыльные из соседних мест («соседними» считались деревни, расположенные за десятки километров).

Ленин очень хорошо играл в шахматы, и его никто не мог обыграть. Кроме того, он был рьяный охотник и любил ходить пешком. А летом он часто плавал в Енисее («иногда по два раза в день»,— писал Ленин матери)².

---

¹ Проминский И. Л. (1859—1923) — рабочий. За участие в Лодзинской социал-демократической организации был в 1894 году арестован и выслан в Восточную Сибирь. Отбывал ссылку в селе Шушенском. Впоследствии член большевистской партии.— *Ред.*

² См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 55, стр. 47.— *Ред.*

КРУПСКАЯ ПРИВЕЗЛА КОРЗИНУ

В мае 1898 года в Шушенское вместе со своей матерью приехала невеста Ленина Надежда Крупская. Это было большим событием и для товарищей Ленина по ссылке, так как гости, которые могли рассказать о мировых событиях, были большой редкостью в Сибири.

Крупская привезла для Энгберга корзинку с набором ювелирных инструментов. Энгберг чувствовал себя неловко из-за того, что ей пришлось тащить такую тяжесть через все государство (она еще везла для себя более необходимые вещи). «Но она всегда была готова помочь», — вспоминал Энгберг. Инструменты доставили большую радость как самому Энгбергу, так и многим девушкам по всей округе: Энгберг с удовольствием делал им различные украшения.

Когда Ленин и Крупская уезжали из Шушенского, Энгберг приготовил Крупской подарок. Это была красивая брошь в виде книжечки, на которой Энгберг выгравировал слова: «Карл Маркс». Брошь он сделал из крышки старинных серебряных часов. Крупская удивлялась, каким образом при нехватке инструментов Энгберг сумел сделать такую красивую вещь.

Крупская сама рассказывает в своих воспоминаниях об их расставании в феврале 1900 года.

«Приходил Оскар Александрович, сидел на кончик стула, видимо, волновался, принес мне подарок — самодельную брошку в виде книги с надписью «Карл Маркс», в память моих занятий с ним по «Капиталу»»¹.

ШАФЕР

Письма Ленина к родным рассказывают, сколько нужно было различных документов, прежде чем двое ссыльных могли пожениться, и как медленно сонные чиновники доставляли эти документы на место назначения даже в тех случаях, когда они и не думали специально задерживать их. С другой стороны, Крупской было поставлено условие, чтобы брак был заключен немедленно по прибытии в Шушенское, иначе ей будет запрещено пребывание там. Арестованная в 1896 году,

¹ См. «Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине», в пяти томах, т. 1. М., 1968, стр. 245.— *Ред.*

Крупская получила свой приговор только на следующий год — ссылка на три года в Уфимскую губернию.

Когда она заявила, что она невеста Владимира Ильича Ульянова, ей заменили место ссылки на Шушенское.

10 (22) июля 1898 года наконец праздновали свадьбу. «Это было большим событием для всей округи, — рассказывает Энгберг, — там ведь очень мало что происходило». Считали, что Энгберг будет подходящим шафером, ему было 24 года (жениху было 28, невеста была на год старше).

И вот Энгберг держит венец над головой Крупской во время свадебной церемонии, которая совершалась по всем правилам православной церкви, даже алтарь обошли трижды (в России гражданские браки были запрещены).

Своих близких друзей, которых в письмах матери и сестрам он называл тесинцами¹, он не смог пригласить на свадьбу. Тесинцы жили в деревне Тесинское, расположенной чуть севернее, на другом притоке Енисея. Они переписывались, и Ленин иногда ездил в Тесинское, чтобы повидаться с ними, в частности предыдущим летом он был там на свадьбах двух своих друзей.

Задолго до свадьбы тесинцы начали выяснять, смогут ли они побывать на свадьбе Ленина. В июне Ленин написал матери: «Просил исправника пустить ко мне на свадьбу тесинцев, — он отказал категорически...»² Причиной отказа было заявление, что какой-то политический ссыльный сбежал, как только разрешили ему сходиться в деревню. И хотя Ленин уверял, что ни один человек из Теса не исчезнет, начальник остался непреклонным в своем решении.

УЧЕБА

Оскар Энгберг рассказывал, что с самого начала Ленин советовал ему учиться и выбирал ему книги, в основном на немецком языке, так как Энгберг учил его немного еще в школе. Ленин всегда был готов объяс-

---

¹ Имеются в виду Г. М. Кржижановский с матерью и В. В. Старков (см. *В. И. Ленин. Полн. собр. соч.*, т. 55, стр. 53). — *Ред.*

² Там же, стр. 91. — *Ред.*

нять трудные места и делал это весьма наглядно, чтобы лучше запоминалось.

С приездом Крупской занятия стали еще интенсивнее. «Крупская была тоже очень хорошим и терпеливым учителем...» — говорил Энгберг.

В КРЕМЛЕ У КРУПСКОЙ

Я видел Оскара Энгберга до его поездки в СССР, где он встретился с Крупской. А в апреле 1937 года у него брал интервью редактор одной из газет социал-демократической партии Финляндии Хелмер Адлер, которому Энгберг рассказал об этой встрече.

Энгберг поехал в Ленинград в составе туристской группы. Ему бросилась в глаза огромная разница между старым и новым. Прожившего свою молодость в Петербурге старика потрясло все новое, что он увидел, особенно сильное впечатление произвел на него Ленинградский Дворец пионеров.

В Ленинграде Энгберг сказал своему гиду, что он очень хотел бы повидать после столь долгих лет Крупскую. Можно было бы встретиться где-то на полпути между Москвой и Ленинградом.

Гиды полагали, что Крупская вряд ли поедет так далеко. Через некоторое время Энгберг получил вызов в Москву и бесплатный проезд в купе первого класса. В Москве он остановился в гостинице «Метрополь», лучшем отеле столицы. В один из вечеров его пригласили в Кремль к Крупской.

Надежда Константиновна постарела, зрение ослабло, но она была еще полна душевных сил. Вначале она не узнала гостя, но, когда заговорили о Сибири и Шушенском, она воскликнула: «Да ведь вы старина Оскар!» Они тепло обнялись и по русскому обычаю поцеловались.

Визит длился долго. Вспоминали о прошлом, поужинали и опять вспоминали. Затем Энгберг напомнил Крупской об обещании, которое она дала ему еще 39 лет назад (Крупская обещала в Шушенском подарить своему другу по ссылке фотографию с личной надписью). Ленин перед отъездом из Сибири подарил Энгбергу свою фотографию. Как шутил Энгберг, обещание Крупской за это время обросло такими процентами, что им надо было теперь сфотографироваться вместе. Крупская, сме-

ясь, согласилась. На следующий день они пошли в Музей Ленина, чтобы сфотографироваться. Когда они сидели перед камерой рядышком, Крупская сказала, что теперь нельзя смеяться, чтобы не испортить фотографию. На фото они получились улыбающимися.

ВСПОМИНАЕТ КРУПСКАЯ

Крупская умерла 27 февраля 1939 года. Накануне ей исполнилось 70 лет... Она успела закончить двухтомную книгу воспоминаний о Ленине («Воспоминания»). Первая часть описывает 1893—1907 годы, вторая — посвящена бурным событиям 1907—1917 годов. Рассказывая о жизни в Шушенском, она несколько раз упоминает Оскара Энгберга. Вот отрывок, где Крупская рассказывает о Проминском и Энгберге:

«В Шушенском из ссыльных было только двое рабочих — лодзинский социал-демократ, шляпочник, поляк Проминский с женой и пятью ребятами и путиловский рабочий Оскар Энгберг, финн по национальности. Оба — очень хорошие товарищи. Проминский был спокойным, уравновешенным и очень твердым человеком. Он мало читал и не много знал, но обладал замечательно ярко выраженным классовым инстинктом. К своей верующей тогда еще жене он относился спокойно-насмешливо. Он очень хорошо пел польские революционные песни. «Рабочий народ, познай свою силу», «Первое мая» и целый ряд других. Дети подпевали ему, присоединялся к хору и Владимир Ильич, очень охотно и много певший в Сибири. Пел Проминский и русские революционные песни, которым учил его Владимир Ильич. Проминский собирался назад в Польшу на работу и погубил несметное количество зайчишек, чтобы заготовить мех на шубки детям. Но добраться до Польши ему так и не удалось. Перебрался с семьей только поближе к Красноярску и служил на железной дороге. Дети выросли. Сам он стал коммунистом, коммунисткой стала пани Проминская, коммунистами стали дети. Один убит на войне, другой чуть не погиб во время гражданской войны, теперь в Чите. Только в 1923 году выбрался Проминский в Польшу, но по дороге умер от сыпного тифа.

Другой рабочий, Оскар, был совсем иного типа. Молодой, он был сослан за забастовку и за буйное поведение во время нее. Он много читал всякой всячины, но

о социализме имел самое смутное представление. Раз приходит из волости и рассказывает: «Новый писарь приехал, сошлись мы с ним в убеждениях». — «То есть?» — спрашиваю. «Да и он, и я против революции». Мы с Владимиром Ильичем так и ахнули. На другой день я засела с ним за «Коммунистический Манифест» (приходилось переводить с немецкого) и, одолев его, перешли к чтению «Капитала». Зашел как-то на занятия Проминский, сидит и посасывает трубочку. Я предлагаю какой-то вопрос по поводу прочитанного. Оскар не знает, что сказать, а Проминский спокойно так, улыбаясь ответил на вопрос. На целую неделю бросил Оскар занятия. Но так парень хороший был»¹.

Ко времени окончания ссылки Ленина у Крупской оставался еще год до конца срока. Она должна была вытерпеть этот год в Уфе. Получив в марте 1901 года свободу, Крупская поехала в Мюнхен, где в то время жил Ленин.

Оскар Энгберг вернулся из Сибири в Финляндию и работал токарем вначале в Выборге, затем в Пюхтия и начиная с 1905 года в Хельсинки. Еще в 1924—1942 годах он работал токарем в железнодорожном цехе в Хельсинки, откуда ушел на пенсию. И в зрелые годы Энгберг всегда с энтузиазмом участвовал в различных мероприятиях рабочих, в частности он был основателем и первым председателем Рабочего союза в Стокфорсе, в 1905 году он был председателем Русского отделения Рабочего союза в Хельсинки и также принимал участие во многих других рабочих организациях.

В 1919 году Энгберг был одним из основателей социал-демократического Рабочего союза в Корсо; в течение многих лет он был одним из руководителей этого союза и впоследствии стал его почетным членом.

---

¹ «Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине», в пяти томах, т. 1, стр. 236—237.

Не совсем обычный гость

Усилившаяся после 1905 года реакция заставляла членов русской революционной партии покидать свою родину, эмиграция часто осуществлялась через Финляндию, где финские активисты помогали русским революционерам, и социал-демократы естественно опирались на членов братской партии. В Финляндии были благодарны русским революционерам за улучшение жизни, достигнутое в период революции, и поэтому с большим энтузиазмом, чем прежде, помогали преследуемым революционерам. Через русских студентов я познакомился со многими русскими эмигрантами и имел возможность оказывать им разностороннюю помощь во время эмиграции через Финляндию. В то время я и познакомился с руководителем большевистской фракции Лениным, очень уважаемым и признанным авторитетом среди членов своей партии, хотя не очень еще широко известным за ее пределами.

В начале 1906 года вместе с инженером Аланне я жил в Хельсинки на улице Вуоримиехенкату. Нам сообщили, что из России приезжает один партийный товарищ, которого надо обеспечить безопасным жильем, так как за ним особенно сильно охотятся жандармы. Мы решили поселить его у себя. И в один прекрасный день к нам прибыл коренастый лысый мужчина лет сорока. Нам представили его как Вебера. Он прожил в нашей студенческой квартире около полутора месяцев¹, спал на раскладушке, которая на день всегда убиралась. Питание нашего гостя вполне соответствовало жилищу по своей непритязательности. Если мы могли обедать где-то в столовой, за пределами квартиры, то он не мог ее покинуть и вынужден был питаться всухомятку, запивая еду чаем, столь любимым русскими. Как и многие русские студенты, он уже привык к такому образу жизни за время долгих лет эмиграции и ссылки. Не мог я предполагать тогда, что через десяток лет наш скромный

¹ В. И. Ленин жил в Хельсинки на улице Вуоримиехенкату, 35, приблизительно в марте — начале апреля 1906 года. Точное время пребывания Ленина на квартире двух финских социал-демократов пока не установлено. — *Ред.*

квартирант будет жить в Кремле и возглавлять правительство Советской России.

Прошло немного дней, и мы обнаружили, что у нас не совсем обычный гость. Из разговоров с ним мы поняли, что он прекрасно осведомлен в европейской политике и даже досконально знает обстановку в Финляндии, с которой, как выяснилось, он ознакомился, будучи на Карельском перешейке¹. Совершенно очевидно, что в эти тяжелые, переломные годы нам очень помогло то, что Ленин так хорошо знал нашу страну и нашу обстановку и не нуждался в недружелюбно настроенных к нам советчиках, в которых не было недостатка во времена царизма, как нет и теперь. С утра и до позднего вечера наш гость писал, читал и руководил с помощью листовок и статей борьбой большевиков против меньшевиков. Внутрипартийная борьба в это время особенно обострилась. Несмотря на постоянную занятость и полную отдачу работе, наш гость всегда был в хорошем настроении и время от времени рассказывал забавные истории. Мне особенно запомнился его доброжелательный юмор, который, по-видимому, был для него характерным. С теми товарищами, которые приходили к нему поговорить и посоветоваться, он был обычно лаконичен, не впадал в свойственное некоторым русским многословие...

Не помню точно, поехал ли Ленин прямо от нас за границу, но, видимо, это было так, поскольку чуть позже я послал его библиотеку частично в Швейцарию, частично в Париж. На следующий год я снова встретил его в Хельсинки, где тогда проводилась Всероссийская конференция социал-демократической партии². Я взялся за организацию помещения для проведения конференции. Успех этого дела вызывал сомнения у нашего партийного комитета, так как финские полицейские начали активно помогать царским ищайкам. Мне удалось снять одно помещение в столовой рабочих табачной фабрики по улице Ластенкотинкату, второе — во флигеле

---

¹ В. И. Ленин жил на Карельском перешейке, в дачном поселке Куоккала (ныне Репино), на даче «Ваза», с конца февраля до начала апреля 1906 года, затем с небольшими перерывами с конца лета 1906 года до конца 1907 года. — *Ред.*

² Автор имеет в виду Четвертую конференцию РСДРП («Третью общероссийскую»), проходившую 5—12 (18—25) ноября 1907 года в Хельсинки. — *Ред.*

Дома студента политехнического института. Конференция проходила то в одном, то в другом здании и завершилась благополучно.

Только здесь я окончательно понял, какое огромное влияние имел в партии Ленин. Он был уже тогда главной фигурой на конференции.

Члены большевистской фракции, казалось, были особенно привязаны к своему лидеру. Как показали последующие годы, он сумел удержать их и сделать своими верными помощниками и в дальнейшем, что далеко не всегда свойственно государственным деятелям. Финансовое положение партии в период конференции было очень тяжелым, казначей доложил, что осталось всего несколько сот марок. Но несмотря на это, вынашивались большие планы, которые завершились свержением царизма в одной из самых могущественных держав.

В третий и последний раз я встретил Ленина в Копенгагене на международной конференции социалистов в 1910 году. Я присутствовал на заседании секции молодежи, где председательствовал Карл Либкнехт, когда товарищ Вийк сообщил мне, что меня спрашивает один «очень подозрительный» человек. Вийк не узнал Ленина: из-за зубной боли его голова была обернута платком и в таком виде он действительно был неузнаваем. Мы зашли в ближайший ресторан, чтобы поговорить о делах. Там были еще два русских социал-демократа. Мы обсудили вопрос о возможности проведения очередного партийного съезда опять в Хельсинки. Но в итоге отказались от этой идеи, так как из-за усиления реакции было рискованно подвергать опасности многих товарищей. Насколько мудрым было это решение, выяснилось в том же году, когда начатая в Хельсинки конференция латышских социал-демократов вынуждена была прекратить свою работу. После этого Ленина я не встречал. Бывший эмигрант стал величайшим человеком Советской России, и его имя запечатлено навеки большими буквами в анналах мировой истории...

СЕСТРЫ ВИНСТЕН

Ленин в пансионате в Оулункюля

ИНТЕРВЬЮ В. АРТИ В 1947 ГОДУ

Несколько лет тому назад мне пришлось проживать долгое время в особняке около станции Оулункюля (Огльбю), где тогда был и сейчас еще сохранился пансион. Однажды я, к своему удивлению, услышал, что Ленин во время своей эмигрантской жизни в Финляндии провел несколько недель в том же особняке¹, в одной из больших комнат на втором этаже. Это было в последнее десятилетие царской власти, точнее говоря, в 1907 году.

Я узнал, что особняк принадлежал двум сестрам, и поехал поговорить с этими пожилыми женщинами. В разговоре выяснилось следующее: как-то позвонил один влиятельный человек, преподаватель Хельсинкского университета², и спросил, не смогли бы они приютить у себя одного из русских эмигрантов. Будучи противниками царизма, сестры сразу же согласились.

Так в особняке появился невысокого роста, розовощекий, не очень красивый господин. Он объяснил по-немецки, что он как раз тот, о котором было условлено заранее. Хозяйки взяли его на полный пансион. Гость оказался тихим, молчаливым человеком, который редко выходил из своей комнаты и усердно писал. Сестры видели его только во время еды. Говорил он мало и только однажды пошутил по поводу какого-то блюда. Иногда он ездил в Хельсинки. Хозяйки обращали мало внимания на этого неизвестного господина, они думали,

---

¹ В пансионате «Гердобагка» в Оулункюля В. И. Ленин прожил около трех недель. Здесь он продолжал работу над книгой «Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции 1905—1907 годов», редактировал большевистский сборник «Текущая жизнь», писал X—XII главы работы «Аграрный вопрос и «критики Маркса»». — *Ред.*

² Очевидно, это был В. М. Смирнов — профессиональный революционер, большевик, член РСДРП с 1900 года, в 1903—1918 годах с перерывами работал в Хельсинкском университете лектором русского языка и помощником библиотекаря русского отдела библиотеки. Во время революции 1905—1907 годов В. М. Смирнов осуществлял нелегальные партийные связи. — *Ред.*

что он один из революционеров, которых в то время в Финляндии было много.

Днем они обе работали в своих учреждениях в городе, что тоже препятствовало их общению с этим молчаливым господином.

Однажды к нему приехала красивая русская женщина. Как они узнали позже, это была его жена. Вскоре после этого гость внезапно исчез из особняка. Хозяйки решили, что он убежал от жандармов, и вскоре позабыли о нем.

Осенью 1917 года, когда в России свершилась революция, сестры увидели в газете фотографию Ленина. Они сразу же узнали в нем того самого господина, который когда-то жил у них на пансионе. В облике Ленина есть особые черты, которые легко запоминаются. Впоследствии им довелось услышать, что Ленин действительно останавливался у них. Он даже сам упоминал, что жил в Оулункюля у «двух наивных барышень».

Говорят, что оттуда он сел на поезд, отправлявшийся в Турку, но, заметив, что за ним следуют жандармы, спрыгнул на ходу, и к счастью остался невредим.

Затем он направился на юго-западный берег Финляндии, скрывался там, а в конце 1907 года уехал в Швецию на пароходе, чуть не утонув во время перехода по тонкому льду.

Выбор Оулункюля временным местом жительства был «стратегически» очень правильным. Особняк расположен около вокзала, и в случае надобности можно было легко уехать на поезде, к тому же было удобно добираться до Гельсингфорса навещать товарищей, на это уходило всего 15 минут езды. Кроме того, особняк стоял на высокой горе, за которой сразу начинался лес, где тоже можно было спрятаться в случае опасности. Тихих, занимающих скромные должности сестер нельзя было заподозрить в том, что они могут скрывать у себя кого-нибудь. К тому же, как уже говорилось, их не было днем дома. Все было хорошо, пока не пришлось срочно выехать, но к таким неожиданным выездам эмигранты всегда готовы.

Отъезд Ленина из Финляндии в декабре 1907 года

В первый раз я встретился с Лениным при очень странных обстоятельствах.

В декабре 1907 года Владимир Ильич, который проживал в то время в Финляндии, был вынужден покинуть ее и срочно выехать за границу — в последний раз перед окончательным возвращением в канун революции.

Нескольким партийным товарищам в Финляндии было поручено помогать эмигрантам-революционерам перебираться через границу. В Хельсинки под руководством лектора университета В. Смирнова действовал эмигрантский комитет. Его представители имелись во многих портовых городах Финляндии. Такой «отправной пункт» был и в Турку, где в то время я работал редактором газеты «Социалист».

Из Турку эмигрантов, как правило, переправляли в Швецию. Этим делом руководил Вальтер Борг (товарищ Борг умер от истощения в Петрограде в 1919 году¹; в 1918 году оба его сына были расстреляны финскими белогвардейцами (лахтари)). В комитете работал также Людвиг Линдстрем, участник нашего движения, впоследствии отошедший от него, и ряд других товарищей.

У нас была хорошо организована подготовка иностранных паспортов. Мы располагали официальными печатями многих русских губернских учреждений, настоящими бланками документов и т. п. Кроме того, был налажен постоянный контакт с командованием и с экипажами судов. Вальтер Борг являлся представителем многих иностранных фирм в Турку и имел обширные связи, что не мешало ему быть одним из самых здравомыслящих и верных большевиков Финляндии. Его положение бизнесмена очень помогало работе нашего комитета.

---

¹ Автор указывает дату смерти В. Борга неточно. Он умер в июне 1918 года, о чем сообщала «Петроградская правда» 11 и 13 июня 1918 года (см. *М. М. Коронен. В. И. Ленин и Финляндия. Л., 1977, стр. 112*). — *Ред.*

Перед отправлением очередного товарища мы получали из Хельсинки от Смирнова зашифрованную заявку на него. В ней указывались наиболее характерные приметы, по которым мы готовили соответствующий паспорт и обеспечивали место на судне. Нам помогали несколько молодых людей. Среди них были сыновья Борга. По условным приметам они встречали товарища на вокзале и провожали его по указанному им адресу.

В начале декабря Смирнов сообщил нам, что скоро мы должны отправить за границу очень важного партийного товарища. Имени его он не сообщил, но мы уже знали, что через Турку за границу должен был ехать Ленин. По тону Смирнова мы поняли, что речь шла именно о нем. Я не помню уже, получил ли он документы перед своим отъездом из Хельсинки, или же он был снабжен нашим «пунктом», помню только, что в них Ленин фигурировал как иностранный бизнесмен.

Наконец мы получили зашифрованную информацию о том, что товарищ выехал, и нашей молодой гвардии было поручено встретить его. Вальтер Борг договорился с капитаном насчет места на судне «Боре». Вечером мы все собрались у Борга.

Был сильный мороз. Море покрылось льдом, и судно «Боре» могло двигаться только по узкому фарватеру вслед за ледоколом. Судно должно было отплыть из Турку в одиннадцать часов вечера, так что мы не рассчитывали на длительную беседу с Лениным.

Вскоре после десяти часов наши мальчики вернулись с вокзала с печальным известием, что не нашли ожидаемого гостя. Мы были уверены, что они его упустили по халатности, и отправили их снова на вокзальную площадь для более тщательного осмотра. Для пущей достоверности мы позвонили Смирнову в Хельсинки, чтобы убедиться, действительно ли наш гость выехал оттуда. Смирнов подтвердил, что гость выехал, и, судя по голосу, был очень обеспокоен.

Ругая встречавших Ленина мальчиков, Борг все же надеялся, что тот по адресу сам найдет его дом, и поспешил на пристань к капитану «Боре» с просьбой несколько задержать отплытие.

Медленно тянулись минуты ожидания. О госте никаких известий. Уже и Борг вернулся с сообщением, что капитан согласен ждать до двенадцати часов, но не больше. Снова поиски по городу, и все безрезультатно.

Время близится к полуночи. От капитана «Боре» передают сообщение, что судно отплывает, но утром будет остановка в Драгсфиорде на несколько часов и наш пассажир сможет догнать его на лошадях по льду. Это известие несколько утешило нас, но ненадолго. Проходила ночь, а о пассажире никаких известий.

Мы сидели в квартире Борга и гадали, что могло произойти. Единственное предположение — это что наш гость попал в руки жандармов. И вдруг около двух часов ночи звонок в дверь. Мы ринулись открывать — перед нами Ленин, живой и невредимый. Озябший, уставший, с маленьким чемоданчиком в руках.

Произошло следующее: выехав из Хельсинки¹, Ленин обнаружил за собой слежку. По жестам и поведению шпииков он понял, что его арестуют. Ленин моментально наметил план бегства и решительно и смело осуществил его. Когда поезд тронулся на последней остановке перед Турку — с вокзала Лийттойнен, он незаметно вышел в тамбур и соскочил с подножки вагона. К счастью, Владимир Ильич упал в сугроб и не ушибся. Он пошел пешком в город — в лютый мороз, в темноте, по незнакомой местности. Надо было пройти более десяти километров. Только непреклонная воля помогла ему благополучно добраться до места.

Его раздели и уложили на диван. Жена Борга наполнила его горячим чаем с коньяком. Мы растирали спиртом его окоченевшие руки и ноги. Но он не соглашался оставаться дольше на нашем попечении. Услышав, что есть возможность догнать судно на лошадях, он попросил, чтобы немедленно достали лошадь и отправили его в дорогу. Так и было сделано. Проводником назначили Людвиг-Линдстрема. В четвертом часу утра мы усадили его в сани и отправили в долгий путь. Однако не обошлось без происшествий. Дорога проходила через Парайсте (Паргас). Лошадь оступилась и не могла идти дальше. Рано утром пришлось ее заменить. И, кроме как в полиции, лошадь нигде нельзя было найти!

Не знаю, какое красноречие и какую ложь расточал Линдстрем полицейскому, чтобы заверить и убедить его, что пассажиром был опоздавший на судно богатый иностранный торговец, которого надо доставить на место,

¹ В. И. Ленин выехал из Хельсинки ранее 8 (21) декабря 1907 года (см. «В. И. Ленин. Биохроника», т. 2. 1905—1912. М., 1971, стр. 370). — *Ред.*

и полицейский отдал свою лошадь, а сам взялся быть кучером. Узнав, кто будет кучером, Ленин протестовал и ругал Линдстрема, но ничего не оставалось, как поверить заверениям Линдстрема, что все кончится благополучно.

Так оно и было. Добрались до Драгсфиорда, нашли там пароход «Боре». Капитан вежливо и учтиво принял опоздавшего.

Полицейский благодарил за вознаграждение, не подозревая, что он перевез пассажира, который поведет к решающей победе первую в мире революцию рабочих.

Несколько недель спустя через наш «пункт» в Швецию ехала жена Ленина, Надежда Константиновна Крупская, без особых приключений.

После этого я видел Ленина в 1920 году, на II конгрессе Коминтерна. Он вспоминал нашу первую встречу и от души смеялся, представляя свой тайный отъезд из жандармского государства на санях с кучером-жандармом.

В дороге с Лениным

Однажды в декабре 1908 года¹ мне позвонили из Хельсинки и сообщили, что русский революционер Владимир Ульянов под именем Ленин приезжает ночным поездом в Турку, где я должен был встретиться с ним и помочь благополучно перебраться в Швецию. Имя это было мне известно. Я знал, что он принимал активное участие в Октябрьской стачке и после этого скрывался в Финляндии. Но я никогда не видел ни его лично, ни его фотографии. Мне сообщили, что он будет в пальто с каракулевым воротником и в каракулевой шапке. В одной руке он должен был держать коричневый чемодан, а в другой — газету «Hufvudstadsbladet». Он среднего роста, и у него темные усы.

К приходу поезда, около двенадцати часов ночи, я стоял на перроне и ждал. Я тщательно рассматривал каждого, кто проходил по перрону, но никто даже близко не подходил под описанные приметы. У некоторых был чемодан в одной руке, но в другой не было газеты. Мне ничего не оставалось, как вернуться домой. Я жил недалеко от вокзала, и окна спальни выходили в маленький садик.

Я спал довольно долго, проснулся оттого, что в окно что-то бросили. Я поднял шторы и увидел в саду при лунном свете человека с чемоданом в руке; облик его, насколько я мог рассмотреть, соответствовал данному мне описанию Ленина. Я открыл дверь. Человек вошел, в руках у него был кошелек, которым он бросал в окно.

— Ульянов, точнее, Ленин,— представился он.— На каком языке вы хотите разговаривать — на русском, немецком, французском или английском?— спросил он.

Лучше всего я говорил по-немецки. За чаем с бутербродами я спросил его, как он прибыл в Турку, поскольку он не приехал на поезде.

---

¹ Автор запомнил дату неверно. В действительности переезд Ленина в Швецию произошел в декабре 1907 года.— *Прим. к финскому изданию.*

Ленин рассказал. Один из его друзей в Хельсинки устроил ему жилье у двух учительниц в Оулункюля, где он представлялся русским писателем.

Хотя он проживал постоянно у них, он заметил, что за ним следят. Особенно один человек все время околачивался около их дома. Когда он сел в поезд на Турку, то заметил, что этот человек вместе с каким-то другим сел в тот же вагон. Они не оставляли его ни на секунду. Если он выходил в коридор, шпик немедленно следовал за ним. Когда на станции Карья он пошел обедать в ресторан, один из шпиков сел у дверей, а другой — за соседний столик.

В поезде не было никакой возможности избавиться от «хвоста». В связи с этим он решил спрыгнуть с поезда на последней остановке перед Турку и оставшийся путь пройти пешком. Он выяснил по карте, что последняя остановка — это станция Лийттойнен, которая была всего в десяти километрах от города. План этот удался. На станции Лийттойнен он встал у дверей купе. Как только поезд тронулся, он выхватил свой чемодан из багажной сетки, распахнул двери вагона и выскочил. Поезд продолжал идти.

Пройдя около мили, он встретил у городской таможни постового полицейского, знавшего несколько слов по-русски. По его советам он нашел мой дом. Дорóгой он не встретил никого, кроме одной шумной компании, которая, видимо, возвращалась с вечеринки.

Он был очень взволнован своими дорожными приключениями. Как только налили чай, он захотел продолжить путь и выехать из Турку. Я объяснил ему, что маршрут был разработан мной в малейших деталях, но в два часа ночи невозможно найти кого-либо, кто доведет бы нас до первой остановки. Надо было ждать до утра, к тому же у меня было так же безопасно, как и в дороге. Но мои уговоры были напрасны.

— За мной слежка, и я знаю, что меня будут искать. Я уже был в Сибири и не хочу попадать туда снова. Если вы не сможете меня провезти по вашему маршруту, то я отправлюсь пешком на север и где-нибудь около Раума переберусь через Ботнический залив.

Я заметил, что залив еще не затянулся льдом.

— В таком случае,— сказал Ленин,— я прошагаю пешком хоть до Торнио. Я ходил и на более далекие расстояния в Сибири.

Поняв, что мои уговоры напрасны, я сказал, что сделаю все, чтобы найти подводу. Попросил его тем временем отдохнуть.

Я обратился к знакомому хозяину постоялого двора, который держал извозчиков. Я объяснил ему, что у меня остановился немецкий геолог доктор Мюллер, прибывший поездом из Хельсинки. Ему якобы надо ехать в местечко Парайсте исследовать какую-то разновидность известняковой породы. Он очень спешит, так как хочет попасть на следующем пароходе в Германию. Ему надо успеть вернуться в Турку на следующий день. Мне дали подводу и даже кучера.

В ту ночь был крепкий мороз. После полудня термометр показывал 16 градусов, а к вечеру мороз усилился. В начале декабря выпало много снега. Но за несколько дней оттепель с дождем уничтожила хороший санный путь. Поэтому нам пришлось ехать на телеге по скользкой от гололедицы дороге в Парайсте. Мы благополучно добрались до Кустёсунда, где разбуженный мной паромщик доставил нас на другой берег. У широкого пролива между Кустё и Парайсте я отправил лошадей обратно. Мы увидели, что пролив, насколько хватало глаз, покрыт блестящим слоем льда. Место нашей первой остановки было совсем близко от берега, на острове Кирьяла.

Хозяином постоялого двора на Кирьяла был владелец Норргордской усадьбы Фредрикссон, крестьянин, мужественный и смелый человек. У него было двое взрослых сыновей, Карл и Вильгельм, мои хорошие друзья, спасшие немало политических эмигрантов от когтей русской жандармерии. Мне нужно было их разбудить, чтобы переправиться на остров. Обыкновенно паромщиков будили из Кустё звоном огромного колокола. Я тянул за веревку, и звон разносился далеко над спящими берегами. Никакого ответа. Я снова тянул за веревку и звонил долго, пока не услышал в ответ: «Алло, кто там?» Я прокричал свое имя... Карл ответил, что мы должны подождать на берегу, куда они придут, чтобы проводить нас через лед. Вскоре мы увидели, как братья приближались к нам, проверяя клюшкой лед. Мы поздоровались и направились гуськом обратно, к другому берегу. Временами мы чувствовали, что лед трещал под нами, но без особых препятствий мы очутились на другом берегу на твердой земле.

ехать на санях, вместо того чтобы трястись в телеге по скользкой дороге и в мороз.

К моему удивлению, Ленин поддержал старика. Он считал, что мы вполне могли бы денек подождать, особенно если удастся ехать потом на санях.

Так мы остались на Кирьяла, и не только на этот, но и на следующий день. Приходилось ждать снегопада. Правда, утром следующего дня немного помрачнело и температура воздуха чуть поднялась, но даже во время вечерней прогулки дорога по-прежнему оставалась непригодной для саней. Наше пребывание на острове затягивалось. Я хотел связаться с друзьями из Турку, которые наверняка удивлялись, где я пропал. Но это было невозможно, так как в то время на Кирьяла не было ни одного телефона.

БЕСЕДЫ С ЛЕНИНЫМ

Нельзя сказать, чтобы Ленин был слишком разговорчив. Теперь же, как мне показалось, ему было не до шуток. И в то же время он любил поговорить, и в беседах всегда проявлялся его острый ум. Он любил размышлять о прогрессе и о будущем человечества. Марксистскую философию воспринимал глубоко и серьезно. Он относился к ней спокойно и деловито, в то время как я высказывал иногда мысли, идущие вразрез с его идеями. Когда однажды во время беседы он в подтверждение своих аргументов привел цитату из «Капитала» Маркса, а я заметил, что это не доказывает истины, он ответил спокойно: «Да, не доказывает, но, поскольку я не смог найти лучшего, чем у Маркса, выражения этой мысли, я прибегаю к его словам. Но я это делаю потому, что убежден в его правоте. И он действительно прав в большинстве случаев».

Когда в другой раз мы снова говорили о Марксе, я сказал, что, по всей вероятности, под влиянием гегелевской школы его мысли выражены в такой сложной и недоступной форме, что очень трудно проследить за ними даже в простых ситуациях. Кроме того, он наверняка больше философ-теоретик, чем экономист и психолог, из-за чего он рассматривал людей такими, какими они были в его представлениях, а не в реальной жизни. Например, он не придавал никакого значения инстинкту соб-

ственности у человека, в то время как любая государственная система, если у нее будущее, должна это учитывать.

«Чувство собственности отнюдь не является изначальным человеческим инстинктом,— ответил Ленин.— Когда человек хочет владеть чем-то, что действительно представляет собой материальную ценность, он делает это для того, чтобы облегчить себе борьбу за существование. Никто не хочет получать в собственность то, чего и так хватает для всех. В пустынях все берегут свои колодцы, но там, где воды вдоволь, ни один разумный человек не будет ее охранять. У вас в Турку водопровод. Вы можете назвать хоть один случай, чтобы кто-то во дворе вырыл колодец для удовлетворения своего желания иметь его? Конечной целью социализма является производство такого количества товаров с помощью развитой техники, чтобы все могли удовлетворить свои потребности и инстинкт собственности не мешал бы развитию системы».

Ленин был глубоко убежден в том, что царизм в России будет свергнут в ближайшем будущем и народ возьмет власть в свои руки. Я спросил однажды, входит ли в программу русских социалистов установление социалистической государственной системы сразу же после свержения царизма.

«Ни в коем случае,— был ответ.— Россия должна пройти такие же фазы развития, как и другие народы. Нельзя забывать, что Россия преимущественно аграрная страна и, хотя после отмены крепостного права сельское население не привязано к земле насильно, оно находится на стадии развития, близкой к феодализму. Задачей социализма в России является пробудить и просветить сельское население, поднять производительность земледелия и оживить промышленность. Последнее по двум причинам: фабричные рабочие повсюду показали себя более способными воспринимать социализм и только развитая промышленность может удовлетворить потребности населения. Но для осуществления этой части программы русскому народу вовсе не нужно проходить по трудному пути, например, английских и немецких рабочих. Рабочие в других странах путем длительной борьбы завоевали себе совсем другое положение теперь, чем в те времена, когда Диккенс писал «Оливера Твиста». Русским рабочим надо только стать плечом к плечу

со своими товарищами и продолжать борьбу вместе с ними».

Расправа властей с революцией в России была еще свежа в памяти. Я спросил у Ленина, будет ли насилие занимать какое-то место в жизни нового общества. Он признался, что для сохранения власти любая государственная система использует насильственные меры. Однако в данном случае они будут направлены исключительно против тех, кто угрожает безопасности государства, или же тех, кого только насильственно можно подчинить законам народной власти.

«Лично я — против всякого насилия. Я достаточно много его видел. Насилие против отдельных личностей не только отвратительно, но и глупо. С помощью принуждения нельзя завоевать поддержку у народа, но можно легко породить великомучеников. Думаете, русскую бюрократию ненавидели бы так, как сейчас, если бы она меньше использовала аппарат насилия и принуждения?»

Во время нашего совместного пребывания на Кирьяла я заметил, что, несмотря на его твердость и революционную одержимость, Владимир Ильич был сердечным и добрым человеком, с большой любовью относился к людям. Пару раз во время наших прогулок я был свидетелем его бесконечной симпатии и теплоты к детям.

Только на третий день начался прогнозируемый стариком Фредрикссоном снегопад. К обеду земля уже покрылась снегом, но мы предпочли дожждаться сумерек, прежде чем отправиться в путь. Мы попрощались с нашим гостеприимным хозяином, и Карл повез нас в Парайсте.

Мы подъехали к крыльцу кооперативного магазина, когда было уже темно. Кооперативный магазин в Парайсте в то время был небольшим заведением с двумя помещениями. В одном из них находились склад, контора и спальня продавца. Проходить туда надо было через большую переднюю. Когда мы вошли в нее, мой друг Янсон, увидев меня, воскликнул:

— Господи помилуй, где ты был все это время? Вчера и сегодня о тебе спрашивались из Турку и из Хельсинки. И кого это ты сопровождаешь, о нем теперь все спрашивают?

ПОЛИЦЕЙСКИЙ Р. ВЫХОДИТ НА АРЕНУ

Я представил друг другу своих друзей. Мы с Лениным сели на кровать, которая, после того как хозяин уселся на стул у письменного стола, оставалась единственным местом, где можно было сидеть. После того как я вкратце рассказал о нашем путешествии, мы начали обсуждать план поездки до следующего пункта. Пока мы обдумывали, где бы нанять в тот же вечер лошадей и сани, открылась дверь и вошел местный полицейский Р.¹ К счастью, он был в гражданской одежде, иначе Ленин наверняка подумал бы, что это пришли за ним, и бог знает, как это на него подействовало бы.

Мы с Янсоном хорошо знали полицейского Р. Он, в сущности, был сердечным и добродушным человеком. Но ему было трудно что-либо скрывать от людей, а нам по вполне понятным причинам не хотелось, чтобы в приходе знали, что мы разъезжаем с таинственным незнакомцем, не владеющим ни финским, ни шведским языком. Появление полицейского Р. было отнюдь не случайным. Кроме своих непосредственных обязанностей он отвечал еще за работу телефонной станции. Его заинтересовали многочисленные телефонные звонки из Турку и Хельсинки, в которых просили найти меня в магазине Парайсте. Именно это обстоятельство и заставило его прийти.

В какие-то моменты мысли действуют молниеносно. Именно так случилось теперь со мной. Как только Р. вошел в комнату и поздоровался с нами, я понял, что единственная возможность избежать неприятностей — сделать полицейского нашим союзником. Я позвал его в коридор и вкратце объяснил ситуацию: «Я как раз собирался позвонить тебе и спросить, не сможешь ли ты нам найти лошадь, которая повезла бы нас на Лилль Мелё. Я не знаю, кто бы мог все устроить это лучше тебя».

Р. обрадовался. Его любопытство было удовлетворено, и, кроме того, его причислили к «сообщникам». Я представил его Ленину, не упомянув о его должности. Он пригласил нас к себе домой на чай.

---

¹ По всей вероятности, это был Вальтер Руде (см. Ю. Дашков. По ленинским местам Скандинавии. Журналистский поиск. М., 1971, стр. 126—127). — Ред.

Кроме чая он подал нам грог. Когда Ленин отказался, его угостили вином, и, к моему удивлению, он согласился выпить. Начали обсуждать маршрут. Р. должен был идти в ближайшую деревню, чтобы нанять лошадей и сани. Чтобы рассеять подозрения по поводу столь поздней поездки, он объяснит там, что случайно услышал по телефону, что в одном хозяйстве в Парайсте продается лес, а ему поручили купить его для лесопилки, и он спешил на место, чтобы опередить других покупателей. Он сам вызвался быть кучером. Я перевел наш разговор Ленину, и он казался довольным. Ему важнее всего было ехать дальше. Р. спросил меня: «Он знает, кто я по профессии?»

Я объяснил, что считал нецелесообразным информировать Ленина об этом. Но Р. просил сказать ему об этом, и я перевел Ленину его вопрос. Владимир Ильич ответил, что ему уже сказали о том, что Р. служит на телефонной станции. Я объяснил ему, что Р. работает еще и полицейским. Его лицо побледнело. Можно представить себе, что чувствовал Ленин. «The journey's end»¹.

Я поспешил успокоить его. Полицейский был наш хороший друг и сообщник. Он найдет нам лошадь и будет нашим кучером. Он будет лучшей защитой от любых подозрений. Для пущей убедительности он вынул свой значок полицейского и просил сказать Ленину, что до тех пор, пока с нами будет он и его значок, нам ничто не угрожает...

Р. отправился в путь, а мы вернулись к Янсону, чтобы подождать возвращения Р. с лошадью и санями. По дороге Ленин взял меня под руку и сказал, что он понимает теперь, почему Финляндия «*nie unterdrückt werden kann*»²: народ, где даже полицейские борются против насилия, не может быть поработанным.

Был еще инцидент во время нашего визита к Р.

Время было как раз перед рождеством, и у Р. был большой запас алкогольных напитков, которые он хранил за занавеской. Чтобы доказать это, он отдернул занавеску и показал свои запасы. Ленин был очень удивлен. Он знал, что как раз в том году парламент утвердил сухой закон. Но потом лицо Ленина озарилось улыб-

---

¹ «Это конец всего» (англ.).

² — «не станет покоренной» (нем.).

кой: «Ach, ich verstehe, der Polizist hat alles konfisziert»¹.

Прошло около часа, и приехал Р. Посоветовались, решили, что Янсон и Р. сопровождают Ленина до Лилль Мелё, а я остаюсь. Сердечно попрощавшись, Ленин с попутчиками уехал, а я лег спать. Вернулись Янсон и Р. до рассвета. «Доктора Мюллера» гостеприимно приняли в одном из домов Лилль Мелё. Утром я позвонил хозяину Вилльбергу, он охотно согласился заехать за Лениным и доставить его на пароход, идущий в Стокгольм.

Сам я отправился на почтовых лошадях по льду в Турку.

ПУТИ РАСХОДЯТСЯ

На этом мои приключения окончились, но у Ленина все было иначе. На следующий день мне позвонил Вилльберг и сообщил неприятную новость, что ветер и сильное течение сломали лед на Эрфьёрде и что в Лилль Мелё нельзя было добраться ни пешком, ни на лодке, пока лед не остановится.

В Лилль Мелё нельзя было звонить. В одном из домов был телефон, но он был присоединен к линии лоцманской станции на далеком острове. Из Лилль Мелё в Турку можно было дозвониться, хотя для меня в этом было мало радости. Я поддерживал ежедневную связь с Вилльбергом, но ни о каких изменениях в движении льдов известий не получал. Дни шли. Наступило рождество. В этот день Вилльберг сообщил, что ледоход понемногу прекращается. На второй день рождества Р. сообщил мне из телефонного центра Парайсте, что со мной будут говорить из Лилль Мелё. У телефона был Ленин. Он был очень взволнован.

Ему как-то удалось выяснить, что из Лилль Мелё можно было дозвониться в Турку. И он решил позвонить, хотя это было очень опасно. Он был убежден, что в Лилль Мелё — конец его пути. Я спросил, на чем основано такое мрачное предположение и не нуждается ли он в чем-нибудь. Он сказал, что ему ничего не нужно и что кормят его хорошо и вкусно. Но он ведь был пленником на этом острове, и никто не делал попыток освободить его оттуда. Он общался только с двумя крестья-

¹ «Я понимаю, что это все конфисковано полицией» (нем.).

нами, которые навещали его по очереди. К сожалению, он ни слова не понимал, о чем те говорили. Правда, они были очень любезны и часто дружески хлопали его по плечу, после того как пропускали рюмку-другую, что они делали довольно часто... Я пытался успокоить его, как только мог. Сказал, что его друзья не забыли его. Наоборот, с острова Науво были сделаны неоднократные попытки попасть в Лилль Мелё, но из-за плохой погоды эти попытки были безуспешны. Насколько мне известно, его должны скоро увезти.

Не знаю, насколько мои слова действовали успокаивающе. Ему оставалось терпеть недолго. Уже на следующий день Вилльбергу удалось пробраться на лодке между льдами, и в тот же вечер Ленин благополучно поднялся на судно, отправляющееся в Стокгольм. Из Копенгагена Ленин прислал мне обстоятельное письмо, где он изложил подробно свою жизнь в Лилль Мелё. Позже я получил другое письмо, с Капри. На этом мои связи с Лениным закончились...

*Хельсинки. Виронкату, 7.
В этом доме В. И. Ленин
останавливался в 1905 г.*

*Хельсинки. Елизаветинская, 19.
Здесь жил В. М. Смирнов,
у которого часто бывал В. И. Ленин.*

*Хельсинки. Вуоримиехенкату, 35.
В этом доме весной 1906 г.
В. И. Ленин жил на квартире студентов
Севери Аланне и Вяйне Хаккила.*

Ханко. Здесь, в небольшом портовом городке, Ленин провел несколько дней в апреле 1906 г., возвращаясь с IV (Объединительного) съезда РСДРП, который проходил в Стокгольме.

Дача «Ваза» в Куоккала (ныне Репино), где в 1906—1907 гг. жил В. И. Ленин.

*Н. К. Крупская и ее мать Елизавета Васильевна
в Стурсуддене, на даче Книповичей.
Здесь В. И. Ленин отбыл в июне — июле 1907 г.
после возвращения с V (Лондонского) съезда РСДРП.*

*Пансионат «Гердобагка» в Оулункюля (Огльбю),
в котором останавливался В. И. Ленин в 1907 г.*

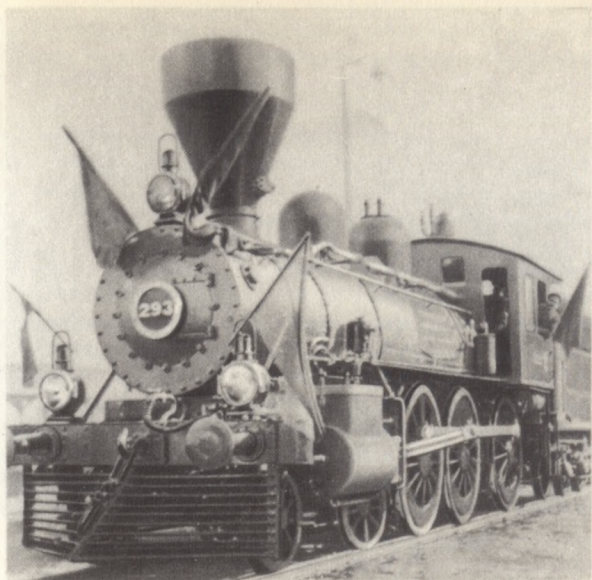

*Турку. Пуутархакату, 12. Здесь жил В. Борг,
на квартиру которого пришел В. И. Ленин
в декабре 1907 г. перед уходом в эмиграцию.*

Ленин в парике. 1917 г.

*Паровоз № 293 машиниста Г. Э. Ялавы,
на котором в 1917 г. В. И. Ленин нелегально выехал
в Финляндию и вернулся обратно в Петроград.*

*Дом Парвизайненов в деревне Ялкала (ныне Ильичево),
где останавливался В. И. Ленин по пути в Хельсинки в 1917 г.*

Эмилия и Артур Блумквисты.

*Комната в квартире Блумквистов в Хельсинки,
где жил В. И. Ленин в сентябре 1917 г.*

Ю. Лагукка. Л. Лагукка.

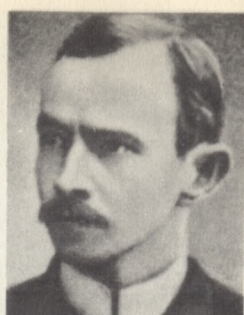
*Хельсинки. Хагнесская пл., 1.
На пятом этаже этого дома в квартире Г. Ровио
в сентябре 1917 г. жил В. И. Ленин.*

К. Маннер.

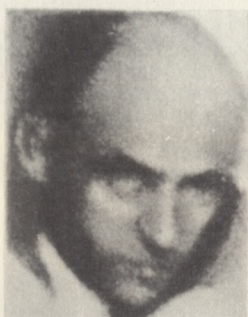
Ю. Сирола.

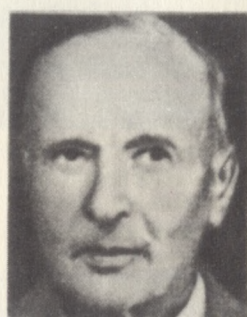
О. В. Куусинен.

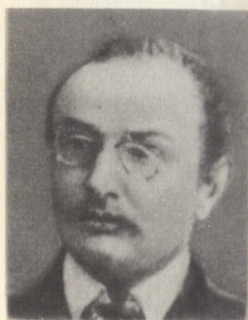
К. Х. Вийк.

Э. Торнийнен.

О. Энгберг.

А. Нуортева.

А. Киискинен.

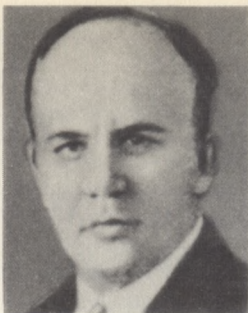

Э. Рахъя.

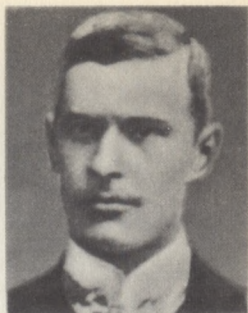

А. Шотман.

Г. Ровио.

Э. Гюллинг.

Г. Ялава.

Э. Хаапалайнен.

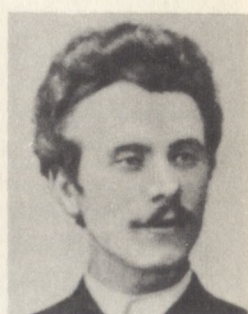
Т. Лонгстрём.

М. Усениус.

Х. Хаарала.

К. Куусела.

Дорогим друзьям Финляндии
Коммунистической партии.
Москва, 6 марта 1918 г. В. И. Ленин (Ленин)

Портрет с автографом В. И. Ленина,
подаренный финским коммунистам. Фото 1918 г.

*Реконструированное здание Рабочего дома в Тампере.
В 1905—1906 гг. здесь под руководством В. И. Ленина
проходили две конференции РСДРП.
Сейчас в этом доме музей В. И. Ленина.*

В музее В. И. Ленина в Тампере.

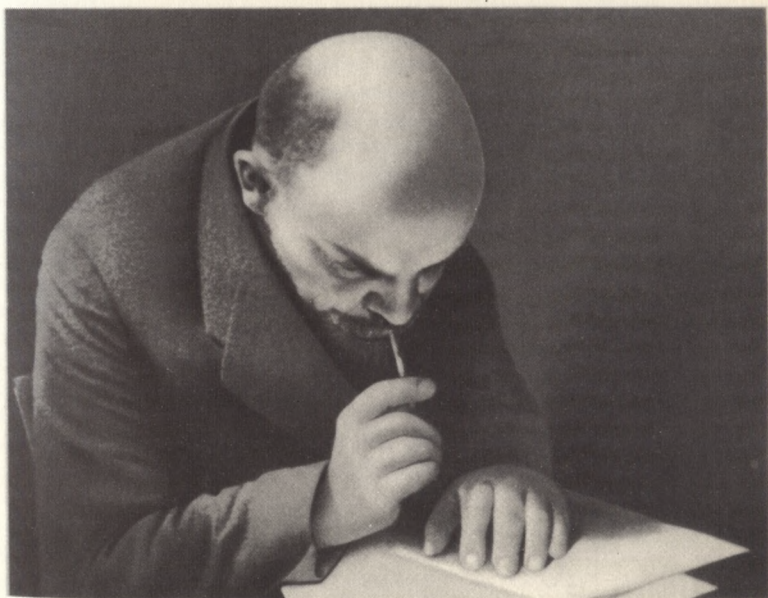

*В. И. Ленин во время прогулки в Кремле.
Фото 1918 г.*

В. И. Ленин произносит речь на Красной площади в Москве 7 ноября 1918 г., в день первой годовщины Великой Октябрьской социалистической революции.

В. И. Ленин на III конгрессе Коминтерна летом 1921 г.

Н. К. Крупская и О. А. Энгберг. Москва, 1937 г.

Я видела Ленина дважды

ИЗ ИНТЕРВЬЮ ГАЗЕТЕ
«ИНКЕРИ ЛЕХТИНЕН» 1967 ГОДА

Когда мы в прошлом году встретились с Аурой Киискинен в Петрозаводске, я спросил, приходилось ли ей видеть Ленина. «Дважды», — ответила Аура. В первый раз — в 1910 году, в Копенгагене, во время конгресса Социалистического интернационала. Аура Киискинен была одним из обозревателей от Финляндии. Ее информировали о деятельности кооперативных обществ, и она следила за ходом заседаний с галереи зала.

Ленин произнес речь по-немецки. Аура сидела рядом с финской девушкой-студенткой, которая переводила ей речь Ленина. Девушку звали Линда Анттила.

Второй раз Аура слушала речь Ленина в 1921 году в Москве, на III конгрессе Коммунистического Интернационала. Она сидела напротив Ленина и была поражена скромностью и простотой его облика.

Работа конгресса была организована так, что речи ораторов переводили по абзацам и люди собирались в разные языковые группы. Финским переводчиком был Юрье Сирола. Будучи полиглотом, Ленин слушал большинство докладов непосредственно, но, когда начал говорить испанец, он подошел к русской группе, чтобы послушать перевод. Финны также следили за русским переводом, и все участники оказались в одном ряду.

Ленин в Торнио

Ветеран рабочего движения Каарло Брусилла работал на станции Торнио, когда Ленин прибыл туда из Швеции по пути в Петроград 15 (2) апреля 1917 года¹.

Брусилла рассказывает:

«Однажды в городе распространился слух, что Ленин будет в Торнио проездом из Швейцарии. И вот в один из апрельских дней Ленин прибыл со своими спутниками на станцию Торнио. Об этом было известно заранее, и народ собрался на вокзал, чтобы встретить и увидеть замечательного революционера.

Скорый поезд стоял на станции, готовый к отходу. На платформе собрались солдаты. Ленин шел быстрым, порывистым шагом. Его сопровождало несколько человек. Один высокий господин был постоянно при нем.

Ленин остановился посреди перрона, чтобы приветствовать солдат и собравшихся горожан. Он произнес речь. Из того, что он говорил, помню: «Революция свершилась, но только буржуазная революция. Этого недостаточно. Пролетариат должен взять власть в свои руки». Он говорил по-русски, солдаты и граждане, владеющие обоими языками, переводили нам его речь. Вот поезд готов к отходу. Ленин поднимается на подножку, нет, он не идет внутрь. Стоя на подножке, машет оставшимся на перроне рукой и произносит по-фински: «Hyvästi, soomilaiset!»²

После отхода поезда речи на перроне продолжались. Говорили о революции в России. Спорили. В митинге участвовали солдаты и жители Торнио. В речах прозвучали названия различных партий, спорили о различных устремлениях меньшевиков и большевиков.

Поезд тем временем шел к Петрограду».

¹ 9 апреля (27 марта) вагон с группой русских эмигрантов выехал из Швейцарии в Россию. Его путь проходил через кайзеровскую Германию, Швецию и Финляндию. 12 апреля (30 марта) вагон из Засница (последний немецкий город) был переправлен на железнодорожном пароме в Швецию, в Треллеборг. Из Треллеборга эмигранты доехали до Мальме, где пересели на поезд, идущий в Стокгольм. 13 апреля (31 марта) они выехали из Стокгольма к северному пограничному пункту Хапаранда. На финской стороне их встретили русские пограничники.— *Ред.*

² «До свидания, финны!»

Ленин в подполье

(ИЮЛЬ — ОКТЯБРЬ 1917 ГОДА)

Вернувшись 12(25) июля¹ в Петроград, я получил приказ от Центрального Комитета переправить Ленина в надежное место. До этого я, как и многие другие члены партии, не знал, где Ленин и что с ним, хотя многие справлялись о нем друг у друга. Получив такое важное задание и точные координаты, где найти Ленина, я в тот же день направился по указанному адресу.

Уже темнело, когда я приехал в Сестрорецк. Недалеко от станции, в глухом переулке, среди дач горожан, жителей Петрограда, я нашел указанный мне дом рабочего Емельянова. Это был одноэтажный дом, три окна которого выходили на улицу.

Я вошел в дом, назвал хозяйке пароль и спросил Константина Петровича (так назывался по чужому паспорту Ленин). После этого я сел и осмотрелся вокруг. В доме было две комнаты. Хозяйка, мать четверых детей, знала, что Константин Петрович — Ленин, и, несмотря на огромную опасность, которой подвергалась, скрывая его у себя, нисколько не удивилась, когда я стал расспрашивать о нем, и ответила, что Владимир Ильич чувствует себя хорошо, но жалуется, что газеты приходят нерегулярно.

В ходе разговора выяснилось, что для безопасности Владимира Ильича спрятали в лесу, так как около дома, по словам хозяйки, шныряли сыщики и могли его увидеть.

Поскольку мне во что бы то ни стало нужно было в тот же день повидаться с Владимиром Ильичем, хозяйка позвала сына и попросила его проводить меня. Несмотря на поздний час (времени было около одиннадцати вечера), 12—13-летний мальчик охотно согласился быть моим проводником.

¹ В воспоминаниях, опубликованных на русском языке, автор приводит две даты: 10(23) или 12(25) июля (см. «Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине», в пяти томах, т. 2. М., 1969, стр. 421).— *Ред.*

Переулками мы вышли к берегу залива, столкнули в воду лодку, я сел на весла, а мальчик на корму. С полчаса мы шли вдоль берега, пробираясь сквозь заросли осоки при полной луне, к жилищу Ленина. Минут десять ушло на то, чтобы пробраться через кустарник на болоте, и наконец мы вышли к шалашу на опушке леса.

На сигнал мальчика оттуда вышли двое мужчин. Было темно, только слабый свет луны осветил две человеческие фигуры в теплой одежде. Я с трудом узнал Владимира Ильича и Зиновьева. Я знал, что Зиновьев и Ленин находятся вместе. После сердечных приветствий мы уселись у стога сена, и меня забросали вопросами.

Перед тем как ехать к Ленину, я зашел в Петербургский комитет партии большевиков, помещавшийся в то время на Выборгской стороне. Там обсуждался вопрос, где укрыть Ленина. В ходе беседы о перспективах революции товарищ Лашевич, между прочим, сказал: «Вот посмотрите, в сентябре Ленин будет премьер-министром». Сидя рядом и рассказывая Ленину и Зиновьеву новости из Петрограда, я мимоходом упомянул о словах Лашевича, на что Владимир Ильич ответил спокойно: «В этом нет ничего удивительного».

Надо признаться, что от этих слов я немного опешил и посмотрел на него с удивлением. Заметив это, Владимир Ильич начал подробно объяснять мне, как будет развиваться дальше русская революция.

Очень сожалею, что не учился раньше стенографии и не мог записать все, что тогда говорил мне Ленин. Но, вспоминая наш разговор у шалаша на берегу залива, я понимаю теперь, что многое из того, что произошло после Октябрьской революции, виделось Ленину уже тогда...

Хотя был июль, ночные туманы на болотах давали о себе знать. Я дрожал от холода в летнем костюме. Спать улеглись в шалаше, где заботливые руки Емельянова устроили что-то вроде спальни. Меня укрыли зимним пальто и уложили между Лениным и Зиновьевым. И все-таки я долго не мог заснуть от холода.

В течение двух недель я ездил из Питера к шалашу. Через день привозил еду и газеты, одновременно организуя безопасное убежище для более длительного пребывания Ленина.

Во время нашей первой встречи было решено поехать в Финляндию, где с помощью финских товарищей можно было бы устроиться с большей безопасностью и удобствами. Затруднения возникли в выборе способа переправы через границу, так как она тщательно охранялась.

Несмотря на то что со времени перехода Ленина на нелегальное положение прошло около месяца, газеты настойчиво и безустанно продолжали травлю и как черносотенные, так и либеральные газетчики с пеной у рта требовали ареста Ленина во что бы то ни стало. На поиски Ленина были мобилизованы и поставлены на ноги не только жандармы и уголовная полиция, но даже полицейские собаки, в том числе знаменитая полицейская собака-ищейка Треф. Поисками Ленина были заняты не только жандармы и полицейские собаки. Им помогали сотни добровольных сыщиков из среды буржуазных обывателей. В довершение всего в одной из газет однажды появилось сообщение, что 50 офицеров «ударного батальона» поклялись найти Ленина или умереть.

Пока охранка, сыщики и собаки были заняты поисками Ленина, а я хлопотал по поводу безопасной переброски его через границу, сам Владимир Ильич занимался организацией VI съезда партии большевиков, которым он руководил из своего весьма неудобного убежища. Когда Я. М. Свердлов, председательствовавший на съезде, поставил на голосование написанную Лениным резолюцию и сказал, что, хотя Ленин не может присутствовать на съезде, он присутствует незримо и руководит съездом, все буржуазные газеты, узнав об этом, подняли невообразимый шум и с удвоенной настойчивостью стали требовать его ареста. За делегатами съезда была установлена слежка, и мне, как делегату, нужно было быть особенно осмотрительным и все поездки в Сестрорецк совершать с глубочайшей осторожностью, чтобы не навести на след Ильича сыщиков.

Надо было спешить с переездом в Финляндию, так как дальнейшее пребывание Ленина в шалаше становилось опасным.

Охотники, бродившие по болотам, могли случайно наткнуться на скрывавшихся. Сидеть же целые дни в шалаше и выходить только по ночам было невыносимо тяжело.

Обстановка в городе и подогреваемые арестами, газетной травлей и зловещими слухами настроения были таковы, что полагаться на помощь и надежное убежище прежде сочувствовавших революции представителей интеллигенции не приходилось.

Большинство активных, опытных партийных работников были или арестованы, или по решению ЦК перешли на нелегальное положение. За теми же, кто оставался в Питере, была установлена слежка.

Надо было очень тщательно выбирать тех, на чью помощь можно было рассчитывать. Любая неосторожность могла вызвать аресты. Арест Ленина в данной ситуации был равносителен убийству — настолько озлоблены были агенты Керенского. Все это затрудняло мои действия и задерживало переезд Ленина в Финляндию.

Проектов перехода через границу было несколько. Каждый вариант тщательно обсуждался и проверялся. Отклонив целый ряд предложений, решили переходить границу под видом сестрорецких рабочих (многие сестрорецкие рабочие жили на территории Финляндии и для перехода через границу им выдавались специальные паспорта).

Емельянову поручили добыть паспорта у его друзей — рабочих завода. Паспорта достали. Надо было только заменить на них фотографии. Ленин в парике, без усов и бороды стал почти неузнаваем.

Оставалось только сфотографировать его и наклеить фотокарточку на паспорт. Приехавший с фотоаппаратом Лещенко сфотографировал Ленина в его «нелегальном виде».

Перед выездом мне поручили проверить, как тщательно на границе просматривают документы. Для этого нужно было получить пропуск в главном штабе Керенского на мой проезд в Финляндию и обратно. Будучи гражданином Финляндии, я довольно легко все это сделал.

Для пущей предосторожности я решил взять себе помощника. Таким помощником стал беззаветно преданный революции финский рабочий Эйно Рахья, впоследствии знаменитый комиссар финской Красной гвардии. Он также получил пропуск в главном штабе, и мы отправились «проверять границу».

Перейдя границу пешком в нескольких местах, мы пришли к выводу, что такой способ перехода совершен-

но безнадежен, потому что при каждом переходе документы проверяли чуть ли не с лупой и при этом тщательно сравнивали фотографию с личностью предъявителя.

Этот способ перехода был отклонен. Одобрили предложенный мной и Рахьей новый вариант плана: Ленин поедет в Финляндию на паровозе в качестве кочегара, а Зиновьев останется в Петрограде, где для него уже подготовлено жилье в Лесном, около станции Удельная, в квартире рабочего-финна с завода «Айваз» Эмиля Кальске¹.

Было решено сначала добраться от шалаша на болоте до квартиры Кальске, переночевать там, а вечером идти на станцию Удельная, где Ленин сядет на паровоз. Тем же поездом мы с Рахьей под видом пассажиров поедем в Финляндию до Териоки, где в нескольких километрах от железнодорожной станции была подготовлена надежная квартира. Машинист Гуго Ялава, согласившийся взять к себе на паровоз Ленина, был мне знаком еще с детства. Я рассказал ему о большой опасности этого дела, но он ответил с истинно финским хладнокровием, что «все будет хорошо».

Когда все было подготовлено, мы с Рахьей поехали в Сестрорецк, чтобы в тот же день вывезти Ленина и Зиновьева. Емельянов с сыном были у шалаша. Они перенесли в лодку пальто, одеяла и пр.

Мы с Рахьей предлагали добраться до квартиры Кальске таким путем: по Сестрорецкой железной дороге едем до станции Озерки, а оттуда пешком по Выборгскому шоссе или же вдоль железнодорожного полотна верст шесть до квартиры. Емельянов предложил другой путь: идти пешком до станции Левашево, а оттуда проехать поездом до Удельной, от нее всего одна верста до квартиры. После краткого обсуждения большинством голосов приняли предложение Емельянова.

Когда вещи были погружены в лодку, мальчик поехал домой, а мы, пятеро мужчин, отправились пешком вдоль залива сквозь кустарник по направлению к Фин-

---

¹ Кальске Эмиль Георгиевич (1888—1938) — рабочий-металлист, член партии с 1917 года. Активный участник революционного движения в России и Финляндии. После Октябрьской революции работал в финских организациях РКП(б) в Петрограде, затем в Карелии.— *Ред.*

ляндской железной дороге. Нужно было пройти верст 10—12. Часы показывали половину десятого вечера, начало темнеть. Мы шли гуськом, молча. Емельянов, зная дорогу, бодро шагал впереди. Вышли на проселочную дорогу, не встретив ни одной души. Вслед за Емельяновым свернули на тропинку. В одном месте из-за темноты потеряли тропу и вышли к речке. Пришлось разуться, чтобы перейти ее вброд.

Разыскивая дорогу, мы вышли к болоту, обогнули его и оказались среди торфяного пожарища. После долгих поисков среди горького дыма от тлеющего кустарника, в постоянной опасности провалиться в горящую под ногами торфяную подстилку, мы наконец набрали на тропу, которая вывела нас с места пожара. Мы поняли, что окончательно заблудились. В кромешной темноте мы шли за Емельяновым, который уверял нас, что заблудился в этих местах впервые в жизни.

Вдруг послышался гудок паровоза. Емельянов и Рахья пошли на разведку, а мы сели под деревом и ожидали их возвращения. У меня в кармане оказалось три огурца, но взять соль и хлеб я не догадался. Съели их так. Минут через 10—15 вернулись разведчики с сообщением, что мы где-то в районе станции Левашево. Здесь надо признать правоту Владимира Ильича. Ругал он нас за плохую организацию. Надо-де было прихватить с собой карту-трехверстку и заранее изучить дорогу. Разведчики наши тоже получили нагоняй. Удовлетворились тем, что мы где-то около Левашево, но не уточнили, где именно. Решили направиться в сторону вокзала. Оказалось, что это вовсе не Левашево, а станция Дибуны, находящаяся всего в семи верстах от финской границы. Ситуация была не из приятных. В лесу мы могли в любое время наткнуться на пограничников и быть задержаны как очень подозрительные личности: ведь вряд ли кто-нибудь из порядочных людей бродит по лесам, вдали от селений, в половине второго ночи около границы. От стрелочника мы узнали, что последний поезд идет в Петербург в 1 час 30 минут. Оставалось минут пятнадцать до прихода поезда. В ожидании сели на скамейку в самом конце перрона, отправив Рахью на вокзал выяснить на всякий случай, нет ли чего подозрительного. Он вернулся озабоченный и сказал, что на вокзале патруль из десяти вооруженных до зубов юнкеров.

Дело принимало серьезный оборот. Патрульные могли подойти поинтересоваться, что за люди находятся на пустынном перроне. Я предложил Ленину, Зиновьеву и Рахье спрятаться за железнодорожной насыпью. А сам с Емельяновым остался сидеть на месте. Как только они спустились вниз, к нам подошел один из юнкеров и спросил у Емельянова, что он тут делает. Так как вопрос застал Емельянова врасплох, он отвечал путано и невпопад. Ответ не удовлетворил юнкера, и он приказал Емельянову следовать за ним. Я, одетый лучше, чем Емельянов, не вызывал таких подозрений. Юнкер спросил меня дружелюбно, не жду ли я ночного поезда, на что я без колебаний ответил положительно. Затем он щелкнул шпорами, повернулся и увел Емельянова. Тут же пыхтя подошел паровоз. Что же делать? — подумал я и решил остаться, провести остаток ночи и завтрашний день в лесу с Лениным и Зиновьевым и доставить их потом в Удельную. Только я успел прийти к такому решению, как передо мной появился человек с винтовкой на плече, одетый в форму ученика реального училища, и сказал мне вежливо, но решительно: «Это последний поезд, сегодня больше поездов не будет. Вы на этом едете?» Мне ничего не оставалось, как подняться на поезд, что я и сделал. Все это произошло так неожиданно, что я, расстроившись, вместо станции Удельная соскочил на станции Озерки, т. е. не доезжая шести верст. Я заметил свою ошибку только тогда, когда поезд уже ушел. О случившемся необходимо было срочно сообщить товарищу Кальске.

Было около трех часов утра, когда я наконец-то добрался до квартиры Кальске. Когда я вошел, то глазам своим не поверил: на полу лежали и хохотали над моим растерянным видом Ленин, Зиновьев и Рахья. Оказывается, что, сидя за железнодорожной насыпью, они видели, как задержали Емельянова и как ученик реального училища чуть ли не штыком заставил меня сесть в поезд. Они сели на тот же поезд и без всяких неприятностей, спокойно доехали до станции Удельная. За то время, которое я потратил, чтобы добраться от Озерков до Удельной, они успели уже поесть и лечь спать.

Теперь надо было как можно скорее сообщить жене Емельянова об аресте ее мужа, чтобы она смогла заметить следы Зиновьева и Ленина. Но все обошлось. Утром

Емельянова освободили. Квартуру Емельянова знала Полуян, которая жила на Петроградской стороне, на Широкой улице. Поскольку было решено отправить ее первым поездом в Сестрорецк, нельзя было терять ни секунды. Я отправился к Полуян. Было уже шесть утра, когда я доплелся до ее квартиры. Рассказав, что ей предстояло сделать, я тут же поспешил на Выборгскую сторону к Ялаве, который должен был переправить Ленина в Финляндию.

Вечером, оставив Зиновьева у Кальске, мы трое пошли на вокзал. С замиранием сердца ждали прибытия поезда. И вот он подходит. На паровозе сидел знакомый нам машинист Ялава. Пожимаем на прощание руку Ленину и направляемся к паровозу. Ленин в парике, без бороды похож на настоящего финна. Он поднимается на паровоз, засучивает рукава и начинает бросать поленья в печь. Все идет хорошо. На каждой остановке мы с Рахьей выходим из вагона и наблюдаем за паровозом — сердце замирает от страха. Поезд подходит к Валкеасаари¹, где стоянка 20 минут. На станции может быть тщательная проверка документов и даже обыск. Как только поезд прибыл в Валкеасаари, находчивый Ялава отцепил паровоз и отогнал его за станцию — набирать воду. Мы чуть не аплодировали при этом зрелище. Пока жандармы проверяли паспорта, Ялава «набирал воду». Перед самым третьим звонком паровоз становится на место, дает гудок, и через 15 минут мы уже далеко на финляндской стороне. На станции Териоки мы с Рахьей спешим к паровозу и радостно жмем руку Ленину. У станции нас встречают на лошади, и после четырнадцати верст езды мы добираемся до надежного убежища.

Оставив Владимира Ильича на попечении Рахьи, я еду следующим же поездом в Хельсинки, с тем чтобы подготовить ему там надежную квартиру. На следующий день² из Хельсинки в Териоки отправляются два финских товарища, и они сопровождают Ленина в маленький городок Лахти, в 130 километрах от Хельсинки. С помощью депутата финляндского сейма устраиваю

---

¹ Финское название станции Белоостров.— *Ред.*

² По свидетельству Л. П. Парвизайнен, жены Э. А. Рахьи, В. И. Ленин прожил у ее отца в деревне Ялкала несколько дней.— *Ред.*

дальнейшую переправу и наконец встречаю Владимира Ильича в Хельсинки на квартире... полицмейстера.

В то время, при буржуазном правительстве, финские социал-демократы во время муниципальных выборов в Хельсинки получили большинство голосов. Полицмейстером также стал социал-демократ Густав Ровио. Это мой старый друг, петербургский рабочий, ныне финский коммунист. Впоследствии, при Красном правительстве, он стал начальником милиции Хельсинки. Более надежное место для жилья трудно было себе представить. Устроив Владимира Ильича в такой надежной квартире, я решил, что моя миссия окончена. По приезде в Петроград я получил от ЦК командировку на Урал. Вернувшись оттуда, я встречал Ильича уже в Выборге, а затем в Петрограде. В то время он непосредственно руководил подготовкой Октябрьской революции. Когда наконец было решено взять в руки рабочих государственную власть, Владимир Ильич переехал 24 октября (6 ноября) из Лесного в Смольный. А на другой день, 25 октября (7 ноября), он перешел на легальное положение, но на этот раз уже в качестве Председателя Совета Народных Комиссаров.

Как артист маскировал Ленина¹

Было около десяти часов утра, в один из дней августа прошлого года², когда госпожа К. с очень взволнованным видом ворвалась в мою комнату. Я попросил ее сесть и «успокоиться», так как полагал, что речь шла о каком-нибудь инциденте в театре.

— Ну так в чем же дело?

— Слушай, старина, тебе хочется попасть в «Кресты» или в Сибирь?

— Нет, мне не хочется, — ответил я холодно. — Почему ты предлагаешь такие места?

— Так они приказали Кустаа ехать в Петроград сегодня вечером за «живым чемоданом».

— Кто же он?

— Не знаю. Кажется, это Ленин или какой-то еще важный человек, и я боюсь, что они схватят Кустаа и пошлют его в «Кресты» или в Сибирь. Он ведь не привык к таким вещам, и я бы не хотела этого, поскольку у нас дети маленькие. И потом у Кустаа такой суровый взгляд, что они сразу заподозрят его. У тебя седая голова, спокойное лицо, тебя никто не заподозрит. И к тому же у тебя нет семьи. Поезжай ты. Ты ведь привык путешествовать и знаешь каждый уголок Финляндии.

— Но разве обязательно поймают? Дай мне в помощники Кустаа, и я уверен, что вместе нам повезет. Я привык к тому, что все удается, если возьмешься за дело решительно и энергично.

— Значит, ты согласен?

— Да, согласен.

Итак, в тот же вечер мы с Кустаа сели на скорый поезд и поехали на восток.

В дороге ничего особенного не произошло³.

---

¹ Воспоминания написаны автором 15 марта 1918 года, незадолго до смерти. — *Ред.*

² Автор описывает события, которые произошли в августе 1917 года. — *Ред.*

³ Попутчиком Куусела был, по-видимому, рабочий Кустаа Каллио, маршрут их пути — станция Териоки, оттуда в деревню

Правда, Кустаа подозревал, что двое русских офицеров наблюдали за нами. Может, это было так, не знаю, но в целостности и сохранности мы выскользнули из поезда на станции Териоки, предварительно договорившись с проводницей об отдельном двухместном купе для обратной дороги на тот же вечер.

Мы зашли позавтракать в отель «Иматра», затем поделили деньги, и я получил в свое распоряжение письма и инструкции. Решили, что в случае опасности Кустаа исчезнет, сделав вид, что не знает меня. Я же буду спасаться сам.

Лошадь была уже готова, мы сели и потащились на дрянной скрипучей телеге по тряской дороге в сторону Кивеннава, что находилось на расстоянии шестнадцати километров.

Но мы не доехали до самого места, остановились у перекрестка, который значился на нашей карте. Лошадь мы отправили обратно и пошли пешком по средней дороге, которая должна была привести нас к месту назначения. Это оказалось не так просто, как мы думали: нам попадались все новые и новые дороги. Какое-то время мы шагали то по одной тропе, то по другой, пока наконец не добрались до места. Но какое разочарование! Вместо воображаемого нами роскошного особняка стояла невзрачная маленькая избушка.

Оживленно беседуя, мы шли к дому. Мне показалось, что где-то мелькнула юбка,— стало быть, по крайней мере женщины должны были находиться там.

Мы вошли. Нас встретила женщина средних лет, смотревшая на нас приветливым и в то же время подозрительным взглядом.

Я спросил:

— Господин П.¹ дома?

— Нет.

— А госпожа Лидия П. у себя?

— Нет.

Я несколько растерялся. Нам сказали, что, если нас не примут, надо уходить и бросить все как есть.

Ялкала, в дом рабочего Пекка Парвайненена, куда Ленин прибыл 23 августа 1917 года, после того, как пересек границу Финляндии. Из Ялкала Ленин поддерживал связь с Петроградом с помощью Лидии, дочери Парвайненена.— *Прим. к финскому изданию.*

¹ Парвайнен.

Но я решил нарушить инструкцию и действовать самостоятельно. Я сказал женщине, в которой угадал хозяйку:

— Послушайте, я спокойный, честный человек, у меня друг в этом доме, и мне надо его увидеть. У меня для него письмо, которое я хотел бы передать ему лично.

Женщина оглядела нас с сомнением и ушла. Через минуту в комнату вошел средних лет, веселого вида мужчина.

Я встал. Мы внимательно посмотрели друг на друга. Человек, который стоял передо мной, был совсем не похож на того, кого мне описывали. К тому же я не знал точно, кого мне надо было спасать. Я ему тоже не был знаком.

Приблизившись к нему, я взял обе его руки в свои и сказал:

— Не знаю, кто вы, и вы не называйте своего имени. Для нашего общего дела будет лучше, если я не буду знать вашего имени. Но тем не менее я ваш друг и сделаю все, чтобы помочь вам.

Я представился и вручил ему записку, представил Кустаа.

Лед недоверия растаял. Мы сразу подружились. Я никогда не забуду день, который мы провели с Лениным.

Вначале я хотел немного прикорнуть, так как перед этим не спал всю ночь. Ленин уложил меня на свою кровать и сел рядом побеседовать.

Мог ли я спать? Конечно же нет. Мы отправились в лес. Нам было о чем поговорить. Мы открыли свои сердца друг другу. Он рассказывал мне, как жил в Сибири, сидел в тюрьме, как тринадцать лет¹ он вынужден был скитаться из страны в страну. Шпики и охранники не отставали от него. Какой удивительный человек! И в чем только его не обвиняли в газетах! Его считали даже немецким шпионом, это человека, вся жизнь которого подтверждает обратное!

Мир во всем мире, братство народов, независимость для малых народов, победа социал-демократии — вот его программа, за которую он готов был отдать жизнь, если это потребуется.

¹ В. И. Ленин прожил в эмиграции почти 15 лет — с июля 1900 года по ноябрь 1905 года, а затем с декабря 1907 года по апрель 1917 года.— *Ред.*

Я рассказал Ленину о положении в Финляндии, о характере людей и их обычаях, особенно на юге страны, где я прожил последние десять лет.

День прошел быстро, а к вечеру мы забеспокоились, что госпожа П., которая должна была привезти из Петрограда деньги, паспорта и пр., все еще не приехала.

Мы приготовили Ленину маску, и она так удалась, что Ленин смеялся до упаду своему новому облику.

Госпожа П. приехала только после десяти вечера. Ни минуты нельзя было терять. Мы отправились в дорогу. Переправились на лодке через озеро и потом девять километров шли пешком по пыльной дороге как только могли быстро.

Ленин вконец устал бы, если бы Кустаа не взял у него пальто и пакет.

Мы прибыли на станцию Териоки одновременно со скорым поездом. Едва успели купить билеты и вскочить в поезд, как он тронулся. Мы заняли первое попавшееся купе, которое оказалось пустым. Мы боялись даже говорить. Я показал Ленину на верхнюю полку, чтобы он шел спать.

Сам я осмотрел весь вагон на случай возможного бегства. Я даже не пытался спать и думаю, что моего попутчика тоже сон не очень брал. В половине шестого я умылся, оделся и разбудил Ленина. Он сразу вскочил на ноги.

Но боже мой! Краска расплзлась по его лицу и подбородку, а борода в нескольких местах отклеилась.

Маску сразу же восстановили, но бороду приклеить не удалось, так как бутылочка с клеем осталась в кармане брюк у Кустаа, а я даже не знал, успел ли он сесть в поезд.

— Придется снять всю растительность и смыть краску с лица,— сказал я Ленину.

— Но тогда меня сразу же узнают.

— Да, это в Петрограде, но не здесь. Мы же находимся далеко в Финляндии. Кроме того, никто не поверит, что Ленин находится в обществе Куусела. Это совершенно невероятно. Вы просто один из моих старых актеров.

— Вы думаете, я сойду за актера?

— Обязательно сойдете.

Нам пришлось срочно удалять остатки бороды и краску, что было довольно трудно, так как у нас не было

ни вазелина, ни теплой воды, а времени было в обрез, поезд уже подходил к Лахти, где нам надо было выходить. Кое-как удалось придать ему приличный вид. Оживленно беседуя по-фински, мы рука об руку вышли на перрон. Ленин хотел, чтобы мы шли именно так.

По-фински говорил я, а Ленин только смеялся, что для постороннего слуха звучало совершенно по-фински.

— Подержи-ка, Костя,— сказал я по-фински и бросил Ленину свое пальто,— а я пойду посмотрю, приехал ли Кустаа.

И действительно, на другом конце перрона тот с беспокойством разглядывал вагоны и искал нас глазами. Оказывается, в Териоки он успел прыгнуть в последний вагон, когда поезд был уже на полном ходу.

В Лахти нас исключительно гостеприимно приняли товарищ Коски и его очень приятная супруга. Я позвонил Ровио в Хельсинки и сообщил, что наша поездка удалась на славу, и просил дальнейших указаний. Ровио приказал оставить Ленина покамест в Лахти, что мы и сделали.

— Кому вы звонили? — спросил Ленин.

— Полицейстеру в Хельсинки.

Ленин несколько удивился.

— Успокойтесь, друг,— сказал я,— мы теперь в Финляндии. Полицейстер Хельсинки — ваш настоящий друг. Он известный революционер.

Мы съели очень вкусный вегетарианский завтрак, которым нас накормила госпожа Коски. После этого обнялись и попрощались.

— Ожидаю увидеть вас в будущем премьер-министром,— сказал я Ленину на прощание.

И ведь стал же премьером! Помню, как в один из октябрьских вечеров кто-то позвонил мне в Уутеенкюля и сказал всего несколько слов:

— Ваш друг теперь премьер-министр.

Мы приехали в Хельсинки в шесть вечера. На вокзале нас встретили товарищи Ровио и Шотман, которым мы вкратце рассказали о своей поездке.

Отель «Фенниа», 15 марта 1918 г.

Ленин в Хельсинки

Как известно, после событий 3—5 июля Ленину пришлось скрываться до октябрьских революционных дней 1917 года. Большую часть этого времени, месяца два, Ленин находился в Финляндии, преимущественно в Хельсинки. Поскольку в мою задачу входило установление связей Ленина с окружающим миром, мне хотелось бы рассказать о некоторых чертах жизни Ленина в подполье.

Сразу после июльских событий к народному делегату К. Вийку в Хельсинки приехала женщина — товарищ из Петрограда — и сказала, что ей поручено организовать в Финляндии жилье для Ленина и Зиновьева. Поскольку, живя в Хельсинки, я участвовал во всех делах, касающихся русских эмигрантов, Вийк предложил, чтобы меня разыскали и поручили организовать это дело. Вийк позвонил мне и попросил прийти в здание сейма, в палату парламентской фракции. Дорогой я встретился с Вийком и приехавшим из Петрограда товарищем, и тут же на улице в прекрасный июльский день мы обсудили это дело. Я не припоминаю теперь всех подробностей беседы, но было решено, что Ленин и Зиновьев будут помещены в Кангасе, недалеко от Тампере. Условившись о встрече, мы тут же разошлись; женщина из Петрограда поехала обратно.

Через несколько дней ко мне приехал А. Шотман и загадочно заявил:

— ЦК партии поручил мне организовать переезд и подыскать квартиру для Ленина и Зиновьева здесь, в Финляндии.

— Но сюда уже приезжал товарищ по этому делу, и мы решили этот вопрос, — заметил я со своей стороны.

— Она неправильно сделала. Мне поручено устроить товарищей здесь, в Хельсинки, но с тем условием, чтобы ни одна душа об этом не знала. Ты не имеешь права никому об этом сообщать, — заклинал меня Шотман.

— Хорошо. Я готов помочь, чем смогу, и, естественно, никому болтать не буду, — ответил я.

Шотман очень спешил перевезти Ленина в Финлян-

дию, и мы решили, что он приведет его прямо ко мне на квартиру¹, а потом уже подыщем для него другое жилье и поиски его не будут препятствием для немедленного выезда Ленина.

Следует напомнить, что Февральская революция подняла меня на пост начальника милиции Хельсинки, полицмейстера, как гласил официальный титул. Читателю, вероятно, известно, что Февральскую революцию в Хельсинки совершили солдаты, в основном моряки. Арестовав генерал-губернатора, сенаторов и других русских чиновников и организовав свой Совет, солдаты отказались поддерживать порядок и дисциплину в городе с чужим языком и предложили рабочим комитетам взять на себя обеспечение порядка в городе. Рабочие комитеты приняли это предложение. И в апреле 1917 года рабочие организации выбрали меня начальником милиции Хельсинки.

Я жил тогда около Хагнесской площади по адресу Сернайсте Рантатие, дом 1, квартира 22, где у меня была комната и кухня. Никто из знакомых ко мне не приходил, а моя жена была в то время в деревне у своих родственников. Поэтому решили, что наиболее безопасно поселить Ленина на первое время у меня. Шотман шутил по этому поводу:

— Как только приеду в Питер, расскажу нашим, что Ленин живет под надежной охраной начальника хельсинкской милиции. Поначалу лица их вытянутся, но потом насмеются вдоволь, когда узнают, в чем дело. Я убежден, что ни один из шпиков Керенского не станет совать свой нос в твою квартиру.

Мы условились с Шотманом, что он привезет Ленина сначала в Лахти, а оттуда позвонит мне прямо в отделение милиции. Из Лахти они поедут на дачу депутата Вийка на станции Малми, недалеко от Хельсинки. После тщательного обсуждения всех деталей, удовлетворенный результатами, Шотман уехал обратно.

Через пару дней раздался звонок в отделении милиции: Шотман звонил из Лахти:

---

¹ Скрываясь от преследований буржуазного Временного правительства, В. И. Ленин жил на квартире Г. С. Ровио с 10 (23) по 19 августа (1 сентября) 1917 года, затем в целях конспирации менял адреса и снова возвращался сюда (см. *П. В. Московский, В. Г. Семенов. Ленин в Финляндии. М., 1977, стр. 120.*—*Ред.*

«Все прошло хорошо. Завтра вечером будем у тебя».

На следующий день позвонил Вийк и просил назначить время вечером, чтобы встретиться с гостем. Условились на 11 часов около Хагнесской площади.

Я приехал на условленное место заранее и приготовился ждать. Через несколько минут ко мне подошли двое мужчин, говорившие по-французски. Один из них был Вийк, я поздоровался с ним.

— Товарищ Ровио? — спросил спокойно по-русски другой из них и протянул руку для приветствия. Это был Ленин, я видел его впервые.

Я ответил утвердительно и пожал ему руку. Направились к моему жилищу. Это было или в конце июля, или в начале августа — точно не помню¹.

Предварительно осмотревшись и не увидев поблизости ни одного человека, мы поднялись по лестнице на пятый этаж. Я волновался и чувствовал некоторое возбуждение, оказавшись неожиданно в положении квартирохозяина Ленина. Естественно, я не мог даже предположить, что через два месяца Ленин станет во главе огромного государства, но я читал ежедневно русские буржуазные и «социалистические» газеты и видел, какое огромное внимание уделялось в них личности Ленина. Я понимал таинственность поведения Шотмана и не мог не волноваться. Особенно теперь, будучи во главе милиции, я должен был часто иметь дело с контрразведкой Керенского, главной задачей которой был арест Ленина.

Я поставил чайник на огонь и предложил «квартиранту» чаю. Вийк ушел. Ленин расспрашивал меня, как и где достать русские газеты. Я объяснил, что легче всего их добыть около шести-семи вечера на вокзале, когда прибывает почтовый поезд из Петрограда.

— Вам придется ежедневно ходить на вокзал и покупать все русские газеты. Кроме того, вам надо будет организовать тайную пересылку писем по своим каналам, так как мы не можем полагаться на официальную почту, — сказал мне Ленин.

Я пообещал устроить все это как можно лучше. Рассказал, что у меня надежный друг в почтовом вагоне,

---

¹ Ленин пересек границу в ночь на 23 августа. Сделав небольшую остановку в деревне Ялкала, он поехал в Лахти в сопровождении Каарло Куусела и Кустаа Каллио и оттуда в Хельсинки вместе с К. Х. Вийком. — Прим. к финскому изданию.

Кесси Ахмала¹, на линии Хельсинки — Петроград, и он поможет мне в тайной пересылке писем, надо только знать, куда доставлять письма в Петрограде.

Как только Ленин выяснил все, что ему нужно для работы, он предложил мне идти отдыхать, с тем чтобы самому еще поработать. Хотя время было позднее и он только что оказался в совершенно новой для него обстановке, он спокойно уселся за письменный стол, взял со стола русские газеты для ознакомления и начал писать. Не знаю, как долго он писал, потому что я сразу же заснул. А когда проснулся утром, увидел на столе толстую тетрадь и на ней заглавие: «Государство и революция». Ленин спал на кровати.

Вопрос с питанием устроили так: я по просьбе Ленина покупал ему масло, яйца и другие продукты. Я предложил было брать готовую еду из столовой кооператива «Эланто», но Ленин категорически отказался от этого, сказал, что сам сварит яйца и чай и («Что же еще надо?») этого вполне достаточно.

— Самое главное для меня — получать регулярно газеты. Ни в коем случае не пропускайте газет, — объяснил мне Ленин.

Вечером я пошел на вокзал и принес толстую кипу газет. Стало ежедневной традицией совершать прогулку на вокзал, чтобы купить газеты. Я сразу же приносил их Ленину. А он моментально начинал читать их и делать пометки на заслуживающих внимания статьях и новостях. Прочитав все газеты, он обычно садился писать и писал до глубокой ночи. На следующий день он отдавал мне свои записи для отправки в Петроград. Днем он сам готовил себе еду. Через полторы недели Вийк нашел новое жилье для Ленина — в квартире Усениуса. Мы перевели его туда поздно вечером. Но через несколько дней мне пришлось снова взять Ленина к себе, так как квартирант Усениуса, который уехал надолго, совершенно неожиданно вернулся и пребывание Ленина там стало невозможным.

Прожив еще неделю у меня, Ленин переселился на

---

¹ Ахмала Кесси (1889—1918) — финский социал-демократ, литератор. В 1917 году служил в почтовом вагоне Хельсинки — Петроград. Конспиративно перевозил письма В. И. Ленина в Петроград и почту для него в Хельсинки. Расстрелян финскими белогвардейцами во дворе почтамта в Выборге. — *Ред.*

новую квартиру — на Теле к товарищу Б.¹ Эта бездетная семья выделила Ленину отдельную комнату, жена Б. готовила еду и заботилась о нем. Ленин был очень доволен своим жильем и хозяевами. Вечерами я доставлял газеты, забирал письма для отсылки и был переводчиком, так как Б. не знал русского языка и жаловался, что не может беседовать с Лениным. Необходимый разговор вели с помощью жестов. Ленин тоже сожалел, что не знал финского и шведского, и говорил, что теперь ему поздно приступать к изучению финского языка. В этой квартире Ленин прожил все оставшееся время — до конца сентября или начала октября, до того, как он переехал в Выборг.

Вспоминая теперь, после долгих лет, жизнь Ленина в подполье в Финляндии, многое я не могу восстановить в памяти, всплывают только отдельные наиболее яркие эпизоды наших ежедневных встреч. Ленин жил в Хельсинки, когда рабочие комитеты города, не зная об этом, решили пригласить его на свой праздник.

Как известно, в Финляндии уже многие годы в последнее воскресенье августа устраивался Праздник Труда. Праздничный оргкомитет в Хельсинки решил пригласить в качестве почетного оратора Ленина. Мне поручили написать по-русски пригласительное письмо. Я составил письмо, но не успел отправить его, как Ленин оказался моим «квартирантом». Однажды я показал Ленину это письмо и рассказал о празднике. Ленин улыбнулся и сказал:

— Мне придется теперь воздержаться от речей. Хотя до праздника ждать недолго, оставим это до следующего года.

«Финансовый» вопрос на первых порах тоже был не из легких. Не потому, что у Ленина не было денег, а потому, что, к несчастью, у него были только русские деньги. А в те времена курс рубля падал быстрее, чем курс финской марки, и в связи с этим банки почти не меняли рубли на марки. Кроме того, учитывая возможность валютных спекуляций, в банках одному лицу меняли русские деньги только на десять марок. Я же только на газеты тратил больше.

Один я не мог обменять достаточного количества рублей, и к тому же не совсем удобно было начальнику

---

¹ В. И. Ленин жил у машиниста Артура Блумквиста. — *Ред.*

милиции ежедневно менять рубли в банке: газеты много шумели о спекулянтах-валютчиках и я легко мог угодить в спекулянты. Как найти выход из положения? Я решил обратиться к членам нашего партийного оргкомитета и объяснить им, что у меня очень важное задание и надо менять рубли на марки,— правда, пока я не могу сказать им, в чем суть дела.

«Позже я вам разъясню, какое задание, и ваши имена запишут в анналы истории»,— подшучивал я во время нашего традиционного кофе. Виитасаари, Талвио, Вилхо Антикайнен и, насколько мне помнится, Нюквист ходили несколько раз менять рубли. И так эта проблема была благополучно разрешена.

Догадывался ли кто-нибудь о пребывании Ленина в Хельсинки? Из проживавших в Финляндии русских об этом знал только Смилга.

Когда Ленин пробыл у меня несколько дней, он попросил привести к нему Смилгу. Я сходил за ним и привел его к себе на квартиру. Ленин расспрашивал его о настроениях моряков гарнизона в Выборге, о русской газете в Хельсинки, о наших делах в типографии и пр. Из финнов только несколько членов ЦК, такие, как Маннер и Куусинен, знали о Ленине, и я устроил им свидание.

Как известно, Маннер был в то время тальманом, или председателем сейма, и в один прекрасный день мы с Владимиром Ильичем поехали на квартиру Маннера. Говорили частично на немецком, частично на русском языке. Я не помню точно, о чем мы беседовали. Помню только, что зашел разговор об антимилитаризме и Ленин заметил, что антимилитаризм является болезнью рабочего движения малых стран и это понятно, так как ярмо милитаризма особенно тяжело для маленьких государств. С позиции классовой борьбы антимилитаризм вреден, так как рабочим нужно идти в армию, пройти курс обучения в ней и завоевать армию, ведь революцию невозможно совершить без армии.

Куусинен встретил Ленина на Теле, кажется, в тот самый день, когда Ленин уезжал в Выборг. Беседа велась на немецком языке, которого я не понимал, и поэтому я забыл все, что мне рассказали об этом разговоре.

Несколько раз приезжал из Петрограда Шотман. Он дал мне адрес, куда должна была доставляться

корреспонденция, и вообще организовал всю почту в Петрограде. Я отчетливо помню, как Шотман приехал в Хельсинки после корниловских дней и говорил мне:

— Ты знаешь, что через четыре месяца товарищ Ленин станет премьер-министром? — И он стал доказывать свою правоту и убеждать в ней.

Как только мы вошли в комнату, Шотман сразу же обратился к Владимиру Ильичу:

— Владимир Ильич, через четыре месяца вы можете формировать кабинет, вы станете премьером.

Ленин стал расспрашивать его подробно о делах... Не помню кто, Шотман или Смилга, рассказал о печально известном Демократическом совещании¹ и назвал его болтовней в болоте. Ленин тоже считал, что вся его работа — пустая болтовня и надо бы послать взвод солдат, окружить здание и арестовать всех его участников: поболтали — и хватит. Под конец спросил, многозначительно прищурив глаз: «А нельзя ли как бы невзначай сделать это?»

Однажды навестить Ленина приехала его жена Крупская². Ленин нарисовал карту и послал ее заранее Надежде Константиновне, чтобы по приезде в Хельсинки она могла с ее помощью найти его квартиру.

По мере обострения классовой борьбы в России и усиления влияния большевиков пребывание в Хельсинки становилось для Ленина невыносимым. Поближе к водовороту событий, поближе к Петрограду! В один прекрасный день Ленин объявил мне, что он намерен переехать в Выборг и мне нужно для этого достать парик, краску для бровей, паспорт и устроить квартиру в Выборге.

Сказано — сделано. Я отыскал в газетах объявление, что на Владимирской улице проживает бывший театральный парикмахер, делающий парики. Позвонил ему и спросил, может ли он сделать парик. Парикмахер объяснил, что заказчик должен явиться к нему лично

---

¹ Имеется в виду совещание, созванное меньшевиками и эсерами в конце сентября 1917 года в Петрограде с целью выработать меры для ослабления нарастающего революционного движения в России. — *Ред.*

² Н. К. Крупская приезжала к В. И. Ленину в Хельсинки два раза. — *Ред.*

для снятия мерки, после чего будет сделан парик любого фасона.

На следующий день, рано утром, мы переулками шли с улицы Теле на Владимирскую. Вошли в парикмахерскую. Оказалось, что парикмахер — бывший петербуржец и довольно сносно говорит по-русски. Много лет он работал парикмахером в Марининском театре и был мастером своего дела. Он рассказывал, как он «омолаживал» князей, графов и генералов, и, между прочим, сделал парик жене генерал-губернатора Шейна. Ленин спросил, когда парик будет готов. Парикмахер сказал, что ему нужно по крайней мере две недели, так как работа очень кропотливая, ведь каждый волосок пришивается отдельно. Вот тебе и на! Ленин думал уезжать через два дня.

— Может быть, подойдет какой-нибудь из готовых? — спросил он парикмахера.

Парикмахер снял мерку с головы Ленина и спросил, какого цвета должен быть парик. Ленин ответил, что должно быть много седины в волосах, чтобы он казался шестидесятилетним. Беднягу мастера чуть было не хватил удар.

— Шестидесятилетним! Ведь вы совсем молодой. Вам едва дашь сорок лет, зачем вам парик старика, у вас совсем еще нет седых волос.

Парикмахер начал красноречиво убеждать Ленина не брать себе преждевременной старости. И, несмотря на уговоры Ленина, он долго и упорно возражал против седого парика.

— Но разве вам не все равно, какие я выберу волосы? — спросил Ленин.

— Нет, я хотел бы, чтобы у вас был моложавый вид, — убежденно говорил парикмахер.

Ленин стал изучать стеклянные шкафы парикмахера и, заметив за стеклом седой парик, попросил разрешения примерить его. Хозяин неохотно взял парик и помог примерять его. Прическа подошла неплохо, нужно было лишь чуточку ее подправить. Мастер обещал к следующему утру сделать все необходимые поправки. Наутро парик был готов. Примерили его Ленину и «посадили» окончательно. Хозяин объяснил, как обращаться с ним, получил деньги, и мы ушли восвояси. Парикмахер наверняка долго удивлялся заказчику и, наверно, не раз рассказывал другим своим клиентам о

странном молодом мужчине, который упорно хотел выглядеть стариком.

Когда я зашел к Ленину на следующий день, он практиковался в ношении парика. Надел его на голову и спросил:

— Ну, и как я выгляжу? Заметно, что на голове парик?

Я посмотрел со всех сторон и заявил под конец:

— Кто не знает, ничего не заметит.

Я достал краску для бровей у одного артиста и попросил Илмари Лайнио принести паспорт из паспортного стола, написал там финское имя и доставил его Ленину. О квартире в Выборге договорился с депутатом Хуттуненом. Он обещал устроить жилье. Когда все было готово, мы попрощались, и Ленин поехал в Выборг, а оттуда в скором времени в Петроград.

С подпольной жизнью было покончено.

После моего рассказа о некоторых эпизодах из жизни Ленина в Финляндии читатель вправе задать вопрос, как такой видный государственный деятель, один из величайших в наше время, относился к жизни в подполье. Известно, что характер человека лучше всего выявляется в критических ситуациях. Каков же был Ленин в самые мрачные времена керенщины, когда его обвиняли в шпионаже, в предательстве дела рабочего класса и т. д.?

Он был удивительно хладнокровен и сдержан. Вернувшись с дороги, где в любую минуту можно было ожидать ареста, он тут же садился за письменный стол и начинал работать, как будто он находился у себя дома. Именно в Хельсинки Ленин закончил свою книгу «Государство и революция».

За все время пребывания в Хельсинки я не заметил во Владимире Ильиче ни малейших признаков нервозности или беспокойства, не говоря уже о страхе. Наоборот, он всегда был в хорошем настроении. Услышав какую-нибудь веселую историю, от души и заразительно смеялся.

Работал Ленин регулярно и усердно. После работы шел на прогулку. В сумерках мы прогуливались по Ит. Виертоие. Однажды мы гуляли вокруг Дома рабочих, и он восхищался монументальным зданием.

Когда приехала Крупская, он сказал мне: «Завтра можете не приходить, я сам приду за газетами к вам на

квартиру». На следующий день Ленин вместе с Крупской пришли через большой парк с Теле через Мянтумяки на Хагнесскую площадь в мою квартиру.

Я заметил, что Ленин во всех ситуациях сохранял способность размышлять и действовать спокойно и хладнокровно. Воля у него была не железная (это, пожалуй, будет мягко сказано), а стальная. Он всегда доводил до конца начатое дело, если считал его правильным. Мне доставалось крепко, если я не выполнял вовремя его заданий.

— Что же вы? Почему не сделали?

И никакие оправдания не помогали, Ленин настаивал на своем до тех пор, пока все не было сделано как надо.

Что же касается его личных нужд и потребностей, то Владимир Ильич отличался необычайной скромностью. Не курил, не пил крепких напитков и был неприхотлив во всех отношениях. Даже враги не могут ничего сказать на этот счет.

Я до сих пор не встречал другого такого симпатичного и обаятельного товарища, как Ленин. Это революционер до мозга костей.

Предоставить убежище великому и гениальному вождю мировой революции — большая честь для рабочего движения Финляндии.

Ленин в 1917 году¹

Мировая буржуазия ликует по поводу того, что ее противник В. И. Ленин умер. Буржуазия давно расправилась бы с ним, да только не вышло.

Я помню, как в 1917 году после июльского поражения в Петрограде всевозможные прихвостни буржуазии — офицеры, юнкера, гимназисты, сыщики тайной полиции с собаками, пользуясь тем, что государственная власть была в их руках, делали все возможное, чтобы уничтожить товарища Ленина, понимая, что этот человек уничтожит их. И предчувствие их не обмануло.

По решению ЦК из Петрограда Ленина направили в Сестрорецк, на квартиру товарища Емельянова, но находиться там было небезопасно, и пришлось переселить его в лес, в шалаш у стога сена.

Однажды в дождливый день, когда Ленин сидел в шалаше, туда вошел казак, проклиная погоду и негодяев людей, и попросил разрешения укрыться от дождя. Ленин спросил, чем тот занимается. Казак сказал, что они ловят какого-то Ленина, которого велено доставить живым или мертвым. На вопрос, что за преступление совершил Ленин, казак не смог ничего ответить. Он знал только, что тот мутит народ и поэтому очень опасен, что он где-то в этом районе и ему, казаку, приходится страдать от дождя и холода из-за этого «негодяя».

Из-за сильного ажиотажа по поводу ловли Ленина ЦК вынужден был перевести беглеца в более безопасное место. Я вместе с Шотманом получил задание организовать переход через границу в Финляндию. Дорогой нас чуть не поймали на станции Дибуны Финляндской железной дороги, где вооруженные до зубов студенты, гимназисты и юнкера проверяли документы. Нам удалось провести их, и мы благополучно добрались до Питера. Через пару дней мы осуществили переезд в Финляндию. Нам помогал машинист Гуго Ялава.

По приезде в Финляндию мы переправили Ленина

---

¹ На русском языке воспоминания опубликованы в журнале «Вопросы истории», 1967, № 10.— *Ред.*

в Хельсинки¹ на попечение начальника милиции Ровио.

За все время, пока Ленин находился под моей опекой, он ни разу не проявил страха быть арестованным и пойманным, хотя опасность была велика. Он лихорадочно работал, писал статьи в газеты и письма товарищам, давая указания и наставления, и нервничал только тогда, когда долго не получал ответов на свои письма или же задерживались газеты. Если я пытался его успокаивать, предлагая подождать пару часов, он всякий раз говорил мне, что время нас не ждет, мы должны всегда опережать его, заранее предвидеть ход событий и ситуацию; если мы не научимся этого делать, мы никогда не победим.

Впоследствии, во время революции в Финляндии, часто вспоминались эти слова Ленина. Но среди руководителей финского рабочего класса не было человека, умевшего хоть чуточку предвидеть события. Руководство выжидало, само пассивно плелось в хвосте.

Вряд ли еще можно встретить такую энергию и такое искусство руководить партией, как у Ленина. Теперь, конечно, гораздо легче действовать, так как Ленин указал нам верный путь, который обязательно приведет к победе. Надо только идти по нему, учитывая интересы рабочих.

Деятельность товарища Ленина ради достижения победы рабочего класса была настолько активна, что он забывал об опасности, которой всегда подвергался со стороны буржуазии. Он считал, что самое главное — быть в тесном контакте с самими рабочими. И я лично получил от него приказ приехать к нему в Финляндию для организации переезда в Петроград.

Получив предписание, я договорился с Гуго Ялавой о том, каким образом доставить Ленина в Петроград и как обезопасить путешествие. После этого я приехал в Выборг, где тогда Ленин проживал на квартире у Латукка.

Я застал Ленина очень взволнованным из-за того, что, по его мнению, все сообщения из России он получал слишком поздно; поэтому он решил немедленно

---

¹ Не позднее 6 (19) августа 1917 года В. И. Ленин по пути в Хельсинки остановился в деревне Ялкала (ныне Ильичево, Выборгского района, Ленинградской области), в семье рабочего финна П. Г. Парвизайнена (см. «Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника», т. 4, 1917 г. М., 1973, стр. 316).— *Ред.*

ехать в Петроград, несмотря на смертельную опасность, которая ему угрожала.

Владимир Ильич сказал: «Революция произойдет в течение ближайших недель, и, если мы не подготовимся к ней, мы потерпим поражение, которое нельзя сравнить с июльскими днями, потому что буржуазия делает все, чтобы задушить революцию, и делает это с такой жестокостью, какой еще не знает мировая история».

Ленин одобрил изложенный мной план поездки. Итак, мы отправились в путь. Ленин в очках и в парике был похож на финского священника. На вокзале я купил билеты до Петрограда. В вагон мы не входили, стояли в тамбуре. Когда в тамбуре появлялись люди, я говорил Ленину по-фински и он отвечал, как было условлено, «јаа» или «еі»¹. Иногда он говорил «јаа», когда надо было сказать «еі», и наоборот.

До станции Райвола² добрались благополучно.

В Райвола Ялава отцепил паровоз и отъехал набирать дрова. Вокруг паровоза шныряли подозрительные личности. Мы условились, что Ялава, набирая дрова, задержится там с паровозом подольше, до самого отправления поезда. Мы с Лениным пойдем гулять, и, когда паровоз, возвращаясь с погрузки, будет подъезжать к поезду, Ленин сядет на него на ходу. Именно так все и произошло, и подозрительные лица не попали на поезд, так как место погрузки дров далеко от станции, а как только паровоз встал перед вагонами, кондуктор подал сигнал к отправлению. Но впереди было самое опасное место — станция Валкеасаари, где было полно всевозможных шпииков.

Я сидел в первом вагоне с двумя заряженными револьверами на случай необходимости. В вагоне было полно дачников и несколько рабочих.

Пассажиры говорили о политике. По мнению обывателей, надо было наказывать рабочих, так как они выступают против войны и поддерживают подосланного немцами Ленина, который получил миллионы денег для организации мятежа в России.

Рабочие в ответ утверждали, что никаких денег Ленин не получал, что он борется за интересы рабочих.

---

¹ — «да» или «нет». — *Прим. перев.*

² Ныне станция Рошино. — *Ред.*

Буржуи высказали единое мнение: Ленина надо убить. Один из присутствующих предложил провести Ленина в цепях по Невскому проспекту, с тем чтобы каждый мог бить его и плюнуть ему в лицо. И после того, как все получили бы это удовольствие, его надо повесить, а тело сжечь. Не знали они, что их «жертва» сидела так близко. Прибыли в Валкеасаари, где шла проверка паспортов; у меня был паспорт офицера, покойного И. Шаевича. Я прошел проверку хорошо. Ялава с паровозом поехал набирать воду и вернулся как раз ко времени отправления поезда, так что проверять документы на паровозе было уже некогда. И поезд направился в Петроград.

Мы сошли с поезда на станции Ланская, недалеко от которой была подготовлена конспиративная квартира, куда мы направились. Там нас уже ждала жена Ленина, Надежда Константиновна.

Ленин сразу же принялся за работу: выяснял настроения рабочих на заводах и писал статьи в «Правду». Были собрания с членами ЦК, где Ленин поставил вопрос о взятии власти.

24 октября я пришел к Ленину и сказал, что на заводах и в казармах брожение. Ленин написал письмо районным комитетам с предложением начать решительный бой. Я отнес письмо в Выборгский райком партии, там его размножили и распространили среди рабочих и солдат¹.

После полудня я снова поехал к Ленину, и он предложил, чтобы мы пошли в Смольный. По дороге в Смольный нас дважды задержали и чуть не арестовали: первый раз около Литейного моста, а второй раз — на Шпалерной улице, где нас остановили трое конных юнкеров и потребовали паспорта и пропуска. Приехали в Смольный и вошли в здание по чужим пропускам...

Теперь Ленин умер, но в сердцах пролетариев всего мира он живет. И, следуя его заветам, рабочий класс завершит дело, которое не успел довести до конца Ленин, — дело мировой революции.

23 января 1924 г.

---

¹ По-видимому, автор имеет в виду последнее перед взятием власти письмо В. И. Ленина членам ЦК от 24 октября (6 ноября) 1917 года (см. *В. И. Ленин. Полн. собр. соч.*, т. 34, стр. 435—436). — *Ред.*

Как я перевез Ленина через границу¹

Однажды после июльских событий 1917 года ко мне пришли старые товарищи Александр Шотман и Эйно Рахья. Мы знали друг друга с детства. Я увидел их озабоченные лица, и, хотя они начали обычный, буднич- ный разговор, я понял, что у них ко мне серьезное дело.

Рахья спросил наконец:

— Есть в квартире кто-нибудь?

Выяснив, что в квартире нас только трое, они зая- вили:

— Надо перевезти Ильича на другой берег.

«Перевезти на другой берег» означало перевезти Ле- нина через границу из России в Финляндию. Над этим надо было подумать. Риск был большой. Но Ленина на- до было переправить во что бы то ни стало. Как это сделать? Обсуждали несколько вариантов и остано- вились на моем.

Я вожу дачный поезд № 71.

Он отправляется из Петрограда вечером и идет на станцию Райвола.

Так как юнкера проверяют документы пассажиров только в вагонах, было решено:

1. Ильич поедет со мной на паровозе. Рахья и Шот- ман едут в первом вагоне, недалеко от тамбура, и на всякий случай имеют при себе револьверы.

2. Ленин, Шотман и Рахья сядут на станции Удель- ная, а не в самом городе.

Шотман и Рахья поднимутся в вагон на самой станции, Ленин же будет ждать в конце платформы.

Когда паровоз остановится, он должен будет быстро подняться на него и на мои вопросы «кто?» и «куда?» должен предъявить документ истопника, моего товари- ща. Он финн, ни слова не знает по-русски. Я разрешаю ему ехать на паровозе, так как имею на это право. Это очень важно, чтобы не привлечь внимания.

¹ На русском языке воспоминания Г. Э. Ялавы опублико- ваны под названием ««Кочегар» паровоза № 293» во 2-м томе пя- титомного издания «Воспоминаний о Владимире Ильиче Лени- не» (М., 1969).— *Ред.*

3. Ленин должен быть в очень простой одежде.

4. По приезде в Валкеасаари я отцеплю паровоз и поеду за водой к водонапорной башне. Задержусь там до второго звонка и прицеплюсь к составу перед самой отправкой. Никто не обратит внимания на то обстоятельство, что в паровозе едут три человека. Это покажется вполне нормальным.

На станции Териоки Ленин, Шотман и Рахья выйдут из поезда.

Мой план был принят.

Я был уверен в успехе. Таким способом я уже пользовался, когда перевозил члена государственной думы Аникина-Оладына и некоторых других товарищей.

Пришел день отъезда. Я подъехал к станции Удельная, к самому краю платформы, и увидел, как коренастый средних лет мужчина быстро шагает к паровозу. Он ухватился за поручни, чтобы подняться в паровозную будку. Я был очень удивлен внешностью Владимира Ильича. Почему-то я представлял себе, что он похож на Родзянко-Муромцева или же напоминает утонченного социал-демократического бургомистра Стокгольма Линдхагена.

Ильич видел, что мой истопник бросает дрова в тендер. Он засучил рукава, поднялся на тендер и попросил истопника посидеть и покурить. Когда тендер был полон дров, Ильич сел рядом со мной на стул и мы переговорили о текущих событиях и возможности революции в Финляндии. Начало пути прошло быстро. Совсем незаметно мы подъехали к Валкеасаари (было уже два часа утра).

Все шло хорошо. Отцепили паровоз, отъехали за водой к колонке и стояли там дольше обычного — с таким расчетом, чтобы подойти к поезду перед самым отправлением. Когда раздался третий звонок, я прицепил паровоз к составу, дал резкий свисток и через несколько минут мы были уже в Финляндии, в Териоки, в 49 километрах от Петрограда. Перед тем как сойти с паровоза, Ленин дружески пожал мне руку. И так мы расстались.

Когда Ленин скрывался в Финляндии, ему нужно было доставлять почту. Перевозка ее была организована с помощью товарища Ахмала. Он работал в почтовом вагоне, курсирующем между Петроградом и Хельсинки (позднее за помощь большевикам Ахмала был расстрелян белогвардейцами).

Почту доставляли в мою квартиру и передавали мне или моей жене. Часто я получал ее в дежурной комнате на Симбирской улице. Полученную почту я относил в редакцию «Правды», которая в то время находилась на Астраханской улице.

Однажды письма принесла Надежда Константиновна Крупская. Я пригласил ее зайти, и за чашкой кофе она рассказала мне о жизни Владимира Ильича в ссылке.

7(20) октября я повез Ленина обратно в Петроград. Он вместе с Эйно Рахьей приехал из Выборга на станцию Райвола за несколько минут до отхода поезда. Была полночь. Ильич быстро прошел к паровозу. Рахья устроился в вагоне. Со мной был мой прежний истопник. На этот раз Ленин не мог помогать нам, так как теперь топили уже углем. На станции Удельная Владимир Ильич сошел с паровоза.

В последний раз я видел Ленина и других руководителей партии в своей квартире 14 октября¹. У них было совещание. Собирались поодиночке. За столом сидели Крыленко, Рахья, Шотман, Парвийнен и другие. Пили чай. В 9.15 пришел Ленин. Присутствовавшие товарищи делали доклады, передавали Ленину свои сведения.

Ленин внимательно слушал каждого. Затем начал разбирать поступившие сведения. Он серьезно критиковал недостатки, обращая внимание на все детали. Он говорил спокойно, естественно, без излишней патетики, избегая цветистых фраз. В то же время его речь звучала очень убедительно. Он постоянно опирался на факты. Я понимал, что передо мной великий вождь, гений своей эпохи, лучший друг пролетариев и всех обездоленных на земле, суровый и беспощадный к врагам революции.

---

¹ На квартире Г. Ялавы (Ломанский пер. (ныне ул. Смирнова), д. 46, кв. 29) 14(27) октября 1917 года В. И. Ленин встречался с руководящими работниками партии большевиков и Военной организации при ЦК РСДРП(б). В совещании приняли участие В. А. Антонов-Овсеенко, Ф. Э. Дзержинский, М. С. Кедров, В. И. Невский, Н. И. Подвойский и другие (см. «Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника», т. 4, 1917 г. М., 1973, стр. 386).— *Ред.*

Ленин живет на улице Теле

ИНТЕРВЬЮ 1949 ГОДА

На улице Порвоо в Хельсинки проживает 70-летний слесарь Артур Блумквист со своей женой Эмилией.

В бурную осень 1917 года у них на квартире скрывался от шпиков и холопов Керенского Владимир Ильич Ленин. Маленькая квартира все еще хранит вещи, которые были при Ленине, хотя большую часть мебели из комнаты, где жил великий революционер, забрал Музей Ленина в Тампере. Сейчас в комнате находится комод, который стоял и в те памятные дни, и старый высокий шкаф.

Временные «укрыватели» Ленина, чета Блумквист, живо и интересно рассказывают об этом замечательном человеке. Блумквисты не впервые помогали революционерам до того, как к ним прибыл Ленин в августе 1917 года.

Начиная еще с 1905 года в их квартире в разное время проживали как польские, так и русские революционеры. Имен никогда не спрашивали, и поэтому большинство остались им неизвестными.

Впечатляющая личность Ленина особенно им запомнилась. Его привел к ним магистр Вийк, после того как укрывал его целые сутки где-то на Сернайсте. Поскольку это место было очень опасным, Вийк договорился с Блумквистами, жившими в то время по улице Теле, 46, на четвертом этаже.

Место было очень удобным: не нужно было опасаться соседей, так как окна выходили на лес и это оберегало от посторонних глаз.

Ленин переселился к ним и прожил в их квартире около двух месяцев — до того как он переехал в Петербург и стал главой Советского государства.

ИДЕАЛЬНЫЙ КВАРТИРАНТ

Ленин был идеальный квартирант, рассказывает госпожа Блумквист. Он даже не курил. А его трудоспособность! Целые дни Владимир Ильич просиживал за

письменным столом, работая непрерывно, читал или писал статьи в большевистские газеты. Их в тот же день доставляли через его друзей по железной дороге в Петроград, и на следующий день они были уже опубликованы в газетах.

Однажды Ленин вышел на кухню со свежей русской газетой в руках. В ней говорилось, что он скрывается в Петрограде, и Керенский грозился поймать его. Ленин прочитал это известие, многозначительно улыбнулся и сказал, иронически прищурив глаза: «Надо быть проворнее Керенского, чтобы схватить меня».

К. Х. ВИЙК И ЛЕНИН

— К Владимиру Ильичу часто приходил магистр К. Х. Вийк, и они вели долгие беседы на французском языке, — рассказывал господин Блумквист. — Я не очень понимал язык, но у меня сложилось впечатление, что они часто обсуждали вопрос о независимости Финляндии. Я убедился в этом окончательно, когда узнал, что именно Вийк был первым, кого вызвали к Ленину в Смольный во время обсуждения вопроса о независимости Финляндии после того, как большевики пришли к власти в России.

К Ленину приходили и другие русские и финские революционеры, но из них я запомнил только Густава Ровио. Во всех случаях эти визиты были связаны с подготовкой революции.

ШВЕДСКИЙ ДЛЯ КОНСПИРАЦИИ

Ленин не маскировался, когда ходил по улицам. Единственная предусмотрительность, которую мы применяли во время наших прогулок, — это то, что я разговаривал с ним по-шведски.

Поскольку Ленин не владел шведским, то у меня получался монолог, предназначенный исключительно для сыщиков. Шведский язык не вызывал никаких подозрений.

По вечерам Владимир Ильич ходил на собрания — никто не знал куда. Часто ходили в сауну. Сауна Ко находилась в Паасила, и туда ходили преимущественно

железнодорожники. Мой свояк жил на верхнем этаже того же здания, где находилась баня, поэтому нетрудно было устраивать ее посещение, не привлекая постороннего внимания.

Н. К. КРУПСКАЯ В ФИНЛЯНДИИ

— Я была на кухне, когда к нам приехала жена Ленина,— рассказывает госпожа Блумквист.

— Когда я пошла открывать дверь, я очень испугалась, увидев в передней незнакомую женщину в платке.

Владимир Ильич узнал ее голос, и сразу выяснилось, кто была наша гостья.

Крупская пробыла у нас всего несколько часов и опять уехала.

НЕИЗВЕСТНЫЙ СЕДОЙ СТАРИК

Я увидела Ленина единственный раз в «маске», когда он уезжал от нас. В конце сентября к нам приехали двое мужчин (один из них был Ровио) и вошли в комнату Ленина. Они пробыли там некоторое время.

Я возилась на кухне и вдруг увидела, как из комнаты вышел седой старик. Я страшно перепугалась, каким образом старик попал в комнату Ленина, как вдруг оказалось, что старик — Ленин. Он взял меня за руку и начал благодарить за гостеприимство и приют и стал прощаться со мной. После этого он ушел.

Спустя годы мы получили от него книгу о положении крестьян в России, которую он написал во время проживания здесь.

Ленин в Финляндии

Семья Артура Усениуса, состоявшая из трех человек, проживала тогда в двухкомнатной квартире в Хельсинки, на улице Фредрикинкату, 64.

«В последние дни июня 1917 года¹ к нам пришел один из руководителей Социал-демократической партии Финляндии К. Х. Вийк. Он спросил нас, не нужен ли нам «мешок муки». Под «мешком муки» подразумевались русские революционеры-эмигранты, которые нуждались в конспиративном жилье, помощи и т. п. Поскольку я знала немного по-русски и мы уже держали у себя такие «мешки муки», я согласилась и на этот раз, тем более, что одна из наших комнат пустовала.

Приехал Ленин и передал привет с Камчатки. Это был пароль. Я отвела гостю свободную комнату, где он сразу же приступил к работе. Он прожил у нас две недели². Было задумано, что он пробудет у нас около месяца, а может, и больше. Но вернулась сестра; Ленин никак не хотел быть нам помехой и решил от нас уйти. От нас он переехал жить к Артуру Блумквисту на улицу Теленкату.

Как правило, Ленин вставал рано утром. Работу он начинал обычно часов в 7—8 утра. Ложился поздно, работал часто до часа или двух ночи. Его интересовали прежде всего газеты из России, которые ежедневно доставлял Г. Ровио. Ленин не терпел, когда задерживались газеты.

У него было множество книг. Стол был завален книгами, в которых он делал разные пометки. Другая стопка книг громоздилась на маленьком столике из карельской березы в углу комнаты. В это время Ленин работал над книгой «Государство и революция». Из нас никто не знал, что проживающий у нас «мешок муки» — Ленин.

¹ Дата названа ошибочно. Вийк мог прийти к Усениусу только после того, как было принято решение ЦК переправить В. И. Ленина в Финляндию, т. е. не раньше последних чисел июля.— *Ред.*

² В. И. Ленин прожил на квартире Усениусов несколько дней.— *Ред.*

В эти дни правительство Керенского разогнало финский парламент. В Финляндии было очень беспокойно, и тревожное состояние в стране сказывалось на поведении Ленина. Он нервно шагал по комнате и то и дело спрашивал: «Вы не слышали, что творится в городе? Там, наверное, стреляли?»

А затем добавлял: «Было бы неразумно начинать; еще рано».

Я выходила на улицу выяснять обстановку. Заходила в магазин кооператива «Эланто», где из разговоров собравшихся там женщин можно было почерпнуть кое-какие сведения о событиях дня. Как-то я выяснила, что товарищ К. Маннер сломал пломбы в дверях здания парламента, что казаки покинули здание и все опять в порядке. Ленин успокоился и продолжал работать.

Каждый вечер часов в 8—9 Ленин шел на прогулку. Я выходила перед ним и смотрела нет ли подозрительных лиц, полиции, солдат и т. д. Казаков мы побаивались, матросам доверяли безгранично. Если все было в порядке, я зажигала в лифте свет и отправляла его наверх. Только после этого выходил Ленин.

Иногда Ленин заговаривал со мной о политике, но, видя мое полное невежество в этой области, переходил к разговорам о кухне, еде и пр.

Я заботилась о нем, как могла. Правда, в те времена очень трудно было доставать мясо. Однажды я зажарила ему в масле свеклу. Ленину очень понравилось кушанье, и в следующий раз он даже пришел на кухню посмотреть, как я готовлю это блюдо. Он подумал, наверное, что, возможно, ему когда-нибудь придется самому приготовить его.

Вообще Ленин был очень неприхотлив. Дважды в день он просил чаю — два стакана утром, два стакана вечером, — стакан молока и ничего больше.

Когда приходили газеты, Ленин забывал и чай и еду. Случалось, что он работал с самого раннего утра и до полуночи без перерыва.

Он носил коричневый костюм и высокие спортивные ботинки, и эта одежда делала его похожим на англичанина или шведа. В таком виде он всегда выходил на вечерние прогулки.

Живя у нас, Ленин не носил бороды, и только после Октября, когда я где-то увидела портрет Ленина, я узнала, кто был моим квартирантом.

Как я познакомился с Лениным

Однажды вечером в августе 1917 года, когда я работал в Союзе рабочих-металлургов, в правление союза в Доме рабочих Хельсинки вошли три человека — магистр К. Х. Вийк, Г. Ровио и Владимир Ильич Ленин. Из разговора с ними выяснилось, что Ленин бежал из Петрограда и скрывается от преследовавшего его правительства. Он приехал утром из Выборга, но сошел с поезда, не доезжая Хельсинки, где Ровио и Вийк встретили его и привезли на подводе. Это было сделано в целях предосторожности, так как железнодорожный вокзал Хельсинки тщательно проверялся. В городе власть находилась тогда в руках рабочих и солдатских комитетов, большинство в которых занимали социал-революционеры (эсеры) и меньшевики, т. е. противники и враги Ленина и большевиков.

Как только Ленин вошел в комнату и поздоровался, завязался оживленный разговор о делах союза. Как будто невзначай он взглянул на ряды папок на книжной полке и спросил, что они содержат. Услышав, что там находятся списки и анкеты членов союза, в которых обозначены все данные о каждом в отдельности, он тут же поинтересовался, какие сведения союз имеет о своих членах. Одну из папок открыли и прочитали, выяснили, что там записаны полное имя члена союза, год рождения, профессия, год вступления в союз, название отдела, куда он зачислен, категория взноса, оплаченные взносы и т. п.

— И больше ничего? — спросил Ленин.

— Ничего больше.

— Разве этого достаточно? — сказал Ленин. — На мой взгляд, надо бы отметить образование и общий уровень подготовки каждого члена; ведь если у союза нет этих данных, каким образом вы сможете, когда совершится революция, найти каждому соответствующее место?

Мы смотрели несколько озадаченно друг на друга, но никто не мог возразить на это деловое замечание Ленина. Его заинтересовало также то обстоятельство, что из 27 000 членов союза 3000 были женщины. Мы объяс-

нили, что до войны 1914 года в рядах союза женщин было очень мало. Но по мере того, как война продолжалась и развивалась военная промышленность, женщины начали работать в металлургии и были довольно искусные и ловкие в своей отрасли.

— Да, это объясняет положение дела,— сказал Ленин.

В Хельсинки в то время размещалось много войск. Там была большая пристань для судов и многотысячные сухопутные воинские соединения. Рабочие и солдатские комитеты, основанные социал-революционерами и меньшевиками, поддерживали Временное правительство и выполняли его приказы. Таким образом, Ленин находился среди своих врагов, и несомненно, что если бы власть имущие знали о его местонахождении, то быстро арестовали бы его. Это было бы большим ударом для революции.

Ровио спросил Ленина, не слишком ли смело приехать в такой огромный населенный центр, где много войск и всевидящих глаз. Ленин ответил на это, что в маленьких местечках больше опасности подвергнуться разоблачению и аресту, в то время как в крупных городах легче смешаться с толпой и возможность быть узнанным значительно меньше.

Прошло около часа в правлении союза, когда Ровио сказал, что пора уходить. Ровио, мой коллега и давний друг, с которым я много лет проработал на одном предприятии, в профсоюзном комитете токарей Хельсинки, сказал мне, что они с Лениным пойдут впереди, а я должен следовать за ними на расстоянии двадцати метров в его квартиру по Сернайсте, Рантатие 1, где Ровио хотел передать мне связку книг, как мы условились раньше.

Квартира Ровио находилась от Дома рабочих примерно в 400 метрах.

Ленин и Ровио шли впереди, а я за ними. И вскоре без всяких происшествий мы прибыли на место. Ленин с Ровио сели поговорить, я взял книги, попрощался и ушел.

Утром, встретив Ровио, я любопытствовал, как прошел вечер с таким редким гостем. Ровио рассказал: «Сначала пили чай и разговаривали до полуночи. Потом я предложил Ленину идти спать, но он сказал мне: «Ты иди спать, а я буду работать»». Ровио ушел спать в со-

седнюю комнату, Ленин же остался сидеть за письменным столом.

«Проснувшись утром,— продолжал Ровио,— я зашел в комнату Ленина и увидел его сидящим нераздетым, в рубашке, на твердом деревянном диване, подперев голову руками. Он не воспользовался приготовленной для него кроватью и спал в таком неудобном положении, но крепко».

На письменном столе лежали исписанные листы бумаги, и Ровио рассказал мне, что он из любопытства посмотрел, что там было написано (Ровио ведь владел русским языком в совершенстве). Он обнаружил, что эти листы относились к книге «Государство и революция», выпущенной впоследствии на финском языке¹.

Человек, который спасался от тюрьмы и преследований (у меня сложилось впечатление, что последнее подполье не очень нравилось Ленину, но он согласился на него, исключительно подчиняясь своим товарищам по партии, и после изнурительной поездки проживал почти что в центре вражеского лагеря), должен бы чувствовать себя подавленным и нервным. Но такие настроения были чужды Ленину — человеку, сильному духом. Все его дела и мысли были направлены к одной цели — к победе революции.

Только это дело было своевременно и важно. И он довел его до конца.

---

¹ См. настоящее издание, стр. 29.— *Ред.*

Ленин в Выборге осенью 1917 года

В последние дни сентября 1917 года большевики имели сильное влияние среди рабочих Петрограда, Москвы и вообще России. Рабочие тысячами и десятками тысяч становились в ряды борющихся. Надежды Временного (второго коалиционного) правительства приостановить революционное движение трудящихся таяли изо дня в день.

Попытка Корнилова поднять контрреволюцию провалилась. Со всех уголков России несся призыв «Вся власть Советам!». Даже из глухой провинции поступали сведения, что и здесь этот призыв объединяет в одном ряду беднейших и малоземельных крестьян, не говоря уже об армии, которая все более решительно становилась на путь революции, — солдаты отказывались воевать и массами покидали фронт.

В эти дни Владимир Ильич Ленин по постановлению ЦК РСДРП(б) жил в Хельсинки у Ровио. Поскольку оттуда было трудно поддерживать связь с Петроградом, где находился Центральный Комитет партии, необходимо было устроить Ильича где-нибудь поближе. Обратились ко мне. Я с радостью согласился дать ему приют у себя в Выборге.

В воскресенье 17(30) сентября¹ — день, когда должен был приехать Ильич, — я встал рано утром и, приведя комнату в надлежащий порядок для приема дорогого гостя, пошел в город. Моя квартира находилась в рабочем предместье города, так называемом Таликкала².

От радости по поводу того, что мне предстоит принять вождя революционного пролетариата, я шел легко и быстро.

Из Хельсинки Ильича должен был привезти тогдашний главный редактор местной рабочей газеты «Тюэ» («Труд») Эверт Хуттунен. Я направился в его город-

¹ В. И. Ленин переезжает из Хельсинки в Выборг 23 или 24 сентября (6 или 7 октября) (см. «Владимир Ильич Ленин. Биохроника», т. 4, стр. 358). — *Ред.*

² Квартира Ю. Латукка находилась по адресу Таликкала, Александеринкату (ныне Рубежная ул.), 15. В 1958 году в этом доме был открыт мемориальный музей В. И. Ленина. — *Ред.*

скую квартиру¹. Открылась дверь, и меня провели в комнату. «Где же Ильич? Я хотел бы его увидеть поскорее». В ответ на мои слова Хуттунен сказал: «Пришел за ним? Сейчас его увидишь, обожди минуточку». Он вышел.

Немного погодя Хуттунен позвал меня, сказав, что товарищ Иванов (Ильич получил паспорт на имя рабочего Сестрорецкого оружейного завода Иванова) ждет меня на кухне. Владимир Ильич сидел за столом и завтракал. Я поздоровался. «Меня зовут Ивановым», — сказал он мне потихоньку. Но в его глазах можно было прочесть: «Не спутайте меня, Иванова, с кем-нибудь другим, которого разыскивает Керенский и его компания».

Побеседовав немного, мы с Хуттуненом отправились на ежегодное собрание кооперативов Выборга, а Ильич остался у него до вечера. Вечером после собрания я заехал за Ильичем, и мы отправились на извозчике ко мне.

Ильичу очень понравилась моя комната, и в особенности книжный шкаф с большим количеством русской подпольной и партийной литературы. Получив утвердительный ответ на свой вопрос: «Значит, эту комнату вы, товарищ, предоставляете мне?», Ильич пожал мне руку и сказал: «Здесь я чувствую себя хорошо и смогу хорошо поработать».

И действительно, он работал усердно в своем новом «рабочем кабинете». Рабочий день был строго расписан по часам. Он вставал, обедал и ужинал в определенное время. Было установлено время для бесед и дневного отдыха. Но не было определено, когда ложиться спать. «Это будет зависеть от продуктивности истекшего дня, нельзя оставить недоделанным ничего важного», — говорил Ильич и добавлял: — Хотя мы и требуем для рабочих восьмичасового рабочего дня и даже шестичасового в некоторых отраслях, мы, как партийные работники, не считаемся со своим рабочим временем». Ильич точно выполнял это расписание. Отступления допускались только тогда, когда из Петрограда приезжали товарищи.

Уже в 7 часов утра Ильич сидел у письменного стола. Каждое утро, уходя на работу (я был сотрудником газеты «Тюэ»), я заглядывал к нему в комнату, так как

---

¹ Э. Хуттунен жил на улице Вилкеенкату, 17 (ныне ул. Тургенева, 8). — *Ред.*

Ильич просил всегда перед уходом предупреждать его об этом. Он всегда справлялся, когда я вернусь, и просил сообщать новости. «Следите внимательно за телеграммами ПТА¹, я очень боюсь, как бы мы не упустили момент. При вспышке революции мы обязательно должны быть на месте», — неоднократно говорил он мне. Я обещал внимательно следить за телеграммами и наилучшим образом исполнять все его просьбы и поручения.

Проходили дни. Мы очень подружились, часто беседовали, когда Ильич уставал от работы. Интересно и поучительно было слушать рассказы опытного революционера о своей жизни в эмиграции. Он говорил при этом: «Может быть, и вам (т. е. финнам) придется еще жить в подполье или эмиграции». И он, как это показали последовавшие за 1918 годом события, не ошибся.

В моей памяти осталось несколько интересных эпизодов из жизни Владимира Ильича в моей квартире.

По газетам он тщательно следил за событиями в России и в других странах. Он ожидал, как голодный обеда, почту с утренними петроградскими газетами (газеты приходили в Выборг в 11 часов утра). Очень интересно было наблюдать, как его глаза пробегали газетные столбцы, — ни одна заметка не ускользала от его глаз. «Нельзя ли достать газеты крайне правых партий?» — спрашивал он. И само собой разумеется, их приходилось доставать.

Особенно набрасывался Ленин на черносотенные газеты. Они ведь критиковали действия Временного правительства и указывали на те силы и группировки, с помощью которых можно было совершить контрреволюционный переворот. Все это было очень важным материалом для статей, которые Ленин писал, а я отправлял в Петроград.

Ленин с интересом следил и за событиями местного характера. Узнав, что мне, как представителю выборгских рабочих, часто приходилось бывать в Выборгском Совете рабочих и солдатских депутатов, он дал мне задание выяснить отношение выборгского гарнизона к большевикам на случай захвата последними власти в Петрограде. Эту задачу я выполнил без особого труда с помощью товарищей Ракова (тогдашний председатель

---

¹ Петроградское телеграфное агентство. — *Ред.*

Совета рабочих и солдат Выборга) и Полового. Эти товарищи имели точные сведения о настроении расквартированных в Выборге полков.

Ильич давал нам ценные указания, как вести работу в армии на местах. Он впервые указал на необходимость тесной связи между русскими войсками и финскими рабочими организациями.

В Выборгский Совет рабочих и солдат часто приезжали из России докладчики и обозреватели. Во время пребывания Ильича в Выборге намечался, между прочим, доклад о текущем моменте эсерки Марии Спиридоновой. Узнав об этом, я сообщил Владимиру Ильичу. Но было бы лучше, если бы я не говорил ему об этом, так как Ильич сразу же начал обсуждать свои возможности послушать, что скажет Спиридонова. И несмотря на то, что я указал ему на недопустимость такого шага, он настаивал на своем: «Сейчас, в данный момент, мне политически важно послушать Спиридонову». — «Я не отрицаю этого, — ответил я, — но маленькое помещение и невозможность устроить вас там без риска быть схваченным агентами Временного правительства являются основной причиной недопустимости такого шага».

К счастью, у меня мелькнула мысль, с которой Ильич сразу же согласился. Я обещал сам присутствовать на лекции и взять с собой товарища, знающего стенографию. «Полностью проверенная стенограмма будет у вас на следующий день», — сказал я Ильичу.

На следующий день стало известно, что доклад Спиридоновой по каким-то причинам не состоится. Дома я передал это Владимиру Ильичу, и он успокоился и стал шутя прикидывать, какая кара меня постигла бы от партии, если бы я не удержал Ленина и его арестовали во время доклада.

Когда стало ясно, что второе коалиционное правительство доживает последние дни, Владимир Ильич попросил приносить ему и вечерние газеты.

С этой целью я ездил в город и по вечерам. Не помню точно, 6 или 7 (19 или 20) октября я получил вечерние газеты, где содержалось официальное сообщение о смене кабинета. Узнав, что в новый состав правительства входят Гвоздев, Ливеровский, Кишкин и пр., Ленин глубоко вздохнул и сказал: «Значит последнее правительство Керенского сформировано наконец». Мне захотелось сказать ему, что следующим будет прави-

тельство «товарища Иванова». Но я не сказал этого, так как прочел это в его глазах.

В те же дни из Москвы доложили, что на выборах районных дум большевистский список получил значительное большинство голосов. В какой-то газете, не помню теперь в какой, было сообщение, что из 17 000 солдат московского гарнизона 14000 отдали свои голоса за большевиков. «Я не понимаю, почему в такой обстановке они не берут власть в свои руки?!» — вырвалось у Владимира Ильича.

Ленин жил революцией и сам бурлил, как революция.

Помню, что он раза два-три писал довольно длинные письма в Петроград¹ товарищам, руководившим движением, где сообщал, что он самовольно, без разрешения ЦК, выйдет из подполья и приедет в Петроград руководить пролетарским революционным движением. И только приезд Шотмана помешал ему осуществить свое намерение. Помню, как много сил стоило Шотману уговорить Ильича остаться еще на неделю на месте. Он согласился наконец, но заставил Шотмана написать на клочке бумаги, что он, Шотман, от имени ЦК партии запрещает самовольный приезд Ильича в Петроград. «А подпись? — спросил Ильич. — Поставь и сегодняшнюю дату». Этот исторический клочок бумаги я взял у Шотмана и сунул в ящик комода. Он так и остался после отъезда Ильича и моего бегства при власти белых. Каким-то образом эта бумажка затем исчезла.

В последнюю неделю своего пребывания у меня Ильич работал с самого раннего утра до поздней ночи, готовясь к назревающим событиям.

В субботу 7 (20) октября² наконец приехал долгожданный Эйно Рахья с поручением от ЦК партии доставить Ильича в Петроград. Времени нельзя было терять. Приготовили парик, с помощью которого Ильич сделался неузнаваем: типичный финский пастор.

---

¹ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, стр. 340—341, 347—350, 385—390.— *Ред.*

² О дате приезда Ленина в Петроград в литературе имеются противоречивые сведения. Составители биографии В. И. Ленина считают, что он мог приехать в Петроград в один из дней между 3 (16) и 10 (23) октября 1917 года (см. «Владимир Ильич Ленин. Биография», т. 4, стр. 373).— *Ред.*

При расставании я пожелал Владимиру Ильичу счастливого пути и успеха в разрешении политических вопросов. «Следуйте нашему примеру», — был сердечный ответ, и они отправились. Сели на трамвай и скоро были на вокзале. В 2 часа 35 минут дня поезд дал свисток, и «Октябрьская революция» была на пути в Россию. На станции Райвола путешественники оставили площадку вагона; часа через два Владимир Ильич на тендере паровоза, где машинистом был Ялава, и Эйно Рахья в первом вагоне поезда переехали границу и на станции Ланская оставили поезд.

Через две недели, 25 октября (7 ноября), Октябрьская революция стала фактом.

* * *

Как и предвидел Владимир Ильич, я стал эмигрантом после поражения финляндской революции.

В 1918 году я дважды бывал у Ленина в Кремле. В первый раз, 30 июля, мы беседовали около полутора часов. «У меня всегда найдется время для друзей», — сказал он, когда я хотел уйти после завершения своего дела, так как знал, что он занят более важными государственными и другими делами. Он интересовался тогда причинами поражения финских рабочих в гражданской войне.

«Приходите ко мне, звоните по номеру 36-182, я всегда вас приму. Ведь теперь наша очередь помочь вам (финнам)», — говорил он. Еще раз я побывал у Ильича 19 августа, когда прибывшие в Петроград беженцы-финны сильно голодали. Ильич дал нам несколько вагонов хлеба. Больше я его не видел, так как был командирован на работу в Петроград.

Ленин как человек

В августе 1917 года мы с мужем согласились устроить у себя одного русского эмигранта. У нас и раньше останавливались гости из России, но теперь речь шла о более длительном пребывании. Мне сказали, что ожидаемый гость — Ленин. По газетам, а также из других источников мне было кое-что известно о Ленине. Я знала, что он русский большевик и один из преследуемых царизмом руководителей революционного движения в России. Это все, что я знала.

Симпатии и чувство долга к нашим русским товарищам обязывали меня организовать все наилучшим образом — не в смысле бытовых удобств, так как я уже успела заметить, что русские эмигранты не гнались за мещанским уютом, а в плане обеспечения безопасности и надежности.

Мы жили тогда в пригороде, в небольшом доме моего отца. В доме было всего две квартиры; одну занимали мы, другую — мои родители. С ними жили мои брат и сестра. Можно было легко устроить так, чтобы никто из посторонних не мог заметить живущего в доме гостя. Родственникам мы объяснили, что в нашей квартире временно поживет приезжий, желающий спокойно поработать.

Мы не знали точного дня его приезда. Это меня больше всего беспокоило, поскольку я должна была в эти дни ехать в Хельсинки на конгресс женщин. Но что было делать. Ничего другого не оставалось, как договориться с сестрой, чтобы она позаботилась о госте в мое отсутствие. Сестра согласилась. С ней мы обо всем договорились, однако я не назвала настоящего имени приезжающего.

Все было готово, а о госте пока ни слуху ни духу.

Я уехала в Хельсинки. Там через несколько дней ко мне вдруг подошел Э. Хуттунен и спрашивает, не говорил ли мне мой муж о приезде к нам одного товарища.

— Да, говорил, — ответила я, — и у меня все готово для встречи. Он сказал мне, что сегодня же вечером едет с Лениным в Выборг.

Через пару дней после этого разговора я вернулась домой. Войдя в комнату, я увидела гостя с сестрой за завтраком. Ленин поднялся из-за стола и поздоровался со мной. Сказал, что слышал, куда я ездила, и поздравил со счастливым возвращением домой.

Я попыталась заговорить с ним по-русски. С большим трудом я произнесла несколько фраз, а затем с помощью сестры, которая довольно свободно говорила по-русски, мы побеседовали о моей поездке. Казалось, что они с сестрой уже старые друзья.

— Как тебе нравится наш гость? — спросила я сестру, когда мы остались вдвоем. — Почему ты не отнесла ему еду на ту половину? (Я имела в виду нашу квартиру, где он жил.)

— Он очень славный человек. Вначале я ему носила туда, но он попросил разрешения есть здесь, чтобы мне не нужно было носить еду, а заодно он смог бы поговорить со мной. Вот поэтому я пригласила его сюда, — сказала сестра.

Наша жизнь пошла своим чередом. Каждое утро в начале восьмого мы уходили на работу, а в нашей квартире, казавшейся внешне пустой и спокойной как всегда, за столом оставался работать Ленин.

У каждого из нас был свой ключ, и он запирался изнутри. Снаружи мы ключа никогда не оставляли. У Ленина, таким образом, была возможность незаметно уходить и приходить, когда ему хотелось.

Ленин отлично освоился в новой квартире. Я заботилась о нем, как могла. Мои весьма скромные познания в языке позволяли мне говорить с ним только о самых простых вещах. Поэтому я расскажу о нем как о самом обычном, простом человеке.

Хотя я слабо владела русским языком, мы вполне понимали друг друга без посторонней помощи. То, что мы не могли сказать словами, дополняли жестами. Ленин был исключительно внимателен и предупредителен. Он прежде всего понимал и умел ценить домашние заботы и уважать труд женщины-хозяйки. Он никогда не позволял мне убирать его кровать. Это он всегда делал сам. Он сам приносил воду, топил печь и даже старался колоть дрова. И это еще не все. Он заметил, как я торопилась приготовить еду и испечь хлеб в обеденный перерыв (тогда ведь было трудно с продуктами), и охотно взялся помогать мне — вытаскивать в нужное время

хлеб из печи, тогда я могла уйти на работу вовремя. И видя, что я очень беспокоюсь о еде и что готовить-то нечего, кроме черной, гречневой, каши, он всегда был доволен, очень хвалил еду и говорил, что на этот раз, мол, обед самый вкусный.

Вечерами, когда сгущались сумерки, Ленин выходил на прогулку. Он бродил по темным улицам предместья.

Однажды он гулял так долго, что мы начали беспокоиться за него, но тут он пришел домой и сказал, что едва не заблудился. Как-то раз он выяснил, как по-фински слово «баня», и пошел по моим указаниям искать ее. Через пару часов он вернулся, сказал, что долго искал сауну, заблудился и, к сожалению, ничего не нашел.

Он всегда проявлял дружеское внимание к нашему сынишке, усаживал мальчика на печку и был очень доволен, когда видел, что доставил этим ребенку радость.

С моим отцом, говорившим по-русски, Ленин часто и охотно беседовал. Он интересовался мнением старого фабричного рабочего по тому или иному вопросу, и отец, не имевший представления, с кем ведет беседу, высказывал ему, как равному, все, что тревожило и тяготило душу, — о последствиях войны, дороговизне, спрашивал, чем же в конце концов все это кончится. И когда он, как простой рабочий, строил догадки о том, как пойдут дальше события в России, Ленин многозначительно улыбался и говорил: «Время покажет».

Ленин всегда хорошо спал. У него был хороший аппетит, и, когда я, уходя, оставляла после обеда маленький кофейник на плите, он, бывало, говорил с улыбкой: «Сегодня я опорожнил весь кофейник до дна».

Только в последнюю неделю перед отъездом он, видимо, нервничал, стал хуже есть и беспокойно расхаживал по комнате.

Настал день отъезда. Утром я уже знала, что приехал Эйно Рахья. Но когда в перерыв я пришла домой, приготовила еду для гостей и пошла звать их к столу, я была вдруг поражена, увидев в комнате совершенно незнакомого человека. Я с тревогой осматривала комнату, глаза мои искали Ленина. И тут незнакомец рассмеялся и этим выдал себя. Перевоплощение было действительно так удачно, что я узнала Ленина только по голосу.

Это только некоторые черточки из того, что я узнала о Ленине как о человеке. Они показывают, что Ленин, великий человек, был и в обыденной жизни велик. Он был велик в том смысле, что все чувствовал, во всем принимал участие, умел находить в жизни то, что было для революции самым драгоценным.

Быстро прошли те три недели, что Ленин жил у нас нелегально. И хотя я не могла подолгу вести с ним беседу по какому-либо вопросу, я чувствовала, что мы, как товарищи, хорошо понимаем друг друга. Мы тепло распрощались, и он уехал. Мы внимательно следили за завершением его поездки и его дел. И то и другое удалось наславу.

Величие Ленина-вождя проявлялось как во время Октябрьской революции, так и в его деятельности после революции — вплоть до самой его смерти. Его человеческие черты были оценены бесчисленными рабочими и крестьянскими массами, и особенно теми, кому выпало счастье близко соприкоснуться с ним.

Ленин прожил у нас три недели

ИНТЕРВЬЮ 1966 ГОДА

Квартиру госпожи Хилдур Хаарала на улице Мехелин в Хельсинки в течение последних недель навещают незнакомые ей до этого люди. Они представляют печать и телевидение. Причиной этих визитов стала найденная в архивах Ленина записка от 1918 года, где сказано, что Хилдур Хайконен, как ее звали тогда, и ее брату, находившемуся тогда в эмиграции в Советской России, необходимо найти работу в таком месте, где нужны надежные люди.

В районе Таликкала Выборга, на улице Александеринкату, 15, находится частный бревенчатый дом, некогда очень уютный и красивый. Отец Хайконен, искусный мастер по фарфору и кафелю, жил там с женой и детьми в квартире из трех комнат и кухни. Во второй половине дома была еще одна квартира, состоявшая из комнаты и кухни, где проживала дочь Люли вместе со своим мужем, сотрудником выборгской социал-демократической газеты Юхани Латукка. Все это было около пятидесяти лет тому назад. Теперь в доме Хайконенов музей.

Написанная Лениным записка и музей в доме Хайконенов взаимосвязаны, так как в этом доме проживал Ленин осенью 1917 года. По воспоминаниям Хилдур Хаарала, он приехал сюда в воскресенье вечером 30 сентября и уехал после трехнедельного пребывания, в субботу 20 октября, в Петроград, где вскоре вспыхнул первый пожар революции.

— Я была около Ленина три недели и хорошо узнала его, — говорит пожилая теперь уже Хилдур Хаарала и продолжает в слезах: — Я никогда не могу говорить о нем без волнения.

Тогда, осенью 1917 года, нашей собеседнице было 27 лет. В Выборге был голод. Еще с весны родители вместе с сыном Люли были в деревне, чтобы спастись от голода. Из всей семьи дома находились только Хилдур и младший брат, а также Люли и Юхани Латукка в другом конце дома. Дом Хайконенов в течение мно-

гих лет укрывал революционеров и давал им убежище. Жизнь семьи была налажена так, чтобы гости не приходили с визитами. Так было надежнее для тех, кто проживал у них.

— Однажды вечером ко мне подошла сестра Люли и очень таинственно сообщила мне, что надо укрыть в доме одного русского революционера, очень важного товарища, которого везде ищут. Люли добавила потом: «Поскольку я вынуждена ехать в Хельсинки на съезд, ты прими его и сделай для него все, что можешь. А еду носи ему в комнату, чтобы он мог спокойно работать», — так вспоминает Хилдур Хаарала.

— Через несколько дней, в воскресенье вечером, в последний день сентября, Юхани Латука привел к нам Ленина. Ленин со своими помощниками и проводниками проделал трудный путь, они даже плутали какое-то время. Когда Ленина привели в квартиру Латука, неудивительно, что он был в восторге после всех тревожных волнений. «И мне действительно дадут эту комнату? Мне здесь очень нравится, и я смогу хорошо поработать здесь», — говорил он.

Когда на следующий день я принесла ему еду, он удивлялся: «Почему вы носите еду сюда? Я могу пообедать вместе с вами». С тех пор он всегда приходил поест на нашу половину и мы всегда ели вместе. С самого начала не было никакой натянутости в наших отношениях, мы были как старые добрые друзья. В то время в школе учили русский язык, и поэтому я могла сносно разговаривать с ним.

Я очень много была с Лениным. Хотя моя сестра и взяла бразды правления в свои руки после возвращения, но она ходила на работу, и я могла быть с Лениным целые дни.

Хотя Ленин был как член семьи, я никогда не мешала ему работать. К вечеру, когда начинало смеркаться, он приходил на нашу половину и ходил по большой комнате, чтобы размяться. Чуть попозже он шел к себе, но вскоре возвращался в знакомом пальто и кепке, нагнутой на глаза.

— Теперь я иду гулять.

Он гулял около часа и, когда возвращался, всегда приходил сказать мне об этом, чтобы я не беспокоилась:

— Вот я и вернулся!

Я всегда переживала, когда он отсутствовал. Я зна-

ла, что его разыскивают повсюду, но он меньше нас всех об этом беспокоился.

Спокойствие его было как-то заразительно. Однажды он гулял дольше обычного, а когда вернулся и сказал, что заблудился, это казалось вполне нормальным и естественным.

Как-то я хворала и пролежала пару дней в постели. Утром, как только все ушли на работу, Ленин подошел ко мне и озабоченно справился о моем здоровье. Он был всегда очень внимателен, заботился и обо мне. Но никто не должен был заботиться о нем. Это ему не нравилось.

Когда папа приходил к нам в город, Ленин долго просиживал с ним на крыльце и они оживленно разговаривали.

Такое «открытое» место для бесед оказалось очень удобным: были теплые осенние вечера, крыльцо выходило во двор, где не было других жильцов. Ленина интересовало все. Когда он приходил обедать или прохаживался по большой комнате, он буквально засыпал нас вопросами.

Ленин очень беспокоился о том, что революционная ситуация в Петрограде будет упущена. Он уехал бы немедленно, но его не пускали. Потом, по-моему в субботу 20 октября, сестра с мужем вернулись с работы раньше обычного. Было решено, что Ленин уедет сегодня. Наскоро пообедали. Все мы были очень серьезны и озабочены, так как знали, что Ленину предстоит тяжелый путь.

Сборы в дорогу были недолгими. Очень скоро Ленин пришел на нашу половину и стал прощаться. «Не беспокойтесь. Как только я приеду на место, сразу же сообщу вам!»

Он так и сделал. Уже на следующий день мы получили сообщение, что Ленин добрался благополучно.

Если бы меня спросили, каким человеком был Ленин, я бы ответила: прекрасным. Глаза его улыбались, в уголке одного глаза часто была усмешка. Чем больше он жил у нас, тем больше мы к нему привязывались.

Мы знаем о его большой учености и гениальности, но когда говорят о его неприхотливости, то это трудно представить, если не знаешь его так близко. Он всегда довольствовался самым малым, лишь бы это не мешало осуществлять его великие замыслы.

Он очень любил также детей. Когда маленький сын моей сестры приезжал в город, Ленин с удовольствием играл с ним. Оба от души веселились, когда Ленин поднимал его наконец посидеть на печке... Он любил также музыку и слушал всегда с удовольствием, но говорил, что музыка порой отвлекает его и это мешает работать.

Мне выпало большое счастье знать Ленина и находиться с ним рядом три недели, чувствовать его доброту и заботу. Когда мы в свою очередь попали в эмиграцию в Советскую Россию, мы почувствовали, что Ленин всегда помнил о нас. Я никогда не забуду тех лет.

Незабываемая встреча

Один эпизод оставил живой и яркий след во всей моей жизни. Это было осенью 1917 года.

Мы с моим мужем Антти жили тогда в Выборге на улице Матинкату, 5, в доме Юсси Ахола. Мы прекрасно ладили с нашими хозяевами. Юсси много делал для нашей семьи. Когда мы переехали из деревни в город, он помог Антти получить работу кузнеца в ремонтном цехе железной дороги. Жизнь была трудная, беспокойная и голодная. Особенно доставалось рабочим семьям. Продукты выдавали по карточкам, строго по норме. Нормы были такие мизерные, что я теперь удивляюсь, как мы только жили.

У меня не было постоянной работы. Отправив своего десятилетнего сына Аарне в школу, я шла в город выпрашивать работу в богатых семьях — кому мыть полы, кому постирать. Иногда удавалось получить работу в мастерской по пошиву одежды.

Вечерами, когда мужчины собирались дома вместе, начинались разговоры, во время которых наш хозяин охотно комментировал события, которых мы, молодые, не понимали. Юсси Ахола был большевиком. До 1907 года он работал в Петербурге. Там же связал свою судьбу с большевистской партией, участвовал в рабочих кружках, где получил настоящую марксистскую подготовку. Благодаря ему мой муж, социал-демократ, овладел большевистским мировоззрением. Было очень интересно говорить с Юсси о политике. Хозяин много рассказывал об известных русских революционерах, особенно о Владимире Ильиче Ленине...

Само собой разумеется, что, рассказывая о Ленине, Юсси никогда не говорил, где он находился в тот момент или как он выглядел. Но, видимо, он все это хорошо знал. Однажды Ахола сказал мне: «Алма, ты не возьмешься за небольшое поручение? Но об этом нельзя говорить никому. Правая рука не должна знать, что делает левая».

Я согласилась. И уже на другой день я пошла в кооперативный магазин, где мы получали продукты по карточкам. Там я поговорила наедине со знакомой про-

давщицей Евой Перякюля и передала ей просьбу Юсси. Надо сказать, что в то голодное время его просьба была очень большая. Еве надо было сэкономить из продаваемых продуктов небольшую часть и передать мне, чтобы я отнесла их какому-то гостю в квартиру Латукка. Кто был этот гость, Юсси не объяснил.

«Я ждала тебя,— сказала Ева, когда я вошла в магазин.— Дай сюда карточки и сумку».

Она сложила незаметно упакованные продукты и проводила меня до двери.

«Подумай-ка,— размышляла я про себя,— хотя Ева социал-демократ, ей доверяют такие секреты, как будто она большевик».

Я отнесла продукты к себе домой. Ждала вечера. Как только стемнело, я отправилась в Таликкала, на улицу Александеринкату, в кирпичную часть Выборга. Дом Латукка под номером 15 был на самой окраине города.

Раньше я никого посторонних у Латукка не видела, поэтому и сейчас бодро вошла в дом как закадычный друг. Открываю дверь на кухню. На дороге встречаю Люли Латукка. У нее встревоженный вид.

— Ах, это ты пришла,— говорит она растерянно.

Я сообразила, в чем дело, и нарочито громко назвала пароль:

— Привет от Евы.

После этих слов Люли облегченно вздохнула. И тогда я увидела, что на кухне умывается посторонний мужчина, которого я никогда ни до ни после этого не видела на наших улицах. Он был невысокого роста, широкоплечий, в белой нижней рубашке, рукава засучены выше локтя. С лысиной. Незнакомец кончил умываться, тщательно вытерся и внимательно взглянул на меня. До сегодняшнего дня помню слегка углубленные, с прищуром, ясные и веселые глаза. Я полагаю, что он с первого взгляда понял, кто я такая и почему пришла так поздно в дом. Или, возможно, до этого говорили о моем приходе — не знаю. Но незнакомец внимательно посмотрел на нас и, не говоря ни слова, ушел в свою комнату.

Когда на следующий день я снова пришла в магазин, то не смогла сдержать своего женского любопытства и спросила у Евы: «Он наверное один из руководителей партии там (в России)?» Ева приложила палец к губам, давая понять, что об этом нельзя говорить. Веди себя,

как будто ты ничего не знаешь и ничего не видела. И я действительно долгое время не знала, кому я передавала пакеты с продуктами.

Бурные годы революции прошли быстро. Много воды утекло со времени моей встречи с «незнакомцем».

И вот наступил 1927 год. Мы вместе с Евой в первый раз приехали в Ленинград с группой финских туристов. Сразу же на платформе Финляндского вокзала мы увидели большой памятник.

— Хей! — радостно воскликнула я и схватилась за плечо приятельницы. — Ева, вот человек, которого я видела у Латукка. Это действительно был Ленин?

Ева и на этот раз не дала мне договорить.

— Ты не ошиблась, — прошептала она с улыбкой. — Но заметь, что мы не одни, вокруг нас туристы. И поскольку мы живем в буржуазной Финляндии, упоминать его имя не всегда безопасно.

Старая коммунистка была права. Поэтому я долгое время, пока жила в Финляндии, никому из посторонних не говорила о том, что видела так близко дорогого Ильича и помогала его соратникам доставать то, что им было так необходимо во время работы в глубоком подполье в сентябре 1917 года.

Мой первый визит в Смольный

В своих мемуарах «О годах нашего становления» финский дипломат К. Г. Идман рассказывает подробно о своей поездке в Петроград в последние дни декабря 1917 года вместе с государственным секретарем Карлом Энкелем и председателем Хельсинкского окружного комитета рабочих и солдатских Советов Смилгай.

Целью поездки было посещение Ленина в связи с вопросом о предоставлении самостоятельности Финляндии. Идман рассказывает о своей встрече с Лениным в Смольном¹:

«Смилга повел нас на второй этаж. Мы прошли через ряд комнат, где стояли красногвардейцы охраны, и наконец добрались до приемной Ленина. Наш гид попросил нас подождать, а сам вошел в комнату, чтобы подготовить нашу встречу. В ожидании приема мы оглядывали посетителей в приемной и всех, кто проходил через нее. Нам пришлось ждать три часа. Следует добавить, что наш вежливый гид за это время дважды подходил к нам и извинялся, что Ленин не может принять нас сразу.

Сам Ленин во время нашего ожидания выходил в приемную поговорить с девушкой-машинисткой и худощавым молодым человеком, который оказался секретарем Совнаркома Горбуновым. Ленин знал, кто мы такие, так как он время от времени поглядывал на нас. Мы тоже рассматривали его с любопытством, так как узнали его по портретам...

Прошу извинения у читателей за отступление в рассказе, пока Смилга не пришел за нами, чтобы проводить к Ленину. Причиной столь долгого ожидания было и то обстоятельство, что сенат не обращался ранее к народным комиссарам. Мы не знали, надо ли снимать пальто или нет. В Смольном все ходили в верхней одежде, некоторые даже в галошах. Мы все же решили из вежливости снять верхнюю одежду. Нас провели в сосед-

---

¹ Эта встреча состоялась 15(28) декабря 1917 года.— *Прим. к финскому изданию.*

нюю комнату, в конце которой была дверь и перед ней солдат, из-под фуражки его выбилась кудряшка.

Когда мы вошли в комнату, Владимир Ильич Ленин уже стоял, ожидая нас. Я несколько растерялся от того, что человек, имеющий такое огромное влияние на судьбы своей Родины, выглядел так скромно. Среднего роста, немного рыжеватых волос по краям головы, короткая бородка, редкая и тоже слегка рыжеватая. В остром и мудром взгляде чувствовалась огромная воля. Речь его была проста и естественна, как и все его поведение. Тот, кто не знал его, никогда бы не догадался о силе его духа. О Керенском говорили, что он умеет только произносить речи, но этого никогда нельзя было сказать о том, кто сокрушил его.

Ленин принял нас очень приветливо и извинился, что нам пришлось долго ждать. Комната, в которой мы находились, была перегороджена на две части. В первой половине комнаты за столом сидели двое мужчин. Ленин пригласил нас за перегородку, где, очевидно, и была «святая святых». Правда, эта комната в целом ничуть не отличалась от других комнат Смольного. Она была такая же простая и скромная, как и все другие. Побеленные стены, деревянный стол и несколько стульев.

Когда мы сели, Энкель начал подробно излагать события, начиная с ноябрьской революции в Финляндии, и закончил рассказом, как эти события должны будут привести к провозглашению самостоятельности Финляндии. Он объяснил также, почему правительство Финляндии сразу же не обратилось к Советскому правительству: ждали, когда соберется Учредительное собрание. Все прежние правительства России всегда заверяли финнов, что только Учредительное собрание сможет удовлетворить их просьбу. Но поскольку теперь неясно, соберется ли оно вообще и, даже если соберется, окажется ли оно жизнеспособным, сенат решил обратиться в Совет Народных Комиссаров.

Ленин ответил нам, что общенациональное собрание или съезд скоро созовут, но сенату необходимо решить, как поступить и к кому обратиться. Если он официально обратится в Совет Народных Комиссаров, тот, несомненно, сразу же признает независимость Финляндии.

По существующей системе правления решение Совета Народных Комиссаров должен был утвердить Исполнительный комитет Советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов. Ленин заверил, что этот вопрос и там не встретит затруднений. Посоветовавшись с Лениным по ряду других вопросов, мы попрощались, пообещав передать правительству Финляндии его ответ»¹.

---

¹ К. Идман и К. Энкель немедленно уехали в Финляндию, а через три дня, 18(31) декабря 1917 года, в составе делегации во главе с председателем сената П. Свинхувудом вновь прибыли в Петроград с официальным обращением финляндского сената к Советскому правительству о предоставлении независимости Финляндии.— *Ред.*

Ленин и первый договор между социалистическими республиками¹

В истории финляндской пролетарской революции нельзя обойти молчанием договор, заключенный финляндским революционным правительством с большевистским правительством России. Этот договор был первым договором между двумя рабочими правительствами, следовательно, первенцем в этой области.

Кроме того, этот договор заслуживает упоминания и по другим соображениям, и особенно в той части, на основе которой были намечены будущие экономические перспективы Финляндии. Поэтому постараюсь поделиться своими воспоминаниями по истории этого договора.

Обострившийся во времена Керенского вопрос о высшей государственной власти в Финляндии разрешился, когда у власти стали большевики. Партия эта единственная в России признавала право самоопределения наций вплоть до отделения от России. Уже в 1917 году Центральный Комитет партии большевиков по просьбе Социал-демократической партии Финляндии принял решение признать независимость Финляндии, и Совнарком РСФСР принял соответствующее постановление².

После того как самостоятельность Финляндии была в начале 1918 года официально признана Всероссийским Центральным Исполнительным Комитетом Советской России, было решено учредить специальную совместную комиссию для разрешения вопросов, связанных с прежней общностью Финляндии и России. Однако белый сенат Финляндии препятствовал мирному решению совместных проблем и готовил вооруженную контрреволюцию, чем сорвал создание совместной комиссии в то время.

Вопрос этот встал сам собою снова, как только в

¹ Воспоминания написаны в 1928 году.— *Ред.*

² 6 декабря (23 ноября) 1917 года финляндский парламент принял декларацию, объявившую Финляндию независимым государством. 18(31) декабря 1917 года Совнарком РСФСР признал государственную независимость Финляндии.— *Ред.*

Финляндии вспыхнула революция. Кроме того, было очевидно, какое большое политическое значение имел бы тот факт, если бы революционное правительство немедленно приняло меры к урегулированию вышеупомянутых взаимоотношений с Советской Россией. Этим было бы притушено острое агитации белогвардейцев, уверявших, что пролетарская революция якобы угрожает провозглашению самостоятельности Финляндии. Такое мнение было широко распространено среди населения, особенно в среде крестьянства. К тому же договор с Советской Россией был нужен по чисто практическим соображениям — для урегулирования хозяйственных вопросов, и сам по себе он являлся вполне естественным между двумя соседними рабочими государствами.

В начале февраля 1918 года, числа 4-го или 5-го, вопрос этот обсуждался и был утвержден Советом народных уполномоченных Финляндии, а затем вместе с Советом Народных Комиссаров РСФСР было решено назначить российско-финляндскую совместную комиссию для выработки условий договора. Комиссия была составлена на паритетных началах. С нашей стороны в комиссию вошли товарищи Токой, Кирвес, Валпас и автор этих строк. Быть может, были назначены и другие товарищи, но я теперь не припомню. Со стороны России в комиссию вошли: товарищ Шотман, бывший тогда членом коллегии Наркомпочтеля РСФСР, председатель Хельсинкского Совета рабочих и крестьян из русских, проживающих в Хельсинки, товарищ Шейнман (в настоящее время председатель правления Государственного банка СССР) и преподаватель русского языка Хельсинкского университета товарищ Смирнов, старый член партии. Какое-то время в комиссию входил и нынешний председатель Совета Народных Комиссаров ЗСФСР товарищ Элиава. Председателями комиссии были попеременно: со стороны финнов — я, со стороны русских товарищей — Шейнман; секретарем комиссии был товарищ С. Вуолиоки. Валпас почти не участвовал в работе комиссии. Единственное его предложение заключалось в том, чтобы занимаемый тогда в Хельсинки русским военным госпиталем участок земли на улице Унио был отведен для постройки Дома рабочих Хельсинки, который стал бы в дальнейшем лучшей постройкой города, а остров Сантахамина, на котором была расположена

Свеаборгская крепость, отведен под народный парк. Валпас обосновал свое предложение тем, что, по его мнению, после поражения революции от нашего договора и следа не останется, но эти отданные рабочим бывшие казенные русские владения даже белогвардейцы постесняются отобрать у рабочих.

Очень доверчив был тогда товарищ Валпас! Но, учитывая его предложение, в договор включили специальный пункт, предусматривающий безвозмездную передачу русским правительством бывших казенных владений рабочим организациям (§ 5).

Комиссия собиралась неоднократно в Хельсинки, в помещении президиума парламента, и выработала проект договора. Подготовленный проект подлежал утверждению обоими правительствами. В 20-х числах февраля Совет народных уполномоченных Финляндии одобрил проект договора с некоторыми незначительными изменениями и послал меня вместе с Токой делегатами в Петроград для внесения проекта договора на утверждение Совнаркома РСФСР. Нас сопровождали товарищи Г. Ровио и С. Вуолиоки. Совет Народных Комиссаров РСФСР назначил комиссию для предварительного рассмотрения проекта, особенно в части, касающейся территориальных изменений. Эта многочисленная по составу комиссия собралась и начала обсуждение проекта. Но так как обсуждение превратилось в бесконечную дискуссию, то мы решили обратиться непосредственно к В. И. Ленину, после чего вопрос перешел в Совнарком.

В течение нескольких вечеров проект обсуждался постатейно, что совпало с моментом, когда немцы, прервав брестские мирные переговоры, начали наступление на Петроград и приближались к городу.

Мы, финские делегаты, ежедневно по телефону консультировались с Хельсинки и получали директивы и советы по поводу изменений, предлагаемых и вносимых русскими товарищами. Вся печатная работа и исправление текста договора в связи с поправками производились в Хельсинки.

1 марта договор был наконец готов для подписания...

Однако, прежде чем подписать договор, надо было географически точно обозначить Корватунтури — пограничный пункт передаваемого Финляндии района Петсамо (Печенгского края).

Для этого пришлось посреди ночи вызвать довольно далеко живущего от Смольного профессора М. А. Рейснера¹. Когда он наконец прибыл в половине второго ночи и разъяснил дело, можно было приступить к подписанию. Но тут произошел интересный случай. В заключении договора говорилось, что все подписавшиеся заверяют свои подписи печатями. Когда стали подписывать, выяснилось, что, кроме меня, захватившего с собой печать из Хельсинки, ни у кого печати при себе не было.

Дело все же уладили. Токой смастерил себе печать из пробки, а русские товарищи приложили печать Совета Народных Комиссаров, подкрепленную подписями управляющего делами Совнаркома Бонч-Бруевича и секретаря Совнаркома Горбунова.

После того как Ленин поставил свою подпись, мы попросили его дать нам перо, которым он подписывался, обещая подарить ему взамен золотое. Но это обещание так и осталось невыполненным из-за разгрома финляндской революции. Перо Ленина с обыкновенной пятикопеечной ручкой осталось у Суло Вуолиоки и, видимо, хранится у него до сегодняшнего дня.

В ту же ночь мы отправились на ожидавшем нас поезде из Петрограда в Хельсинки. Позднее состоялся обмен официально утвержденными ратификационными грамотами, в которых были исправлены две ошибки, оказавшиеся в подписанных нами экземплярах. Исправление этих ошибок и передачу договора в Совет Народных Комиссаров России провел товарищ Шотман. Такова вкратце история рождения договора Российской и Финляндской республик, приводимая мною по памяти.

Надо сказать откровенно, что проект договора был значительно исправлен во время обсуждения с русскими товарищами, особенно под влиянием товарища Ленина. Характерно, что в первоначальном варианте упоминались «Российская Федеративная Советская Республика» и «Республика Финляндия» в качестве договаривающихся сторон, и последнюю по предложению Ленина переименовали в «Финляндскую Социалистическую Рабочую Республику».

---

¹ Рейснер Михаил Андреевич (1868—1928) — профессор энциклопедии права и истории философии права. — *Ред.*

Мы, представители Финляндии, вначале согласились на это не без колебаний, так как не имели на это санкции от Совета народных уполномоченных. Когда мы вернулись в Хельсинки, депутаты выразили некоторое сомнение по поводу этого переименования, так как оно не соответствовало новой форме правительства, которую как раз в то время готовили и утвердили несколько позже. Несомненно, что изменение названия способствовало тому, что договор и по всем внешним параметрам логически стал бы «договором между Финляндской и Российской социалистическими республиками» и по-настоящему свидетельствовал о «дружбе и братстве этих двух свободных республик».

Второй принципиальный пункт в договоре касался гражданских прав, предоставляемых русским в Финляндии и финнам в России. Это был весьма уязвимый пункт в том смысле, что царское правительство в свое время требовало предоставления гражданских прав проживающим в Финляндии русским, причем это требование было важной частью царской политики. Под впечатлением этих воспоминаний мы предлагали предоставлять русским право перехода в финляндское гражданство после того, как они проживут в стране год. Следовательно, значительно лучше по сравнению с существовавшим прежде положением вещей, но с оговоркой, что российские граждане пользуются избирательным правом при условии перехода в финляндское гражданство.

Ленин горячо протестовал против нашего предложения: «Мы не требуем, чтобы вы предоставили русским буржуа право на участие в выборах, но русские рабочие, так же как финские рабочие в России, должны иметь все политические права там, где они зарабатывают на жизнь и проживают».

По этому вопросу спорили много и было высказано множество мнений. Мы попросили совета у депутатов сейма, но они придерживались принципиальных позиций первоначального варианта. Тем не менее мы не могли не признать, что с точки зрения пролетарской государственности Ленин был в принципе прав. Но с другой стороны, нам были даны руководящие инструкции.

Таким образом, в договор вошел § 13, согласно которому Россия предоставляла финским рабочим и крестьянам в России все политические права, в то время

как Финляндия обязывалась предоставить российским гражданам по возможности легкие условия для получения ими полных политических прав, «учитывая в особенности интересы трудового населения, не имеющего постоянного места жительства». Хотя в этом пункте пролетарская позиция не была полностью проведена, следует все же отметить: с точки зрения финляндской революции буржуазии, эксплуатирующей рабочих, не следует давать полноценных гражданских прав.

Это важно отметить хотя бы потому, что в принятом во время революции проекте конституции Финляндии такого рода принцип не соблюдался.

Также по инициативе Ленина был пересмотрен пункт, касающийся возврата реквизированных царским правительством судов. Этот возврат должен был быть произведен безвозмездно «в интересах содействия национализации финляндского торгового флота».

Во время финляндской революции не была в принципе проведена национализация заводов и другого имущества капиталистов, и, видимо, своим предложением Ленин стремился направить нашу революцию в более правильное русло.

И наконец, еще один пункт договора, отчетливо отличавший его от буржуазных договоров. Он касался способа разрешения спорных вопросов. Было установлено, что возможные разногласия передаются на рассмотрение третейского суда, председатель которого назначается правлением левого крыла Шведской социал-демократической партии. Как известно, левое крыло поддерживало пролетарскую революцию, и вышеуказанный пункт подтверждал, что рассмотрение дел в пролетарских государствах может вести только пролетарский суперарбитр.

Все эти детали изменили общий тон договора, придав ему значительно в большей степени характер пролетарского государственного договора, чем это было в первоначальном варианте. Несомненно, этот договор стал более соответствовать истинному характеру финляндской революции, чем многие другие акты революционного правительства, как, например, первый революционный манифест и проект государственного устройства.

Небольшое воспоминание о Ленине

Хуотари вспоминает подписание договора между Советской Россией и Финляндской республикой в марте 1918 года.

Автору этих строк довелось быть свидетелем окончательного подписания договора 1 марта 1918 года в Петрограде, в Смольном. Оскари Токой со своей папкой пришлось довольно долго ждать, пока пришел Ленин, который в последнее время был очень занят работой. Он бегло прочитал текст — содержание его ему было известно до этого. Видимо, он просмотрел только самые важные пункты, подписался и заверил свою подпись печатью... На документе появились и другие имена, но важнее всего было имя Ленина. Со стороны финнов документ подписал Токой и заверил свою подпись самодельной печатью, так как подлинная печать в спешке была забыта в Хельсинки, а в Петрограде было невозможно найти другую. После подписания все пожали друг другу руки, и слегка сутулый, с рыжеватой бородкой человек покинул комнату. В то время он не мог тратить попусту ни секунды...

Советуюсь с Лениным

В 1918 году, приблизительно в конце мая, со стороны бывших членов Красного правительства Финляндии была сделана попытка договориться с англичанами о помощи в разгроме белофиннов в Финляндии. Для этой цели было решено использовать американских финнов, которых насчитывалось около 60 000. Правительство Англии согласилось транспортировать этих финских эмигрантов в Мурманск, вооружить их и полностью обмундировать, но с тем условием, что в составе командования будут исключительно англичане.

Эти переговоры велись между полковником Тхорнхиллом, проживавшим тогда в Петрограде, и бывшими членами финского правительства — Оскари Токоя и другими.

В руках Токоя и его сподвижников находилось тогда «Иностранное агентство социал-демократических организаций Финляндии», и оно предложило мне поехать в Мурманск, чтобы договориться с английской военной комендатурой о способах и условиях репатриации финских эмигрантов в Россию.

Я не очень доверял компании Токоя и сомневался, чтобы англичане с честными намерениями хотели помочь красным финнам. Мои сомнения по поводу честности нашего «союзника» зародились еще во время моего пребывания в Финляндии, когда по поручению Красного правительства Финляндии я отправлял через границу руководимых этим самым Тхорнхиллом английских и французских офицеров. Мы показали тогда полковнику Тхорнхиллу применяемые белофиннами пули типа дум-дум. Он выразил глубокое негодование по поводу подобных действий белофиннов. Но когда он оказался на стороне белофиннов, то восхвалял их, говорил об их человечности, а нас представлял разбойниками. Я помнил это и решил посоветоваться с Владимиром Ильичем.

Я поехал к Владимиру Ильичу в конце мая вместе с моим товарищем Эдвардом Вастеном. Когда я рассказал Ильичу все это, он сказал мне:

— К англичанам можно поехать и посоветоваться, хотя вряд ли что-нибудь из этого выйдет. Англичане попытаются обмануть вас. Но если американские финны настоящие трудяги, то они могут быть вам полезны.

Он посоветовал предложить англичанам следующие условия: во-первых, англичане должны будут разрешить шести финским представителям поехать в Америку для переговоров с теми, кого они намерены привезти;

во-вторых, политическое руководство в этом мероприятии должно быть в руках финских красных.

— Если англичане примут ваши условия,— сказал Владимир Ильич,— то мы тогда сможем согласиться, и будет очень полезно привезти этих 60 000 финнов.

Уверенный, что англичане не согласятся на эти условия, Владимир Ильич все же дал мне разрешение поехать на переговоры.

Я ехал в специальном поезде, где весь обслуживающий персонал и караульные были финские красные. В нашу делегацию входили два представителя от красногвардейцев, захвативших станцию Канталахти, два представителя их штаба и Вастен.

По приезде в Мурманск нашу делегацию направили на английский броненосец, где нас встретили с большими почестями. Переговоры с нами должны были вести довольно сносно владевший русским языком адмирал Кемп, совершенно не знающие русского языка генерал Пулин и полковник Тхорнхилл.

В начале переговоров было высказано много любезностей в адрес красных. Англичане выражали глубокое сожаление по поводу наших неудач, считая, что основная причина этого — нехватка командиров. Они обещали организовать отряд финских эмигрантов так, что там будут хорошие военные командиры, прекрасное оружие и обмундирование. Предложенные нами условия, видимо, не очень понравились. Но они этого прямо не сказали нам, а намекали на то, что они не смогут доставить нашу делегацию в Америку, так как немецкие подводные лодки постоянно патрулируют море. А это грозит гибелью всей делегации. Что же касается политического руководства, то оно должно быть в их руках, поскольку они более опытные в политике, в то время как мы, рабочие, еще не овладели этим искусством. Они говорили, что они всей душой хотят помочь финским трудящимся

и очень разочарованы тем, что мы ставим такие условия.

Переговоры кончились быстро, так как мы не пришли ни к какому соглашению. Мы покинули бронепоезд, и почетный караул больше не сопровождал нас.

Во время нашего пребывания в Мурманске адмирал Кемп неоднократно беседовал со мной. Он всячески убеждал меня написать воззвание к американским финансам с предложением приехать к нам на помощь.

Я, конечно, отказался писать такое воззвание.

Когда мы пытались выехать из Мурманска в Петроград, наш отъезд всячески задерживали, но мы решили во что бы то ни стало уехать, и, видимо, они не хотели удерживать нас силой. Английское военное руководство сочло преждевременным начать тогда свое выступление. Вскоре после того как я вернулся в Петроград, Локкарт уехал и в районе Мурманска начались военные действия. Англичане захватили город Кемь и продолжали наступление по железной дороге в сторону Петрограда.

Я приехал в Москву и рассказал Владимиру Ильичу о результатах переговоров.

— Я был уверен, что все произойдет именно так, — сказал Владимир Ильич. — Можно было догадаться по их открытой интервенции. Они прощупывали почву.

По мнению Владимира Ильича, англичане сочли наиболее опасными и неприемлемыми для себя наши два основных условия — разрешение нашим шести представителям поехать в Америку и политическое руководство.

— Но эти переговоры не принесли никакого вреда, — сказал он, — так как из-за них англичане задержали свое нападение, не имея достаточного количества войсковых соединений.

Ленин в Коминтерне

Я видел Ленина несколько раз, но только на больших собраниях за столом президиума или на демонстрации. По этой причине я не могу «дать его портрет с близкого расстояния». Мои впечатления о нем не отличаются, по существу, от впечатлений сотен тысяч других людей.

На открытии II конгресса Коминтерна в 1920 году в Таврическом дворце Петрограда я был свидетелем того, какое огромное впечатление производил Ленин на приехавших с различных концов земного шара делегатов рабочего и национально-освободительного движения.

Иногда в подобных ситуациях кажется, что бурные овации выражают своеобразный преднамеренный церемониал. Но в теплоте отношений аудитории к Ленину никогда не было никакой наигранности.

Нелегко было утихомирить бурные овации аудитории. Послушав их некоторое время спокойно, Ленин начинал показывать жестами и выражением лица признаки нетерпения. Но когда буря все же не затихала, он вытаскивал из кармана внушительных размеров часы, как наглядное напоминание о том, что время идет и пора все это кончать. И это помогало. Хотя участники конгресса только что бушевали в приветствиях, теперь они сидели тихо и слушали обстоятельную речь Ленина о международном положении и перспективах развития международного рабочего движения. Это напряженное спокойное внимание, прерываемое аплодисментами в особо важных местах речи, длилось и тогда, когда произнесенная по-русски речь переводилась на немецкий, затем на французский, английский и итальянский языки.

Незабываемое впечатление произвело на всех участников выступление Ленина на IV конгрессе Коминтерна в 1922 году. Несмотря на болезнь, он держался очень бодро. Из речи, произнесенной на безукоризненном немецком языке, иностранные делегаты получили ясное представление о хозяйственных проблемах Советской республики. Особенно мне запомнилось спокойное и естественное изложение Лениным сути столь досадного

даже в современном понимании явления, как отступление.

Не отрицая, что переход от политики военного коммунизма к новой экономической политике является отступлением, он выразил убеждение, что политика коммунистов в капиталистических странах должна допускать возможность такого отступления и обеспечивать эту возможность. Это был безусловно мудрый и нужный совет. Ленин имел смелость назвать свое собственное отступление отступлением. Такая смелость, как известно, дана не каждому.

Ленина нельзя упрекнуть в склонности к монополизации мысли. Он всегда стремился по всякому поводу советоваться с товарищами по работе и очень доверял творческой инициативе масс. Но из-за своей необыкновенной дальновидности, работоспособности и сообразительности ему приходилось всегда первым давать ясные и четкие ответы на вопросы, волновавшие умы людей на разных этапах революционной борьбы.

Краткие сведения об авторах воспоминаний и источниках

БЛУМКВИСТ Артур (1878—1951) и Эмилия (ум. 1968) — супруги, рабочие, были в 1917 г. членами рабочей организации финских шведов. У них на квартире в Хельсинки после июльских дней 1917 г. некоторое время укрывался В. И. Ленин от ищек Временного правительства.

Интервью с ними опубликовано в газете «Вапаа Сана» 21 января 1949 г.

БРУСИЛА Каарло — участник рабочего движения в Торнио.

Интервью с ним опубликовано в газете «Кансан Тахто» 14 апреля 1959 г.

ВИЙК Карл Харальд (1883—1946) — социал-демократ с 1909 г. В 1918 г. во время рабочей революции в Финляндии входил в революционное правительство — Совет народных уполномоченных. В 1926—1936 гг. — секретарь Социал-демократической партии Финляндии. В 1941 г. за участие в антивоенном движении был арестован. Освобожден в 1944 г. В том же году во главе группы левых социал-демократов принимал участие в создании совместно с Компартией Финляндии Демократического союза народа Финляндии и был его первым председателем. К. Вийк вел подробный дневник ему одному известным шифром. Долгое время дневники Вийка не удавалось расшифровать. Советский журналист Ю. Дашков обнаружил в архиве рабочего движения в Стокгольме часть его дневников (с 5 апреля 1917 г. по 2 марта 1918 г.), расшифрованных им самим. Судьба остальных дневников пока неизвестна.

ВИНСТЕН — сестры, содержали пансионат «Гердобагка» в пригороде Хельсинки — Оулункюля. В. И. Ленин несколько недель прожил в этом пансионате в конце 1907 г.

Статья «Ленин в пансионате Оулункюля» основана на интервью, записанном финским писателем В. Арти. Опубликовано в газете «SNS» № 31, 1947 г.

ГЮЛЛИНГ Эдвард Отто Вильгельм (1881—1944) — деятель финского рабочего движения. В 1908—1918 гг. — депутат финского сейма. В 1910—1918 гг. — доцент Хельсинкского университета. В 1905 г. вступил в Социал-демократическую партию Финляндии, принадлежал к ее левому крылу. В 1913—1917 гг. — член Исполкома СДПФ, в 1917—1918 гг. — председатель СДПФ. Во время революции в Финляндии в 1918 г. — член революционного правительства, начальник Главного штаба Красной гвардии. После поражения революции Гюллинг в конце 1918 г. эмигрировал в Швецию и там работал в Загранбюро ЦК Компартии Финляндии. В 1920 г. эмигрировал в Советскую Россию и принял советское гражданство. В 1920 г. вступил в РКП(б). В 1920—1923 гг. — председатель Карельского облисполкома, в 1923—1935 гг. — председатель Совнаркома Карельской АССР. В 1935—1937 гг. — сотрудник Международного экономического института в Москве. В сборник включена первая часть довольно

обширной статьи автора «Первый Договор социалистических Республик», опубликованной в журнале «Коммунист», 1928, № 1 (37), выходящем в Ленинграде на финском языке.

ИДМАН К. Г. (1885—1961) — дипломат. Участвовал в 1917 г. в переговорах с Лениным по вопросу о предоставлении Финляндии независимости, а в 1948 г. — в подготовке договора о дружбе и сотрудничестве между СССР и Финляндией. Воспоминание «Мой первый визит в Смольный» взято из его книги «Maamme itsenäistymisen vuosilta». Muistelmia, Helsinki, 1953, S. 214—217.

КИИСКИНЕН Аура (1878—1968) — активный деятель рабочего движения Финляндии на раннем этапе, депутат, один из основателей Компартии Финляндии. Статья «Я видела Ленина дважды» и отрывок из интервью газете «Инкери Лехтинен» опубликованы в журнале «Kommunisti», 1967, № 10.

КУУСЕЛА Каарло (1869—1948) — артист, руководитель Рабочего театра г. Вааса. Его воспоминания о Ленине опубликованы в журнале «Kommunisti», 1967, № 10.

КУУСИНЕН Отто Вильгельмович (1881—1964) — видный деятель финляндского и международного рабочего движения, Коммунистической партии и Советского государства. Один из основателей Коммунистической партии Финляндии, участник всех (кроме II) конгрессов Коминтерна. На III конгрессе Коминтерна был избран членом Исполкома; с 1921 по 1939 г. — один из секретарей Исполкома Коминтерна. С 1940 г. — депутат Верховного Совета СССР. Был председателем Президиума Верховного Совета Карело-Финской ССР. С 1941 г. — член ЦК КПСС. С июня 1957 г. — секретарь и член Президиума ЦК КПСС. В 1958 г. был избран членом Академии наук СССР. Автор ряда работ по вопросам истории КПСС и международного рабочего движения.

Статья «Ленин жив» — отрывок из его доклада на торжественном заседании в Москве, посвященном 90-й годовщине со дня рождения В. И. Ленина, 22 апреля 1960 г. Выступление полностью опубликовано в книге: В. Куусинен. Избранные сочинения. М., 1968.

ЛАТУККА Люли (1886—1938) — жена Ю. Латукка. Один из руководящих деятелей женского движения Финляндии. Участвовала вместе с мужем в устройстве Ленина в Выборге. Статья перепечатана из сборника «Ленин в воспоминаниях финнов». Л., 1925 (на финском языке).

ЛАТУККА Юхани К. (1884—1925) — финский социал-демократ, журналист. Был сотрудником редакции выборгской рабочей газеты «Тюэ» («Труд»). Осенью 1917 г. у него на квартире в рабочем квартале Выборга — Таликкала жил В. И. Ленин. Статья Ю. Латукка «Ленин в Выборге осенью 1917 года» впервые была опубликована в сборнике «Lenin suomalaisten muistelmassa. Toimittanut J. E. Latukka». Leningrad, 1925, («Ленин в воспоминаниях финнов». Л., 1925 (на финском языке)).

ЛЕХЕН Тууре (р. 1893) — журналист. Статья «Ленин в Коминтерне» опубликована в журнале «Kommunisti», 1966, № 10.

ЛИНДСТРЕМ Людвиг (1879—1953) — швед, живший в Финляндии, работник народного просвещения и служащий страховой компании. В декабре 1907 г. помогал В. И. Ленину переправиться через Финляндию в Швецию. Его воспоминания на русском языке полностью не публиковались. Частично цитируются в книгах: Ю. Дашков. По ленинским местам Скандинавии. М., 1971; М. Коронен. В. И. Ленин и Финляндия. Л., 1977. В настоящем издании публикуются воспоминания, написанные Линдстремом в 1946 г. Впервые они были опубликованы на шведском языке в журнале «Allsvensk Samling» («Всешведский сборник») в 1946 г., затем в сокращенном финском переводе в газете «Вапаа Сана» 9 января 1947 г.

ЛОНГСТРЕМ Т. Х. (р. 1889) — активный деятель профсоюзного и кооперативного движения. Председатель парламентской фракции Социалистической рабочей партии в 1922—1923 гг. Статья-воспоминание опубликована в журнале «Kommunisti», 1966, № 10.

МАННЕР Куллерво (1880—1936) — деятель финского рабочего движения, коммунист. В 1905 г. примкнул к Социал-демократической рабочей партии. В 1910 г. — член сейма. В 1916—1917 гг. — председатель сейма, имевшего рабочее большинство. Один из руководителей пролетарской революции в Финляндии. В 1917 г. возглавлял революционное правительство — Совет народных уполномоченных. После разгрома революции эмигрировал в РСФСР. Один из основателей и руководителей Компартии Финляндии. Статья «Несколько личных воспоминаний о товарище Ленине» опубликована в сборнике «Ленин в воспоминаниях финнов». Л., 1925 (на финском языке).

НУОРТЕВА Александр (1881—1929) — член Социал-демократической партии Финляндии с 1904 г. После поражения рабочей революции в Финляндии эмигрировал в Америку, откуда после 1919 г. приехал в Советскую Россию.

Работал в Министерстве иностранных дел, а потом исполнял обязанности председателя Исполкома Карельской ССР. Его воспоминания о переезде Ленина в Швецию были опубликованы в петрозаводской газете «Красная Карелия» 21 января 1927 г.

РАУХИАЙНЕН Алма (р. 1890) — член Компартии Финляндии с 1926 г. Встретила Ленина в Выборге осенью 1917 г. В 1932 г. переехала в Советскую Карелию, где работала в лесной промышленности. Живет в Петрозаводске, пенсионерка. Рукопись-воспоминание «Незабываемая встреча» хранится в архиве Карельского обкома партии.

РАХЬЯ Эйно Абрамович (1886—1936) — участник русского и финского революционного движения начиная с 1903 г. В 1908—1910 гг. — секретарь, затем председатель русского отделения Социал-демократической партии Финляндии. В 1911—1917 гг. работал на заводе Серебрякова за Невской заставой. Принимал активное участие в организации конспиративного переезда Ленина в Финляндию в августе 1917 г. и затем — в октябре — обратно в Россию. В 1918 г., во время гражданской войны в Фин-

ляндии, командовал отрядами Красной гвардии. В 1919 г. — командир воинских соединений на Северо-Западном фронте. Его статья «Ленин в 1917 году» перепечатана из сборника «Ленин в воспоминаниях финнов». Л., 1925 (на финском языке). Статья «Советуюсь с Лениным» — из газеты «Советская Карелия» от 23 апреля 1965 г.

РОВИО Густав Семенович (1887—1938) — деятель рабочего движения Финляндии и России. Член Коммунистической партии с 1905 г. В 1913—1915 гг. — секретарь ЦК Социал-демократического союза молодежи Финляндии. В апреле 1917 г. в связи с революционными событиями был выдвинут рабочими организациями на должность начальника милиции Хельсинки. Был одним из активных участников рабочей революции 1918 г. в Финляндии.

С 1918 г. жил в Советском Союзе, находился на ответственной партийной работе.

Статья «Ленин в Хельсинки» опубликована в сборнике «Ленин в воспоминаниях финнов». Л., 1925 (на финском языке).

СИРОЛА Юрье Элиас (1876—1936) — финский коммунист. Сын пастора, окончил университет. В 1903 г. вступил в социал-демократическую партию. В 1905—1906 гг. был ее секретарем. В 1907 г. был избран голосами рабочих в первый однопалатный финский сейм, после чего был членом всех его созывов. Принимал активное участие в революции 1918 г. в Финляндии. В революционном правительстве — Совете народных уполномоченных — комиссар по иностранным делам. После разгрома революции эмигрировал в Советскую Россию. Один из основателей Коммунистической партии Финляндии. В 1930 г. — нарком просвещения Карельской АССР. В 1921—1922 и 1928—1936 гг. член Интернациональной контрольной комиссии Коминтерна. Статья-воспоминание печатается по тексту сборника «Ленин в воспоминаниях финнов». Л., 1925 (на финском языке).

ТОРНИАЙНЕН Эдвард (1886—1953) — журналист и переводчик. Сотрудник редакции газеты «Тюемиес» («Рабочий»), специалист по России. Статья «На беседе у Ленина» ранее не публиковалась. Рукопись под заглавием «Воспоминания о Ленине» хранится в Рабочем архиве в Хельсинки.

УСЕНИУС Мария (1884—1967) — жена финского рабочего Артура Усениуса, деятеля рабочего движения Финляндии. Впоследствии жила и работала в Советской Карелии. У них на квартире в Хельсинки жил некоторое время осенью 1917 г. В. И. Ленин. Рукопись 1934 г. «Ленин в Финляндии» хранится в Архиве Карельского филиала АН СССР.

ХААПЛАЙНЕН Ээро (1880 — конец 1930-х годов) — профсоюзный и политический деятель. В 1918 г. делегат Народной республики и главнокомандующий Красной гвардии Финляндии. После разгрома революции эмигрировал в Советскую Россию.

Статья «Мои встречи с Лениным» содержит отрывки из написанных в 1934 г. обширных мемуаров. Рукопись хранится в Архиве Карельского филиала АН СССР.

ХААРАЛА Хилдур (р. 1890) — сестра Люли Латукка, проживала в 1917 г. в Выборге в доме родителей, где Ленин останавливался на три недели.

Интервью опубликовано в журнале «Kommunisti», 1966, № 10.

ХАККИЛА Вяйне (1882—1958) — юрист, социал-демократ. В 1906 г., будучи студентом, снимал комнату в Хельсинки, где некоторое время скрывался В. И. Ленин.

Статья «Не совсем обычный гость» была опубликована в газете «Этеенпяйн» (Котка) 30 января 1924 г. под заголовком «Воспоминания о Ленине». В настоящее время хранится в Рабочем архиве.

ХУОТАРИ Антон (1881—1931) — журналист социал-демократ и депутат парламента. «Небольшое воспоминание о Ленине» опубликовано в «Рабочем календаре» в 1925 г.

ШОТМАН Александр Васильевич (1880—1939) — член РСДРП с 1899 г., принимал активное участие в Обуховской стачке в 1901 г. В 1902—1903 гг. — член Петербургского комитета РСДРП. С февраля 1905 г. работал в Одессе, затем в Петербурге, Хельсинки. В 1911—1912 гг. входил в состав Хельсинкского комитета Социал-демократической партии Финляндии. В 1913 г. на «Августовском» совещании в Поронино был введен в состав ЦК и Русского бюро ЦК РСДРП. В августе 1917 г. принимал участие в организации перехода В. И. Ленина через границу в Финляндию. Его воспоминания о Ленине неоднократно издавались на русском языке. В настоящем издании помещены воспоминания, опубликованные в сборнике «Ленин в воспоминаниях финнов». Л., 1925 (на финском языке).

ЭНГБЕРГ Оскар Александрович (1874—1955) — путилевский рабочий-финн, участник социал-демократического движения в России. В 1897 г. за участие в революционном движении выслан в Восточную Сибирь, в село Шушенское, Минусинского уезда. Здесь под руководством В. И. Ленина и Н. К. Крупской занимался политическим самообразованием. В числе 17 ссыльных социал-демократов подписал «Протест российских социал-демократов». После окончания ссылки приехал в Выборг, работал токарем, вел переписку с редакцией «Искры». С 1905 г. жил в Хельсинки. Принимал активное участие в профсоюзном движении. На русском языке воспоминания были напечатаны впервые в «Ленинградской правде» 30 марта 1937 г. Интервью Кайсу-Мирьями Рюдберга опубликовано в газете «SNS» № 5, 1956 г.

ЯЛАВА Гуго Эрикович (1874—1950) — машинист паровоза на линии Финляндия — Петербург. Активный участник революционного движения в России. На его паровозе № 293 В. И. Ленин дважды в 1917 г. переезжал нелегально через границу. Статья-воспоминание «Как я перевозил Ленина через границу» опубликована в петрозаводской газете «Красная Карелия» 22 января 1934 г.

Содержание

Предисловие	3
Предисловие редакции к финскому изданию	9
О. В. КУУСИНИН. Ленин жив	11
Ю. Э. СИРОЛА. О чем спрашивал Ленин	13
К. МАННЕР. Несколько личных воспоминаний о товарище Ленине	18
К. Х. ВИЙК. Воспоминания о Ленине	23
Э. ТОРНИЙНЕН. На беседе у Ленина	27
Э. ХААПАЛАЙНЕН. Мои встречи с Лениным	31
О. А. ЭНГБЕРГ. Вместе с Лениным и Крупской в Сибири	36
В. ХАККИЛА. Не совсем обычный гость	44
СЕСТРЫ ВИНСТЕН. Ленин в пансионате в Оулункюля	47
А. Ф. НУОРТЕВА. Отъезд Ленина из Финляндии в декабре 1907 года	49
Л. ЛИНДСТРЕМ. В дороге с Лениным	53
А. КИИСКИНИН. Я видела Ленина дважды	65
К. БРУСИЛА. Ленин в Торнио	66
А. В. ШОТМАН. Ленин в подполье	67
К. КУУСЕЛА. Как артист маскировал Ленина	76
Г. С. РОВИО. Ленин в Хельсинки	81
Э. А. РАХЬЯ. Ленин в 1917 году	91
Г. Э. ЯЛАВА. Как я перевез Ленина через границу	95
АРТУР и ЭМИЛИЯ БЛУМКВИСТ. Ленин живет на улице Теле	98
М. УСЕНИУС. Ленин в Финляндии	101
Т. Х. ЛОНГСТРЕМ. Как я познакомился с Лениным	103
Ю. ЛАТУККА. Ленин в Выборге осенью 1917 года	106
Л. ЛАТУККА. Ленин как человек	112
Х. ХААРАЛА. Ленин прожил у нас три недели	116
А. РАУХИАЙНЕН. Незабываемая встреча	120
К. Г. ИДМАН. Мой первый визит в Смольный	123
Э. ГЮЛЛИНГ. Ленин и первый договор между социалистическими республиками	126
А. ХУОТАРИ. Небольшое воспоминание о Ленине	132
Э. А. РАХЬЯ. Советуюсь с Лениным	133
Т. ЛЕХЕН. Ленин в Компитерне	136
Краткие сведения об авторах воспоминаний и источниках	138

ЛЕНИН
В ВОСПОМИНАНИЯХ
ФИННОВ

Заведующий редакцией *Н. Р. Андрухов*
Редактор *Т. Д. Дажина*
Младший редактор *Н. И. Коршикова*
Художественный редактор *С. Д. Алексеев*
Технический редактор *Н. К. Капустина*

ИБ № 1612

Сдано в набор 21.02.79. Подписано в печать 13.06.79. А 00375.
Формат 84 × 108¹/₃₂. Бумага типографская № 1. Гарнитура
«Обыкновенная новая». Печать высокая. Условн. печ. л. 84.
Учетно-изд. л. 7,93. Тираж 100 тыс. экз. Заказ № 3676.
Цена 35 коп.

Политиздат. 125811. ГСП, Москва, А-47, Миусская пл., 7,

Ордена Ленина типография «Красный пролетарий».
103473, Москва, И-473, Краснопролетарская, 16,

Хельсинки, начало XX века.

Мемориальная доска на стене Рабочего дома в городе Котка.

Рабочий дом (Котка), в котором в июле 1907 г. проходила Третья конференция РСДРП («Вторая Общероссийская»).

Дача Книповичей близ маяка в Стирсуддене, где жил В. И. Ленин в июне — июле 1907 г.